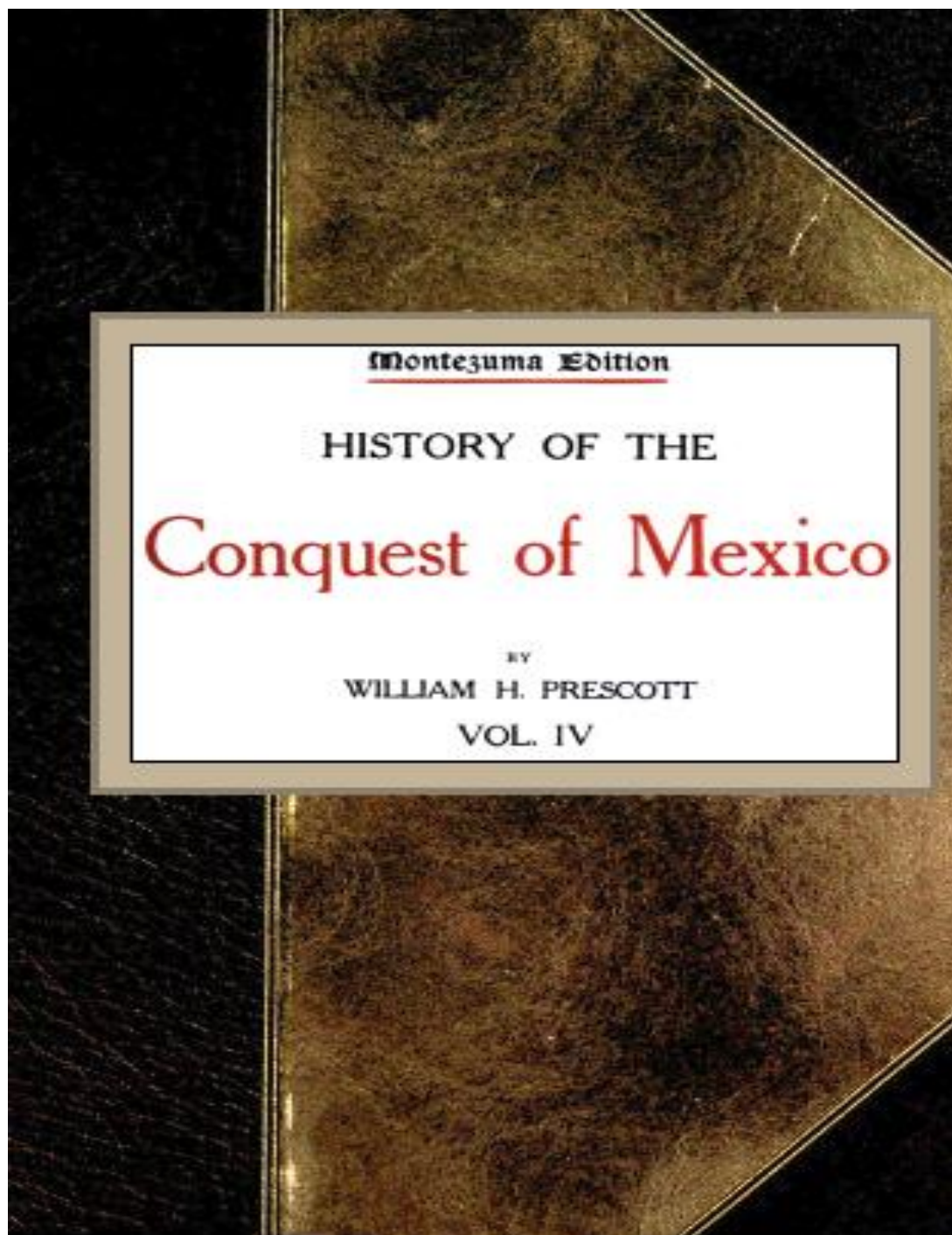

История завоевания Мексики. Том 4 из 4

Уильям Хиклинг Прескотт

Содержание

[ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МЕКСИКИ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ ТОМА IV](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[КНИГА VI ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ \(ПРОДОЛЖЕНИЕ\)](#)

[КОНКИСТАДОРА МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[КНИГА VII \(ЗАКЛЮЧЕНИЕ\) ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА КОРТЕСА](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ](#)

[№ 1. — См. т. I, с. 166](#)

[№ II. — См. т. I, с. 188](#)

[№ IV. — См. т. I, с. 215](#)

[№ V. — См. т. I, с. 316](#)

[№ VI. — См. т. I, с. 338](#)

[№ VII. — См. т. II, с. 28](#)

[№ VIII. — См. т. II, с. 31](#)

[№ IX. — См. т. II, с. 108](#)

[№ X. — См. т. II, с. 300.](#)

[№ XI. — См. т. III, с. 90 и др.](#)

[№ XII. — См. т. III, с. 149](#)

[№ XIII. — См. т. III, с. 257.](#)

[№ XIV. — См. т. IV, с. 203.](#)

[№ XVI. — См. т. IV, с. 248.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » («Служители и завоеватели: история завоевания Мексики»); том 4/4

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История завоевания Мексики; т. 4/4

Автор: Уильям Хиклинг Прескотт

Дата выпуска: 28 июня 2019 г. [электронная книга № 59832]

Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был подготовлен на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МЕКСИКИ; ТОМ 4/4» ***

[Содержание тома IV.](#)

[Список иллюстраций](#)

[Сноски](#)

[Приложение](#)

[Указатель:](#) A₁ B₁ C₁ D₁ E₁ F₁ G₁ H₁ I₁ J₁ K₁ L₁ M₁ N₁ O₁ P₁ Q₁ R₁ S₁ T₁ U₁ V₁ W₁ X₁ Y₁ Z
(примечание переписчика электронного текста)

Издание Монтесумы
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА Х. ПРЕСКОТТА

ДВАДЦАТЬ ДВА ТОМА

Том IV

Издание произведений Уильяма Х. Прескотта «Монтесума» ограничено тысячей экземпляров, из которых это

№ 345

ГУАТЕМОЗИН ПРИВЕДЕН ПЕРЕД КОРТЕСОМ

Страница 102

Издание Монтесумы

ИСТОРИЯ **Завоевания Мексики**

УИЛЬЯМ Х. ПРЕСКОТТ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ УИЛФРЕДА ХАРОЛДА МУНРО
ПРОФЕССОРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ В БРАУНОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**И СОСТОЯЩИЙ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ИЗДАНИЮ
ДЖОНА ФОСТЕРА КИРКА**

«Victrices aquilas alium laturus in orbem»

ЛУКАН, «Фарсалия», кн. V, ст. 238

Том IV

ФИЛАДЕЛЬФИЯ И ЛОНДОН J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Авторское право, 1843, Уильям Х. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1871, Уильям Г. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1873 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT & CO.

Авторское право, 1904 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Электротипия и печать

J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА IV

КНИГА VI

ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАВА V

РАЗГРОМ ИНДЕЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ — ОККУПАЦИЯ ДАМБ — ОТЧАЯННЫЕ АТАКИ — ОБСТРЕЛ ДВОРЦОВ —
ДУХ ОСАЖДЕННЫХ — КАЗАРМЫ ДЛЯ ВОЙСК

	СТРАНИЦА
Сандовал марширует на Истапалапан	<u>3</u>
Кортес принимает командование флотом	<u>3</u>
Поражение индейской флотилии	<u>5</u>
Кортес занимает Ксолок	<u>6</u>
Сандоваль продвигается к Кохоуакану	<u>7</u>
Стычки на дамбе	<u>8</u>
Блокада завершена	<u>9</u>
Одновременные нападения на Мексику	<u>9</u>
Укрепления, возведенные ацтеками	<u>10</u>
Бригантины обстреливают дамбу	<u>10</u>
Испанцы входят в город	<u>12</u>
Союзники разрушают здания	<u>12</u>
Ожесточенные сражения в городе	<u>13</u>
Испанцы достигают площади	<u>15</u>

Штурм пирамиды	15
Сбрасывают жрецов вниз	15
Ацтеки собираются	16
Испанцы отступают	16
Кавалерия на помощь	17
Отступление в свои казармы	17
Икстильшочитль в лагере	19
Второй штурм	20
Испанцы проникают в город	20
Пожар во дворце Аксаякатля	21
Королевская птичья ферма в огне	22
Ярость мексиканцев	23
Их отчаяние	24
Страдания испанцев	26
Операции Гуатемозина	27
Его бдительность	27
Засада среди камышей	28
Ресурсы индийского императора	29
Присоединение союзников к испанцам	30
Казармы для войск	31
Трудная доля осаждающих	31
Дух ацтеков	33

[ГЛАВА VI](#)

ОБЩИЙ ШТУРМ ГОРОДА — ПОРАЖЕНИЕ ИСПАНЦЕВ — ИХ БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ — ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПЛЕННИКОВ — ИЗМЕНА СОЮЗНИКОВ — СТОЙКОСТЬ ВОЙСК

Взгляды испанцев	35
Военный совет	36
Общий штурм города	37
Кортес упрекает Альварадо	38
Враг отступает	39
Их хитрый план	40
Звучит рог Гуатемозина	41
Ацтеки обращаются против своего врага	41
Ужасное разгромом испанцев	42
Неминуемая опасность для Кортеса	43
Самоотверженность его последователей	44

Ожесточенная борьба на дамбе	45
Отступление его отряда	46
Сандовал и Альварадо	46
Их войска изгнаны из города	47
Сандовал навещает генерала	49
Его беседа с ним	50
Громкий барабанный бой в храме	51
Жертвоприношение пленников	52
Ощущения испанцев	53
Радость ацтеков	54
Пророчество жрецов	55
Измена союзников	56
Мрачное положение испанцев	56
Их стойкость	58
Героизм их женщин	58

[ГЛАВА VII](#)

УСПЕХИ ИСПАНЦЕВ — БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГУАТЕМОЗИНУ — ЗДАНИЯ, РАЗРУШЕННЫЕ ДО ОСНОВАНИЯ — УЖАСНЫЙ ГОЛОД — ВОЙСКА ЗАХВАТЫВАЮТ РЫНОЧНУЮ ПЛОЩАДЬ — ОСАДНАЯ МАШИНА

Союзники возвращаются в лагерь	60
Присоединение союзников	62
План кампании	63
Заполнение брешей	65
Голод в городе	66
Бесплодные предложения Гватемозину	67
Совет ацтеков	67
Результат их обсуждений	69
Здания, разрушенные до основания	69
Одиночные бои	71
Дворец Гватемозина в огне	72
Страдания осажденных	73
Пренебрежение к своим мертвым	73
Их непобедимый дух	75
Пожар Теокалли	76
Успех Альварадо	77
Испанцы на рыночной площади	79

Кортес осматривает город	<u>80</u>
Ее опустошение	<u>81</u>
Двигатель для измельчения	<u>82</u>
Его провал	<u>83</u>

[ГЛАВА VIII](#)

УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ ОСАЖДЕННЫХ — ДУХ ГВАТЕМОЗИНА — УБИЙСТВЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ — ПЛЕНЕНИЕ ГВАТЕМОЗИНА — ЭВАКУАЦИЯ ГОРОДА — ОКОНЧАНИЕ ОСАДЫ — РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ужасный голод в городе	<u>85</u>
Каннибализм	<u>86</u>
Улицы заполнены трупами	<u>87</u>
Моровая язва сметает толпы	<u>88</u>
Тревожные чудеса	<u>88</u>
Дух Гватемозина	<u>89</u>
Кортес просит о встрече с ним	<u>90</u>
Гватемозин дает согласие	<u>90</u>
Он избегает переговоров	<u>91</u>
Убийственное нападение	<u>93</u>
Ужасающая сцена кровавой бойни	93
Подготовка к окончательному наступлению	<u>96</u>
Кортес настаивает на встрече	<u>97</u>
Сигнал дан	<u>98</u>
Ацтеки пытаются сбежать	<u>99</u>
Пленение Гватемозина	<u>100</u>
Прекращение военных действий	<u>101</u>
Личность Гватемозина	<u>102</u>
Приведен перед Кортесом	<u>102</u>
Его жена, дочь Монтесумы	<u>104</u>
Яростная гроза	<u>106</u>
Мексиканцы покидают свой город	<u>106</u>
Число погибших	<u>108</u>
Количество добычи	<u>109</u>
Кортес распускает своих союзников	<u>109</u>
Ликование испанцев	<u>110</u>
Торжественное благодарение	<u>111</u>
Размышления	<u>111</u>
Ацтекские институты	<u>112</u>

Их моральное влияние	114
Жестокость, приписываемая испанцам	114
Завоевание как военное достижение	117
Заметка историка Солиса	119
Его жизнь и труды	121
Двенадцатая книга Саагуна	125

[КНИГА VII](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА КОРТЕСА

[ГЛАВА I](#)

ПЫТКИ ГВАТЕМОЗИНА — ПОДЧИНЕНИЕ СТРАНЫ — ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТОЛИЦЫ — МИССИЯ В КАСТИЛИЮ — ЖАЛОБЫ НА КОРТЕСА — ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЕГО ВЛАСТИ

Небольшое количество сокровищ	130
Разочарование солдат	130
Пытки Гватемозина	130
Его непоколебимая стойкость	131
Подчинение страны	132
Достижение Южного океана	133
Восстановление столицы	135
Пророчество ацтеков сбылось	136
Миссия в Кастилии	136
Послы, захваченные французами	138
Обвинения против Кортеса	139
Тапия отправлен в Новую Испанию	140
Восстание туземцев	141
Подавлено Сандовалом	141
Враждебность Фонсеки по отношению к Кортесу	143
Его дело передано в специальный трибунал	143
Обвинения против Кортеса	144
Защита со стороны его друзей	144
Действия Кортеса утверждены	146
Он подтвержден в качестве верховного правителя	147
Он одерживает победу над Фонсекой	147
Унижение Веласкеса	148
Его смерть и характер	149

ГЛАВА II

СОВРЕМЕННОЕ МЕКСИКА — ЗАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ — ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ — ХРИСТИАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ — ВОЗДЕЛЫВАНИЕ ЗЕМЛИ — ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСПЕДИЦИИ

Восстановление Мексики	151
Здания в городе	152
Ее крепость	153
Ее население	154
Заселение страны	155
Поощрение брака	156
Жена Кортеса прибывает в Мексику	158
Ее смерть	159
Система <i>Репартиментиентос</i>	159
Награда тласкальцам	161
Обращение с коренными жителями	162
Францисканские миссионеры	163
Их прием Кортесом	164
Прогресс в обращении	166
Поселения завоевателей	167
Обработка почвы	168
Флот сожжен в Закатуле	169
Путешествия с целью открытия пролива	170
Экспедиция Альварадо	172
Результаты предприятий Кортеса	173

ГЛАВА III

ИЗМЕНА ОЛИДА — УЖАСНЫЙ ПОХОД В ГОНДУРАС — КАЗНЬ ГВАТЕМОЗИНА — ДОНЬЯ МАРИНА — ПРИБЫТИЕ В ГОНДУРАС

Измена Олида	175
Кортес готовится к посещению Гондураса	176
Свита генерала	177
Препятствия на пути	179
Перевалы возле Паленке	180
Заблудившись в лабиринтах лесов	181
Строит грандиозный мост	182
Лошади тонут в болотах	182

Сообщения о заговоре	183
Арест Гуатемозина	184
Его казнь	185
Его характер	185
Чувства армии	187
Причина казни	187
Раскаяние Кортеса	188
Преследование марша	189
Озеро Петен	189
Донья Марина	190
Ее встреча с матерью	190
Она выходит замуж за кастильского рыцаря	191
Ее сын Дон Мартин	192
Миссионеры на островах Петен	192
Проход через «Гору кремней»	193
Армия прибывает в Гондурас	194
Голод в колонии	195
Кортес достигает Трухильо	196
Готовится к завоеванию Никарагуа	196
Его романтическая смелость	197
Вести из Мексики	198

[ГЛАВА IV](#)

БЕСПОРЯДКИ В МЕКСИКЕ — ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРТЕСА — НЕДОВЕРИЕ ДВОРА — КОРТЕС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИСПАНИЮ — СМЕРТЬ САНДОВАЛЯ — БЛЕСТЯЩИЙ ПРИЕМ КОРТЕСА — ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЕ ЕМУ

Беспорядки в Мексике	199
Кортес пытается вернуться	200
Отброшенный назад бурей	200
Его уныние	201
Вновь отправляется в Мексику	201
Высаживается недалеко от Сан-Хуан-де-Улуа	201
Продвижение к столице	202
Кортес вновь вступает в Мексику в сопровождении государственных чиновников	202
Недоверие к короне	204
Понсе де Леон отправлен в качестве комиссара	205
Он умирает по прибытии	205
Назначает Эстраду своим преемником	207

Оскорбления Кортесу	208
Он покидает город	209
Комиссия королевской аудиенции	210
Кортес решает вернуться в Испанию	210
Известие о смерти отца	212
Подготовка к отправлению	212
Он приземляется в Палосе	213
Его встреча с Писарро	213
Смерть Сандовалья	215
Его личность и характер	215
Блестящий прием Кортеса	217
Сенсация, вызванная его присутствием	217
Принятие на аудиенцию императором	218
Карл V навещает его, когда тот болен	219
Он становится маркизом долины	220
Получает земли и вассалов	220
Отказ от управления Мексикой	222
Восстановлен в военной должности	222
Второй брак Кортеса	223
Великолепные подарки невесте	223
Его резиденция при дворе	224

[ГЛАВА V](#)

КОРТЕС ВНОВЬ ПОСЕЩАЕТ МЕКСИКУ — УХОДИТ НА ПОКОЙ В СВОИ ПОМЕСТЬЯ — ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ-ОТКРЫТИЯ — ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАСТИЛИЮ — ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ — СМЕРТЬ КОРТЕСА — ЕГО ХАРАКТЕР

Кортес отправляется в Мексику	225
Остановка на Эспаньоле	225
Ход слушания	226
Кортес высаживается в Вилья-Рика	228
Прием в Мексике	229
Уходит на покой в свои поместья	229
Его усовершенствование поместий	231
Его открывательские путешествия	232
Он отправляется в Калифорнию	233
Неудачная экспедиция	233
Прибытие вице-короля	

Политика короны	234
Морские предприятия Кортеса	236
Его отвращение к Мендосе	237
Его окончательное возвращение в Кастилию	238
Он присоединяется к экспедиции в Алжир	239
Холодный прием со стороны Карла V	240
Последнее письмо Кортеса императору	241
Заболел в Севилье	242
Его завещание	242
Угрызения совести по поводу рабства	243
Мнения по этому вопросу	244
Он переезжает в Кастильеху	245
Смерть Кортеса	246
Его похороны	246
Судьба его останков	248
Потомки Кортеса	249
Его характер	251
Его рыцарство	251
Его военный гений	253
Власть над своими солдатами	254
Характер завоевателя	256
Его просвещенные взгляды	256
Его личная жизнь	258
Его фанатизм	259
Его манеры и привычки	261

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Совет ацтекской матери своей дочери	267
Переводы стихотворения Несауалькойотля	272
Дворец Тескоцинко	279
Наказание виновной королевы Тецукана	281
Инструкции Веласкеса Кортесу	284
Выдержка из «Истории» Ласаса	290
Показания Пуэрто Карреро	291
Выдержка из письма из Вера-Крус	296

Выдержка из книги Камарго «Тласкала»	299
Выдержка из «Истории» Овьедо	302
Диалог Овьедо с Кано	307
Привилегия доньи Исабель де Монтесума	318
Военные постановления Кортеса	324
Выдержки из пятого письма Кортеса	331
Последнее письмо Кортеса	337
Отчет о его похоронах	342

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
ГУАТЕМОЗИН ПРИВЕДЕН ПЕРЕД КОРТЕСОМ	Фронтиспис
Из картины, специально написанной для этого издания Л. Ковальски.	
ЗНАМЯ КОРТЕСА	46
С фотографии оригинала, специально созданной для этого издания, из Национального музея в Мехико.	
ВИД НА БОЛЬШУЮ ПЛОЩАДЬ В МЕХИКО	76
По рисунку Рафаэля Симено, гравировка Буке.	
ПЫТКА ГУАТЕМОЗИНА	130
По картине из Академии изящных искусств в Мехико.	
ФАКСИМИЛЕ ПОДПИСИ КОРТЕСА	220
ПОРТРЕТ ЭРНАНДО КОРТЕСА	226
По картине в Мадриде.	

КНИГА VI

ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

ГЛАВА V

РАЗГРОМ ИНДИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ — ОККУПАЦИЯ ДАМБ — ОТЧАЯННЫЕ АТАКИ —
ПОДЖОГ ДВОРЦОВ — ДУХ ОСАЖДЕННЫХ — КАЗАРМЫ ДЛЯ ВОЙСК

1521

Как только Кортес получил известие о том, что его два офицера заняли свои посты, он приказал Сандовалу выступить на Истапалапан. Маршрут кавалериста пролегал по в основном дружественной местности, и в Чалко его небольшой отряд испанцев пополнился внушительной группой индейских новобранцев, которые ждали там его прибытия. После этого он продолжил свой поход без сопротивления, пока не прибыл к вражескому городу, под стенами которого он обнаружил большие силы, выстроенные для его встречи. Затем последовала битва, и туземцы, некоторое время стойко удерживая свои позиции, были вынуждены отступить и искать убежища либо на воде, либо в той части города, которая нависала над ней. Остальная часть была быстро занята испанцами.

Тем временем Кортес отплыл со своей флотилией, намереваясь поддержать атаку своего лейтенанта с воды. Приблизившись к южному берегу озера, он прошел под тенью изолированной вершины, названной в его честь «Скалой маркиза». Ее удерживали индейцы, которые приветствовали проплывающий флот градом камней и стрел. Кортес, решив наказать их за дерзость и очистить озеро от надоедливой врага, немедленно высадился на берег со ста пятьдесят своими последователями. Он встал во главе отряда, взобрался по крутому склону под градом снарядов и, достигнув вершины, перебил гарнизон. Там также собралось много женщин и детей, которых он пощадил.^[1]

На вершине возвышенности горел сигнальный костер, служащий для оповещения жителей столицы о том, когда испанский флот снялся с якоря. Еще до того, как Кортес вернулся на свой бригантин, каное и *пирагуа* врага покинули гавани Мехико и были видны, темнея на озере на многие версты. Их было несколько сотен, все они были переполнены воинами и быстро продвигались с помощью весел по спокойной глади воды.^[2]

Кортес, который считал свой флот, по его собственным словам, «ключом к войне», понимал важность нанесения решающего удара в первом столкновении с врагом.^[3] Поэтому он с досадой обнаружил, что его паруса бесполезны из-за отсутствия ветра. Он спокойно ждал приближения индейской эскадры, которая, однако, оставалась на веслах на расстоянии, превышающем дальность выстрела из мушкета, как будто колеблясь вступить в схватку с этими левиафанами своих вод. В этот момент легкий ветер с суши заставил поверхность озера зарябиться; он постепенно усилился до бриза, и Кортес, воспользовавшись благоприятной помощью, которую он, учитывая все обстоятельства, мог считать посланной ему свыше, выстроил свою боевую линию и под полными парусами устремился на врага.^[4]

Как только последние столкнулись с носами своих грозных противников, они были опрокинуты и отправлены на дно от удара или настолько повреждены, что быстро наполнились

водой и затонули. Вода была покрыта обломками разбитых каноэ и телами людей, борющихся за жизнь в волнах и тщетно умоляющих своих товарищей взять их на борт своих переполненных судов. Испанский флот, прорываясь сквозь толпу лодок, послал залпы вправо и влево с ужасающим эффектом, завершив поражение ацтеков. Последние не предприняли никаких попыток сопротивления, едва осмелившись выпустить одну серию стрел, но изо всех сил старались вернуться в порт, из которого они так недавно вышли. Они не были равны в погоне, как и в бою, своему страшному противнику, который, несясь на крыльях ветра, мчался туда и сюда по своему усмотрению, сея смерть вокруг себя и заставляя берега звенеть громом своей артиллерии. Лишь немногим кораблям индейской флотилии удалось вернуться в порт и, скользя по каналам, найти убежище в лоне города, куда им не могли последовать более тяжелые бригаантины. Эта победа, более полная, чем мог предсказать даже оптимистичный Кортес, доказала превосходство испанцев и сделала их бесспорными хозяевами ацтекского моря.^[5]

Было уже почти темно, когда эскадра, идя вдоль большой южной дамбы, бросила якорь у места соединения, называемого Ксолок, где ветвь из Кохоуакана встречается с главной дамбой. В этом месте аллея расширялась, чтобы обеспечить место для двух башен или храмов с башенками, построенных из камня и окруженных стенами из того же материала, которые в совокупности представляли собой довольно прочное укрепление и в данный момент были заняты гарнизоном ацтеков. Их было не много, и Кортес, высадившись со своими солдатами, без особого труда изгнал врага и овладел укреплениями.

По-видимому, первоначально генерал планировал разместиться вместе с Олидом в Кохоуакане. Но, если это и было так, то теперь он изменил свое решение и мудро выбрал это место как лучшее для своего лагеря. Оно находилось всего в полулиге от столицы и, контролируя ее большую южную аллею, имело прямую связь с гарнизоном в Кохоуакане, через который он мог получать припасы из окрестных местностей. Здесь он и решил разместить свой штаб. Он сразу же приказал перевезти тяжелые железные пушки с бригаантин на дамбу и послал приказ Олиду присоединиться к нему с половиной своих войск, а Сандовалу было велено покинуть свои нынешние квартиры и продвинуться в Кохоуакан, откуда он должен был отправить пятьдесят отборных солдат своей пехоты в лагерь Кортеса. Сделав эти приготовления, генерал занялся укреплением сооружений в Ксолоке и приведением их в наилучшее состояние для обороны.

В течение первых пяти или шести дней после разбивки лагеря испанцы испытывали много неприятностей со стороны врага, который слишком поздно попытался помешать им занять позицию так близко к столице индейцев (), которую, если бы они хорошо знали военное дело, сами бы лучше защищали. Вопреки своей обычной практике, индейцы нападали как ночью, так и днем. Вода кишела каноэ, которые боялись бригаантин и держались на расстоянии, но все же подходили достаточно близко, особенно под покровом темноты, чтобы обрушить на христианский лагерь град стрел, которые падали так густо, что скрывали поверхность земли и мешали движениям солдат. Другие бежали по западной стороне дамбы, незащищенной испанским флотом, и стреляли из луков с таким раздражающим эффектом, что испанцы были вынуждены сделать временный пролом в дамбе, достаточно широкий, чтобы пропустить два своих небольших судна, которые, проплыв через него, вскоре получили полный контроль над внутренним бассейном, как и ранее над внешним. Тем не менее, смелые варвары, продвигаясь по дамбе, подошли на расстояние выстрела из лука к христианским валам, издавая такие крики и диссонансные боевые кличи, что, по словам Кортеса, «казалось, будто небо и земля соединяются». Но они были сурово наказаны за свою смелость, поскольку батареи, которые контролировали подходы к лагерю, открыли разрушительный огонь, который рассеял нападающих и заставил их в смятении отступить в свои кварталы.^[6]

Две главные дороги в Мехико, южная и западная, теперь были заняты христианами. Оставалась еще третья, большая дамба Тепехакак на севере, которая, фактически, пересекая главную улицу, проходящую по прямой через центр города, могла считаться продолжением дамбы

Истапалапан. По этой северной дороге осажденным все еще оставался открытым путь к спасению, и они в настоящее время пользовались им, чтобы поддерживать связь с окружающей местностью и снабжаться провизией. Альварado, наблюдавший за этим со своего поста в Такубе, сообщил об этом своему командиру, и тот приказал Сандовалу занять позицию на дамбе. Этот офицер, хотя и страдавший в то время от тяжелой раны, полученной от копья в одной из недавних стычек, поспешил выполнить приказ и таким образом, перекрыв единственную связь с окружающей страной, завершил блокаду столицы.^[7]

Но Кортес не хотел терпеливо ждать результатов медленной блокады, которая могла исчерпать терпение его союзников и его собственные ресурсы. Он решил поддержать ее активными нападениями на город, которые должны были еще больше усугубить страдания осажденных и ускорить час капитуляции. С этой целью он приказал двум командирам на других постах одновременно атаковать кварталы, ближайшие к их лагерям.

В назначенный день его войска были под оружием () с рассветом. Как обычно, была отслужена месса, и индейские союзники, с серьезным вниманием слушая торжественную и внушительную службу, с нескрываемым восхищением смотрели на благочестивое почтение, проявляемое христианами, которых в своей простоте они считали чуть ли не божествами.^[8] Испанская пехота шла впереди, возглавляемая Кортесом, в сопровождении нескольких всадников, спешившихся, как и он сам. Они не успели далеко продвинуться по дамбе, как были остановлены одним из открытых проломов, через который раньше проходил мост. На другой стороне был возведен прочный вал из камня и извести, а за ним расположился сильный отряд ацтеков, которые обрушили на испанцев, продвигавшихся вперед, густой град стрел. Последние тщетно пытались выбить их из укрытий с помощью огнестрельного оружия и арбалетов; они были слишком хорошо защищены за своими укреплениями.

Тогда Кортес приказал двум бригантинам, которые шли по обе стороны от дамбы, чтобы сотрудничать с армией, расположиться так, чтобы обстреливать позиции, занятые врагом. Оказавшись между двумя хорошо направленными огнями, индейцы были вынуждены отступить. Солдаты на борту кораблей, выпрыгнув на берег, как олени вскарабкались по склонам дамбы Эль-. Вскоре за ними последовали их соотечественники под командованием Кортеса, которые, бросившись в воду, переплыли незащищенную пропасть и присоединились к преследованию врага. Мексиканцы отступили, однако, в некотором порядке, пока не достигли другого прохода в дамбе, подобного предыдущему, лишенного моста и укрепленного таким же образом каменным валом, за которым отступающие ацтеки, переплыв пропасть и получив подкрепление в виде свежих сил своих соотечественников, снова укрылись.

Они удерживали свои позиции, пока, снова подвергшись обстрелу с бригантин, не были вынуждены отступить. Таким образом, был взят один пролом за другим, и при каждом новом успехе с судов раздавался крик, на который отвечали длинные ряды испанцев и их союзников на дамбе, и долина эхом отражала его до самых границ.

Кортес теперь достиг конца большой аллеи, где она входила в пригород. Там он остановился, чтобы дать время арьергарду догнать его. Арьергард задержался, заполняя проломы таким образом, чтобы сделать проход пригодным для артиллерии и конницы и обеспечить его для остальной части армии при отступлении. Эта важная задача была поручена союзникам, которые выполнили ее, снося валы по краям и бросая их в пропасти, а когда этого оказалось недостаточно — ведь вода вокруг южной дамбы была глубокой — они сняли большие камни и мусор с самой дамбы, которая была достаточно широкой, чтобы это сделать, и добавили их к куче, пока она не поднялась выше уровня воды.

Улица, на которую теперь вышли испанцы, была большой аллеей, пересекавшей город с севера на юг, той самой, по которой они впервые посетили столицу.^[9] Она была широкой и совершенно прямой, и вдали можно было увидеть темные массы воинов, собиравшихся на помощь своим соотечественникам, которые были готовы противостоять дальнейшему продвижению испанцев.

По бокам стояли здания, террасы крыш которых также были заполнены бойцами, которые, по мере продвижения армии, обрушивали на их головы безжалостный шквал снарядов, которые, конечно, безвредно отскакивали от кольчуг, но слишком часто пробивали более распространенные *доспехи* солдат, уже и без того изрезанные множеством ужасных разрывов. Кортес, чтобы избавиться от этой неприятности в будущем, приказал своим индейским пионерам сносить главные здания по мере продвижения; в этой работе по разрушению, не менее чем в ремонте проломов, они оказали неоценимую услугу.^[10]

Тем временем испанцы неуклонно, но медленно продвигались вперед, поскольку враг отступал под натиском мушкетного огня, хотя и поворачивался время от времени, чтобы бросить копья и стрелы в своих преследователей. Таким образом, они продвигались по главной улице, пока их путь не прервал широкий ров или канал, когда-то пересекавшийся мостом, от которого теперь осталось лишь несколько досок. Индейцы сломали их, как только перешли, и сразу же над вершиной прочного каменного вала, защищавшего противоположную сторону канала, появилось грозное множество копий. Кортес больше не мог рассчитывать на поддержку своих бригадин, которые из-за мелководья каналов не могли проникнуть в пригороды. Он выдвинул своих аркебузир, которые, защищенные щитами своих товарищей, открыли огонь по врагу. Но пули безвредно падали с каменных укреплений, в то время как нападающие представляли собой слишком легкую мишень для своих противников.

Тогда генерал приказал подвести тяжелые пушки и открыл оживленный канонадный огонь, который вскоре пробил брешь в укреплениях, через которую мушкетеры и арбалетчики обрушили на врага град залпов. Индейцы, сдерживавшие противника в течение двух часов, теперь в беспорядке отступили.^[11] Последние, прыгнув в мелководье реки Атлкан (), без дальнейшего сопротивления перебрались на противоположный берег и погнали врага по улице к площади, где священная пирамида возвышалась над другими зданиями города.

Это место было слишком знакомо испанцам. С одной стороны стоял дворец Аксаякатля, их старая резиденция, место, где многие из них пережили столько страданий.^[12] Напротив находился комплекс низких, неровных зданий, когда-то бывших резиденцией несчастного Монтесумы;^[13] а третья сторона площади была окружена *Коатепантли*, или Стеной Змей, которая охватывала великий *теокалли* с его маленьким городом священных зданий.^[14] Испанцы остановились у входа на площадь, как будто подавленные и на мгновение ошеломленные горькими воспоминаниями, которые нахлынули на них. Но их бесстрашный вождь, нетерпеливый от их колебаний, громко призвал их продвигаться вперед, пока ацтеки не успели собраться с силами; и, сжимая щит в одной руке и высоко поднимая меч над головой другой, он прокричал свой боевой клич «Святой Иаков» и сразу же повел их на врага.^[15]

Мексиканцы, запуганные присутствием своего ненавистного врага, который, несмотря на все их усилия, снова прорвался в самое сердце их города, не оказали дальнейшего сопротивления, а отступили, или, вернее, бежали, чтобы укрыться в священном ограждении *теокалли*, где многочисленные здания, разбросанные по его обширной территории, предоставляли много хороших точек для обороны. Несколько священников, одетых в свои обычные дикие и окровавленные одеяния, задержались на террасах, опоясывающих величественные стороны пирамиды, воспевая гимны в честь своего бога и призывая воинов внизу смело сражаться за его алтари.^[16]

Испанцы хлынули через открытые ворота на территорию, и небольшая группа бросилась по извилистым коридорам к вершине. Там не осталось никаких следов креста или какого-либо другого символа чистой веры, которому он был посвящен. Новое изображение ацтекского бога войны заняло место того, которое было разрушено христианами, и возвышалось своей фантастической и отвратительной формой в той же нише, которую занимал его предшественник. Испанцы быстро сорвали с него золотую маску и богатые драгоценности, которыми он был

украшен, и, сбросив сопротивляющихся священников с боков пирамиды, поспешили к своим товарищам в этом районе. Время было самое подходящее.^[17]

Ацтеки, возмущенные кощунственным поступком, совершенным на их глазах, и черпая мужество из вдохновения этого места, в присутствии своих божеств, подняли крик ужаса и мстительной ярости, бросились в нечто похожее на строй и общим порывом набросились на испанцев. Последние, остановившиеся у входа, хотя и были застигнуты врасплох, попытались удержать свои позиции у ворот. Но тщетно: стремительный натиск нападающих сразу же загнал их на площадь, где на них напали другие отряды индейцев, хлынувшие с соседних улиц. Разбитые и потерявшие самообладание, солдаты не пытались собраться, а, пересекая площадь и бросая врагу установленные там пушки, поспешили вниз по главной улице Истапалапана. Здесь они вскоре смешались с союзниками, которые заблокировали дорогу и, поддавшись панике испанцев, усугубили замешательство, в то время как глаза беглецов, ослепленные снарядами, сыпавшимися на них с *азотеас*, едва могли различить друзей и врагов. Кортес тщетно пытался остановить поток и восстановить порядок. Его голос заглушался диким шумом, и он был унесен, как коряга, яростью потока.

Все казалось потерянным, когда вдруг на соседней улице раздались звуки, похожие на отдаленный топот лошадей, мчавшихся по мостовой. Они становились все ближе и ближе, и вскоре на большой площади появился отряд кавалерии. Хотя их было всего несколько человек, {*} они смело бросились в гущу врага. Мы часто имели повод замечать суеверный страх, который испытывали индейцы перед лошадью и ее всадником. И хотя длительное пребывание кавалерии в столице в некоторой степени приучило туземцев к ее присутствию, прошло столько времени с тех пор, как они видели ее в последний раз, что все их прежние таинственные страхи воскресли с полной силой; и когда они были так внезапно атакованы с фланга этим грозным явлением, их охватила паника и они впали в замешательство. Она быстро распространилась на передовые ряды, и Кортес, увидев свое преимущество, молниеносно развернулся и, поддержанный своими последователями, сумел с некоторыми потерями оттеснить врага обратно в ограду.

{*} [По большинству свидетельств, их было только трое. — М.]

Наступил час вечерни, и, поскольку ночь скоро настигнет их, он не стал больше пытаться воспользоваться своим преимуществом. Поэтому он приказал трубачам протрубить отбой и в полном порядке отвёл свои войска, взяв с собой артиллерию, которая была оставлена на площади. Союзники первыми покинули поле боя, за ними последовала испанская пехота (), а арьергард охраняла кавалерия. Ацтеки цеплялись за закрывающие колонны и, хотя их оттесняли частые атаки кавалерии, все же следовали за ними на расстоянии, стреляя своими неэффективными снарядами и наполняя воздух дикими криками и воем, как стая голодных волков, лишенных добычи. Армия достигла своих кварталов в Ксолоке уже поздно вечером.^[18]

Кортес получил хорошую поддержку от Альварадо и Сандовалья в этом штурме города, хотя ни один из этих командиров не проник в пригороды, возможно, сдерживаемый трудностями прохода, которые в случае Альварадо были больше, чем у Кортеса, из-за большего количества проломов, которыми была пересечена дамба в его квартале. Отчасти это было связано с нехваткой бригадин, пока Кортес не восполнил этот недостаток, отделив половину своего небольшого флота для поддержки своих офицеров. Однако без их сотрудничества сам генерал не смог бы продвинуться так далеко и, возможно, вообще не смог бы войти в город. Успех этого штурма вызвал смятение не только среди мексиканцев, но и среди их вассалов- , поскольку они увидели, что грозные приготовления к обороне мало помогли против белых людей, которые так быстро, несмотря на них, прорвались в самое сердце столицы (). В результате несколько соседних мест теперь проявили готовность отказаться от своей верности и потребовали защиты испанцев. Среди них были территория Сочимилько, с которой так жестоко обошлись захватчики, и некоторые племена отомиев, грубый, но отважный народ, живший на западных окраинах долины.^[19] Их поддержка была ценна не столько из-за дополнительных подкреплений, которые она принесла, сколько из-за

большей безопасности, которую она давала армии, аванпосты которой постоянно подвергались угрозе со стороны этих воинственных варваров.^[20]

Самую важную помощь испанцы получили в это время от Тецкуко, чей принц Икстильшочитль собрал все силы своих войск, насчитывавшие, если верить Кортесу, пятьдесят тысяч человек, и лично привел их в христианский лагерь. По приказу генерала они были распределены между тремя дивизиями осаждающих.^[21]

Усилившись таким образом, Кортес приготовился к новому нападению на столицу, не дав ей времени оправиться от предыдущего. Его лейтенантам на других дамбах было приказано выступить одновременно и, как и раньше, сотрудничать с ним в штурме. Он был проведен точно так же, как и предыдущий: пехота шла впереди, а союзники и кавалерия следовали за ней. Но, к большому огорчению испанцев, они обнаружили, что две трети проломов были восстановлены до прежнего состояния, а камни и другие материалы, которыми они были заблокированы, были удалены неутомимым врагом. Им снова пришлось привести пушки, бригаантины прошли рядом, и враг был вытеснен и прогнан с поста на пост, точно так же, как и при предыдущем нападении. Короче говоря, всю работу пришлось делать заново. Только через час после полудня армия закрепились в пригородах.

Здесь их продвижение было не таким трудным, как раньше, поскольку здания, с террас которых они испытывали наибольшие неудобства, были снесены. Тем не менее, они шаг за шагом пробивали себе путь перед мексиканской милицией, которая сопротивлялась их продвижению с тем же упорством, что и раньше. Кортес, который с удовольствием пощадил бы жителей, если бы смог заставить их согласиться на его условия (), с сожалением наблюдал, как они, по его словам, отчаянно настроены на войну на уничтожение. Он решил, что нет лучшего способа повлиять на их умы, чем сразу же разрушить некоторые из главных зданий, которые они привыкли почитать как гордость и украшение города.^[22]

Выйдя на большую площадь, он выбрал в качестве первого объекта для разрушения старый дворец Аксаякатля, его бывшие казармы. Обширный комплекс невысоких зданий был, правда, построен из камня, но внутренние помещения, а также внешняя отделка, башенки и крыши были из дерева. Испанцы, чьи ассоциации с этим зданием были столь мрачными, приступили к разрушению с удовлетворением, подобным тому, которое, возможно, испытывала французская толпа при сносе Бастилии. Факелы и горящие поленья разбрасывались во все стороны; нижние части здания быстро загорелись, и огонь, распространившись по горючим занавесям и деревянным конструкциям внутри, быстро перекинулся на второй этаж. Там огонь получил больше свободы и, еще до того как его стало видно снаружи, из каждого отверстия и щели поднимался густой столб дыма, который висел над городом, как погребальный покров. Он рассеялся ярким пламенем, которое охватило все верхние части огромного здания, пока опоры не поддались, и широкий ряд башенных комнат рухнул среди облаков пыли и пепла с ужасающим грохотом, который на мгновение остановил испанцев в их разрушительной работе.^[23]

Но это было лишь на мгновение. На другой стороне площади, примыкающей к резиденции Монтесумы, находилось несколько зданий, как известно читателю, предназначенных для животных. Одно из них теперь было обречено на разрушение — Дом птиц, заполненный экземплярами всех окрашенных разновидностей, которые роились в широких лесах Мексики. Это было воздушное и элегантное здание, построенное в индейском стиле, и, если рассматривать его в связи с его назначением, оно, несомненно, было замечательным доказательством утонченности и интеллектуального вкуса варварского монарха. Его легкие, горючие материалы — дерево и бамбук () — составляли поразительный контраст с тяжелыми каменными зданиями вокруг него и делали его очевидно удобным для нынешних целей захватчиков. Были подожжены факелы, и причудливое сооружение вскоре охватило пламя, которое далеко и широко освещало город и озеро своим зловещим блеском. Его пернатые обитатели либо погибли в огне, либо те, у кого были более сильные крылья, разорвали горящую решетку вольера, взлетели высоко в воздух и, порхая

некоторое время над обреченным городом, с громкими криками улетели в свои родные леса за горами.

Ацтеки с невыразимым ужасом смотрели на разрушение почтенного жилища своих монархов и памятников их роскоши и великолепия. Их ярость дошла почти до безумия, когда они увидели, как их ненавистные враги, тласкальцы, заняты разрушением, при поддержке тецкуканцев, своих союзников и нередко своих родственников. Они выплескивали свою ярость в горьких проклятиях, особенно в адрес молодого принца Икстильшочитля, который, маршируя бок о бок с Кортесом, принимал полную долю участия в опасностях того дня. Воины с крыш домов осыпали его самыми оскорбительными эпитетами, когда он проходил мимо, обзывая его вероломным предателем, неверным своей стране и своему роду, — упреки, не совсем незаслуженные, как откровенно признает его родственник, описывающий эти обстоятельства.^[24] Однако он не обращал внимания на их насмешки, продолжая свой путь с упорной решимостью человека, верного делу, за которое он взялся; и, когда он вошел на большую площадь, он схватил лидера ацтекских войск, вырвал из его рук копье, которое тот отобрал у христиан, и нанес ему удар булавой, или *макуауитль*, от которого тот бездыханно упал на землю.^[25]

Испанский командир, завершив разрушительную работу, отдал приказ об отступлении, отправив вперед индейских союзников, которые перекрыли путь перед ним. Мексиканцы, обезумевшие от своих потерь, в диком порыве ярости прижались к его тылу и, хотя были оттеснены кавалерией, все равно возвращались, бросаясь отчаянно под лошадей, стремясь сбросить всадников с седел и готовые пожертвовать собственной жизнью ради одного удара по врагу. К счастью, большая часть их ополчения была занята сражением с нападавшими на противоположной стороне города, но, будучи таким образом ослаблены, они так энергично теснили испанцев под командованием Кортеса, что лишь немногие из них достигли лагеря в ту ночь, не имея на теле следов от отчаянного сражения.^[26]

На следующий день, и, по сути, в течение нескольких последующих дней, генерал повторял свои атаки, не заботясь об отдыхе, как будто он и его люди были сделаны из железа. В одном случае он продвинулся некоторое расстояние по улице Такуба, на которой он перенес три моста, желая, если возможно, установить связь с Альварado, разместившимся на соседней дамбе. Но испанцы в этом районе не продвинулись дальше пригородов, по-прежнему сдерживаемые суровым характером местности и, возможно, не обладая той огненной стремительностью, которую испытывает солдат, сражающийся под пристальным взглядом своего вождя.

В ходе каждого из этих штурмов бреши были более или менее восстановлены до своего первоначального состояния упорными мексиканцами, а материалы, которые были с таким трудом заложены в них, были снова удалены (). Может показаться странным, что Кортес не принял меры, чтобы предотвратить повторение действия, которое вызвало столько задержек и затруднений в его операциях. Он отмечает это в своем письме императору, в котором говорит, что для этого ему пришлось бы либо разместить свои кварталы в самом городе, что окружило бы его врагами и отрезало бы его от связи с окружающей местностью, либо выставить достаточную охрану из испанцев — поскольку о туземцах не могло быть и речи — для защиты проломов ночью, что было бы совершенно не по силам людям, занимавшимся столь тяжелым трудом в течение дня.^[27]

Тем не менее, именно такой курс был избран Альварado, который ночью разместил охрану из сорока солдат для защиты пролома, ближайшего к врагу. Через несколько часов их сменил аналогичный отряд, а затем и третий, причем два первых отряда оставались на своих постах, так что в случае тревоги на месте было готово сто двадцать солдат для отражения атаки. Иногда вся дивизия разбивала лагерь вблизи пролома, отдыхая на оружии и будучи готовой к немедленным действиям.^[28]

Но такая жизнь, полная непрерывного труда и бдительности, была почти слишком суровой даже для упрямых испанцев. «Всю долгую ночь, — восклицает Диас, служивший в дивизии Альварado, — мы несли свою унылую стражу; ни ветер, ни дождь, ни холод не имели никакого

значения. Мы стояли там, страдая от ран, полученных в бою предыдущего дня». ^[29] Это был сезон дождей, который в этой стране длится с июля по сентябрь; ^[30] и поверхность дамб, затопленных ливнями и разбитых постоянным движением таких больших групп людей, превратилась в болото, или, скорее, в трясину, что невообразимо усугубило страдания армии.

Войска Кортеса находились в едва ли лучшем положении. Лишь немногие из них могли найти укрытие в грубых башнях, украшавших сооружения Ксолока. Большая часть была вынуждена бивакировать под открытым небом, подвергаясь всем невзгодам погоды. Каждый человек, если ему не мешали ранения, был обязан по лагерным правилам спать с оружием наперевес; и их часто будили из беспокойного сна полуночные призывы к бою. Гватемазин, вопреки обычной практике своих соотечественников, часто выбирал часы темноты, чтобы нанести удар по врагу. «Короче говоря, — восклицает вышеупомянутый ветеран, — наши сражения были настолько непрерывными, днем и ночью, в течение трех месяцев, которые мы провели перед столицей, что перечисление всех них только истощало бы терпение читателя и заставило бы его вообразить, что он читает о невероятных подвигах рыцаря-странника из романа». ^[31]

Император ацтеков проводил свои операции по систематическому плану, который демонстрировал некоторое сходство с военной наукой. Он нередко наносил одновременные удары по трем отдельным подразделениям испанцев, расположившимся на дамбах, и по гарнизонам на их краях. Для этого он задействовал не только свою собственную милицию столицы, но и большие города в окрестностях, которые действовали согласованно, по хорошо известному сигналу сигнального костра или огромного барабана, в который били священники на вершине храма. Одно из этих общих нападений, как было замечено, случайно или намеренно, произошло в канун дня Святого Иоанна Крестителя, годовщины второго вступления испанцев в мексиканскую столицу. ^[32]

Несмотря на серьезное истощение своих сил в результате этой непрекращающейся войны, молодой монарх сумел в некоторой степени облегчить их, заменив одни отряды другими. Это было видно по разным униформам и военным знакам индейских батальонов, которые поочередно появлялись и исчезали с поля боя. Ночью в ацтекских кварталах поддерживалась строгая охрана, что было несвойственно народам плато. Аванпосты враждующих армий были расположены в пределах видимости друг от друга. Аванпост мексиканцев обычно размещался вблизи какого-нибудь широкого пролома, и его положение обозначалось большим костром впереди. О времени смены караула сообщалось пронзительным ацтекским свистком, а за пламенем, которое бросало еще более красное сияние на коричневую кожу воинов, можно было увидеть движущиеся группы людей.

Будучи столь активным на суше, Гватемозин не бездействовал и на воде. Он был слишком мудр, чтобы снова вступить в открытую битву с испанским флотом, но прибег к хитрости, гораздо более подходящей для индейской войны. Он разместил большое количество каноэ в засаде среди высоких камышей, окаймлявших южные берега озера, и одновременно велел вбить сваи в соседние мелководья. Затем вышли несколько *пирагуа*, или лодок большего размера, и подплыли к месту, где были пришвартованы испанские бригантины. Два самых маленьких судна, полагая, что индейские барки доставляют провизию осажденным, немедленно последовали за ними, как и было предвидено. Ацтекские лодки укрылись в камышовом заросле, где их товарищи устроили засаду. Испанцы, следовавшие за ними, вскоре запутались в подводных палисадах. Они были немедленно окружены целым роем индейских каноэ, большинство из которых были . Многие люди были ранены, несколько, в том числе два командира, убиты, а один из бригантин упал — бесполезный трофей — в руки победителей. Среди убитых был Педро Барба, капитан арбалетчиков, доблестный офицер, который отличился в завоевании. Эта катастрофа принесла Кортесу много огорчения. Это был полезный урок, который пригодился ему в оставшуюся часть войны. ^[33]

Таким образом, сражение велось на суше и на воде — на дамбе, в городе и на озере. Несмотря на все неудачи, столица империи ацтеков оставалась верна себе и, помня о своей древней славе,

смело противостояла врагам со всех сторон. Как в теле, чьи конечности были поражены смертью, жизнь все еще сосредоточивалась в сердце и, казалось, билась там, на время, даже более энергично, чем когда-либо.

Может показаться необычным, что Гватемозин смог обеспечить пропитание многочисленному населению, собравшемуся в столице, особенно учитывая, что все проходы были в руках осаждающей армии.^[34] Но, помимо приготовлений, сделанных с этой целью перед осадой, и отвратительной пищи, ежедневно поставляемой жертвами для жертвоприношений, продовольствие постоянно поступало из окрестных земель через озеро. В течение некоторого времени это делалось в значительной степени для того, чтобы избежать наблюдения; и даже когда бригантинам было приказано круглосуточно патрулировать воды и очищать их от лодок, занятых в этой службе, многие все же умудрялись под покровом темноты ускользать от бдительности патрульных и доставлять свой груз в порт. Только после того, как крупные города в окрестностях отказались от верности, поставки начали сокращаться из-за исчезновения их источников. Этот отход становился все более частым, поскольку жители убеждались, что правительство, неспособное защитить себя, тем более неспособно защитить их; и ацтекская метрополия видела, как ее великие вассалы падали один за другим, как дерево, которое гниет, теряет листья при первом порыве бури.^[35]

Города, которые теперь требовали защиты испанского генерала, снабжали лагерь невероятным количеством воинов; количеством, которое, если верить оценке самого Кортеса, составляло сто пятьдесят тысяч,^[36] и которое могло только затруднить его операции на длинных протяженных дамбах. Тем не менее, это правда, что долина, изобилующая городами и деревнями, кишела населением, в котором каждый мужчина был воином, значительно превосходящим по численности население современности. Эти рекруты были распределены между тремя гарнизонами на концах дамб; многие из них были заняты активной деятельностью по поиску продовольствия в окрестностях, а еще больше — ведением военных действий против мест, все еще враждебных испанцам.

Кортес нашел для них еще одно занятие — строительство казарм для своих войск, которые сильно страдали от непрекращающихся дождей в это время года, которые, как было замечено, ночью шли сильнее, чем днем. Большое количество камня и дерева было получено из разрушенных зданий в городе. Их перевозили на бригантинах к дамбе, и из этих материалов была построена ряд хижин или барачков, простирающихся по обе стороны от сооружений Ксолока. Чтобы дать представление о большой ширине дамбы в этом месте, одном из самых глубоких участков озера, можно добавить, что, хотя бараки были построены параллельными линиями на противоположных сторонах дамбы, между ними оставалось достаточно места для прохода армии.^[37]

Благодаря такой расстановке, испанские войска и их индейские слуги, которых в общей сложности насчитывалось около двух тысяч, были обеспечены достаточным количеством жилья. Основная часть союзников, а также небольшой отряд кавалерии и пехоты, были размещены в соседнем посту Кохоуакан, который служил для защиты тыла лагеря и поддержания связи с окружающей местностью. Аналогичное расположение сил имело место и в других подразделениях армии под командованием Альварадо и Сандовалья, хотя условия для размещения войск на их дамбах были не столь благоприятными, как для подразделения Кортеса.

Испанский лагерь снабжался провизией из дружественных городов в окрестностях, особенно из Тецкуко.^[38] Она состояла из рыбы, фруктов этой страны, в частности, из одного вида инжира, *растущего на кактусе опунция*, и из одного вида вишни, или чего-то очень похожего на нее, которая в это время года росла в изобилии. Но их основной пищей были *тортильи*, лепешки из индейской муки, до сих пор распространенные в Мексике, для приготовления которых под присмотром туземцев были организованы пекарни в гарнизонных городах, контролировавших дамбы.^[39] Союзники, как представляется весьма вероятным, дополняли свою скромную пищу

случайными пирами с человеческим мясом, для чего поле битвы, к несчастью, предоставляло им слишком много возможностей, и что, как бы шокирующе это ни было для Кортеса, он не считал себя в состоянии в тот момент предотвратить.^[40]

Таким образом, буря, которая так долго собиралась, наконец разразилась со всей своей яростью над столицей ацтеков. Ее несчастные жители увидели вражеские легионы, окружившие их, с их сверкающими рядами, простирающимися до самого горизонта. Они видели, как их союзники и вассалы покинули их в час крайней нужды; как свирепые чужеземцы проникали в их тайные места, оскверняли их храмы, грабили их дворцы, днем разоряли прекрасный город, ночью поджигали его пригороды и укреплялись в прочных зданиях под их стенами, как будто решив не отступать, пока не останется ни одного камня на камне. Они видели все это, но их дух не был сломлен, и, хотя голод и мор начали опустошать их, они по-прежнему демонстрировали врагам ту же решимость. Кортес, который с радостью пощадил бы город и его жителей, с удивлением наблюдал за этой решимостью. Он не раз давал понять через освобожденных им пленников, что готов предоставить им справедливые условия капитуляции. День за днем он был уверен, что его предложения будут приняты. Но день за днем он терпел разочарование.^[41] Ему еще предстояло узнать, насколько стойкой была память ацтеков и что, какими бы ужасными ни были их нынешнее положение и страхи перед будущим, все это было забыто в их ненависти к белым людям.

ГЛАВА VI

ОБЩЕЕ НАПАДЕНИЕ НА ГОРОД — ПОРАЖЕНИЕ ИСПАНЦЕВ — ИХ
КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ — ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПЛЕННИКОВ —
ПЕРЕБЕЖЧИВСТВО СОЮЗНИКОВ — НЕПРЕОДОЛИМОСТЬ ВОЙСК

1521

Голод постепенно проникал в самое сердце осажденного города. Казалось очевидным, что при такой строгой блокаде перенаселенный город в конце концов будет вынужден капитулировать, даже если против него не будет поднято ни одного оружия. Но для этого требовалось время, и испанцы, хотя и были по натуре стойкими и выносливыми, начали терять терпение от лишений, которые едва ли уступали тем, что испытывали осажденные. В некоторых отношениях их положение было даже хуже, поскольку они были подвержены холоду и проливным дождям, которые шли почти без перерыва, делая их положение крайне мрачным и бедственным.

В этой ситуации многие были готовы сократить свои страдания и рискнуть захватить город *силой*. Другие считали, что лучше всего было бы захватить большой рынок Тлателолко, который, благодаря своему расположению в северо-западной части города, мог обеспечить связь с лагерями Альварадо и Сандовалья. Это место, окруженное просторными портиками, могло бы разместить многочисленное войско; и, однажды обосновавшись в столице, испанцы могли бы нанести удар с гораздо большей эффективностью, чем на расстоянии.

Эти аргументы были выдвинуты несколькими офицерами, в частности Альдерете, королевским казначеем, человеком, пользовавшимся большим уважением не только благодаря своему званию, но и благодаря способностям и усердию, которые он проявил на службе. Учитывая их пожелания, Кортес созвал военный совет и вынес этот вопрос на его рассмотрение. Мнение казначея поддержали большинство горячих кавалеристов, которые с нетерпением ждали любой перемены в своей нынешней безнадежной и утомительной жизни; и Кортес, полагая, что, вероятно, более разумно принять менее целесообразный курс, чем навязывать холодное и неохотное повиновение своему собственному мнению, позволил себе быть переубежденным.^[42]

Был назначен день штурма, который должен был быть проведен одновременно двумя отрядами под командованием Альварадо и главнокомандующего. Сандовалу было поручено отвести большую часть своих сил с северной дамбы и объединиться с Альварадо, а семьдесят отборных солдат должны были быть выделены для поддержки Кортеса.

В назначенное утро обе армии, после обычного празднования мессы, двинулись по своим дамбам на город.^[43] В дополнение к бригантинам их поддерживали многочисленный флот индейских лодок, которые должны были проложить путь по каналам, и бесчисленное множество союзников, чье количество в конечном итоге помешало их операциям. После очистки пригородов перед ними открылись три проспекта, которые все заканчивались на площади Тлателолко. Главный из них, будучи гораздо шире двух других, скорее можно было назвать дамбой, чем улицей, так как с обеих сторон он был окружен глубокими каналами. Кортес разделил свои силы на три части. Одну из них он передал под командование Альдерете с приказом занять главную улицу. Второй он поручил Андресу де Тапия и Хорхе де Альварадо; первый был отважным и способным кавалеристом, второй — младшим братом дона Педро, обладавшим бесстрашным духом, присущим этой рыцарской семье. Они должны были проникнуть по одной из параллельных улиц, а сам генерал, возглавляя третью часть войска, должен был занять другую. Небольшой отряд кавалерии с двумя или тремя полевыми орудиями был размещен в качестве резерва перед большой улицей Такуба, которая была назначена местом сбора для различных дивизий.^[44]

Кортес дал своим капитанам самые четкие инструкции не делать ни шага вперед, не обеспечив себе возможность отступления путем тщательного засыпания рвов и проходов в дамбе. Несоблюдение этой меры предосторожности Альварадо во время штурма города, который он предпринял всего за несколько дней до этого, имело такие серьезные последствия для его армии, что Кортес сам отправился в казармы своего офицера, чтобы публично отчитать его за

неподчинение приказам. Однако по прибытии в лагерь он обнаружил, что провинившийся капитан вел себя с такой доблестью, что запланированный выговор, хотя и вполне заслуженный, сменился лишь легким упреком.^[45]

После завершения приготовлений три дивизии сразу же двинулись по нескольким улицам. Кортес, спешившись, возглавил свой отряд, идя впереди пехоты. Мексиканцы отступали по мере его продвижения, оказывая меньшее сопротивление, чем обычно. Испанцы продвигались вперед, снося одну баррикаду за другой и тщательно засыпая провалы мусором, чтобы обеспечить себе опору (). Каное поддерживали атаку, двигаясь по каналам и сражаясь с каное противника, в то время как множество проворных тласкальцев, взбираясь на террасы, переходили от одного дома к другому, где они были соединены, сбрасывая защитников на улицы вниз. Враг, по-видимому, застигнутый врасплох, казался неспособным ни на мгновение противостоять ярости нападения; и победоносные христиане, воодушевленные криками триумфа, раздавшимися от их товарищей на соседних улицах, были только еще более жаждавшими первыми достичь намеченной цели.

Действительно, легкость успеха заставила генерала заподозрить, что он, возможно, продвигается слишком быстро, что это может быть уловка врага, чтобы заманить их в центр города, а затем окружить или атаковать с тыла. Кроме того, он опасался, что его слишком горячие офицеры в пылу погони, несмотря на его приказы, упустили из виду необходимую меру предосторожности — засыпать проломы. В связи с этим он остановил свой отряд, готовый сорвать любые коварные действия противника. Тем временем он получил несколько сообщений от Альдерете, в которых тот сообщал, что почти достиг рынка. Это только усилило опасения генерала, что в порыве быстрого продвижения он мог упустить из виду необходимость обеспечить безопасность местности. Он решил доверять только своим глазам и, взяв с собой небольшой отряд, сразу же отправился на разведку по маршруту, по которому следовал казначей.

Он не успел далеко пройти по главной улице, Эль-Касаба () или дамбе, как его продвижение было остановлено проходом шириной в десять или двенадцать шагов, заполненным водой глубиной не менее двух сажень, который соединял каналы на противоположных сторонах. Была предпринята слабая попытка заткнуть проем мусором с дамбы, но она была слишком небрежной, чтобы принести хоть какую-то пользу; и несколько разбросанных камней и кусков дерева только показывали, что работа была заброшена почти сразу же после начала.^[46] К его ужасу, генерал заметил, что стороны дамбы в этом районе были обрезаны, и, как было очевидно, совсем недавно. Он увидел в этом уловку хитрого врага и не сомневался, что его горячий офицер устремился в западню, специально устроенную для него. Глубоко встревоженный, он приступил к как можно более быстрому устранению ущерба, приказав своим людям засыпать зияющую пропасть.

Но они едва начали свою работу, как хриплое эхо сражения вдали сменилось ужасным звуком смешанных криков и боевых воплей, которые, казалось, разрывали само небо. За этим последовал шум, похожий на топот толпы, что свидетельствовало о том, что ход сражения изменился и теперь он катился в сторону места, где находились Кортес и его небольшой отряд кавалеристов.

Его догадка оказалась слишком верной. Альдерете следовал за отступающими ацтеками с рвением, которое возрастало с каждым шагом его продвижения. Он без особого труда снес баррикады, защищавшие брешь, и, продвигаясь дальше, отдал приказ остановить прорыв. Но кровь пылких кавалеров была разогрета погоней, и никто не хотел задерживаться из-за постыдного занятия засыпкой канав, в то время как он мог так легко снискать лавры в бою; и все они устремились вперед, увещевая и подбадривая друг друга уверенностью в том, что первыми доберутся до площади Тлателолко. Таким образом, они позволили заманить себя в сердце города; как вдруг рог Гватемалосина — священный символ, который можно услышать только в периоды чрезвычайной опасности, — издал долгий и пронзительный звук с вершины соседнего *теокалли*. В одно мгновение летящие ацтеки, словно обезумев от взрыва, развернулись и бросились на своих преследователей. В то же время бесчисленные толпы воинов с прилегающих улиц и переулков хлынули на фланги нападавших, наполнив воздух свирепыми, неземными криками, которые

достигли ушей Кортеса, и на мгновение заглушив дикий диссонанс, царивший в других кварталах столицы.^[47]

Армия, застигнутая врасплох и потрясенная яростью нападения, пришла в крайнее расстройство. Друзья и враги, белые люди и индейцы, смешались в одну беспорядочную массу. В воздухе одновременно размахивали копьями, мечами и боевыми дубинками. Удары сыпались как попало. В своем стремлении сбежать они давили друг друга. Ослепленные снарядами, которые теперь градом сыпались на них с *азотеаса*, они брели, шатаясь, едва понимая, в каком направлении, или падали, сраженные руками, которых они не могли видеть. Они приближались, подобно стремительному потоку, несущемуся по какому-то крутому склону, и единым беспорядочным приливом катились к открытому пролому, на дальней стороне которого стояли Кортес и его спутники, охваченные ужасом при виде приближающихся руин. Первые вскоре погрузились в залив, топча друг друга под водой, одни безуспешно пытались плыть, другие, с большим успехом, перебирались через груды своих задохнувшихся товарищей. Многие, пытаясь взобраться на противоположные стороны скользкой дамбы, падали в воду или были поспешно уведены воинами на каноэ, которые усугубили ужасы разгрома новым градом дротиков, которыми они осыпали беглецов.

Тем временем Кортес со своими отважными последователями неустрашимо удерживал свой пост по другую сторону бреши. “Я решил, - говорит он, - лучше умереть, чем бросить своих бедных последователей в их отчаянной ситуации!”^[48] Протянув руки, он пытался спасти как можно больше людей из водной могилы и от более ужасной участи плена. Он так же тщетно пытался восстановить что-то вроде присутствия духа и порядка среди растерянных беглецов. Его личность была слишком хорошо известна ацтекам, и теперь его положение делало его заметной добычей для их оружия. Дротики, камни и стрелы сыпались вокруг него густым градом, но выглядели безвредными из-за его стального шлема и прочных доспехов. Наконец среди врагов раздался крик “Малинче”, “Малинче”, и шестеро из их числа, сильных и атлетически сложенных воинов, сразу же бросились на него и предприняли яростную попытку втащить его на борт своей лодки. В ходе борьбы он получил тяжелое ранение в ногу, которое на время вывело ее из строя. Казалось, для него не было никакой надежды, когда его верный последователь Кристоф де Олеа, видя, что его полководец в отчаянном положении, бросился на ацтеков и одним ударом отсек руку одному дикарю, а затем вонзил свой меч в тело другого. Его быстро поддержали товарищ по имени Лерма и тлашкальский вождь, которые, сражаясь над распростертым телом Кортеса, расправились еще с тремя нападавшими; хотя героический Олеа дорого заплатил за свою самоотверженность, пав смертельно раненным рядом со своим генералом.^[49]

Вскоре среди солдат распространился слух, что их командир схвачен; и Киньонес, капитан его гвардии, с несколькими другими, бросившись на помощь, сумели высвободить Кортеса из рук его врагов, которые боролись с ним в воде, и, подняв его на руки, снова поставили на дамбу. Один из его пажей, тем временем, продвинулся немного вперед в прессе, ведя лошадь, на которую должен был сесть его хозяин. Но юноша получил рану в горло от копья, которая помешала ему достичь своей цели. Другой из его слуг оказался более удачливым. Это был Гусман, его камергер; но, когда он держал уздечку, пока Кортесу помогали сесть в седло, ацтеки схватили его и, проявив быстроту мысли, поспешили увести на своих каноэ. Генерал все еще медлил, не желая покидать это место, пока его присутствие могло принести хоть малейшую пользу. Но верный Киньонес, взяв его лошадь под уздцы, отвернул голову от пролома, воскликнув при этом, что “жизнь его господина была слишком важна для армии, чтобы ею пренебрегать”.^[50]

Однако пробиться сквозь прессу было нелегко. Поверхность дамбы, изрезанная ногами людей и лошадей, была по колено в грязи, а в некоторых местах была настолько разбита, что по ней текла вода из каналов. Переполненная толпа, пытаясь выпутаться из своего опасного положения, шаталась взад и вперед, как пьяный человек. Те, кто находился на флангах, часто были вынуждены под боковым давлением своих товарищей спускаться по скользким склонам дамбы,

где их подбирали вражеские каноэ, чьи торжествующие крики провозглашали дикую радость, с которой они собирались при виде каждой новой жертвы для жертвоприношения. Двое кавалеристов, ехавших рядом с генералом, оступились и покатались по склону в воду. Один был схвачен, а его лошадь убита. Другой был достаточно счастлив, чтобы сбежать. Доблестному прапорщику Корралю выпала такая же удача. Он соскользнул в канал, и враг почувствовал уверенность в своей добыче, когда ему снова удалось отвоевать дамбу, а изодранное знамя Кастилии все еще развевалось над его головой. Варвары испустили крик разочарованной ярости, потеряв трофей, которому жители Анауака придавали, как мы видели, первостепенное значение, едва ли уступавшее в их глазах пленению самого главнокомандующего.^[51]

Наконец Кортесу удалось вернуться на твердую почву и выйти на открытое место перед главной улицей Такубы. Здесь, под резким огнем артиллерии, он собрал свои разбитые эскадроны и, атаковав во главе небольшого конного отряда, который, не будучи введен в бой, был еще свеж, он отбил врага. Затем он командовал отступлением двум другим дивизиям. Разрозненные силы снова объединились; и генерал, выслав вперед своих индейских союзников, зашел им в тыл с отборным отрядом кавалерии, чтобы прикрыть отступление армии, которое было осуществлено с небольшими дополнительными потерями.^[52]

Андрес де Тапия был отправлен на западную дамбу, чтобы ознакомить Альварадо и Сандовала с провалом предприятия. Тем временем эти двое

ШТАНДАРТ КОРТЕСОВ

капитаны проникли далеко в город. Подбадриваемые торжествующими криками своих соотечественников на соседних улицах, они продвигались вперед с необычайной энергией, чтобы не оказаться обойденными в гонке за славой. Они почти добрались до рыночной площади, которая находилась ближе к их квартирам, чем к резиденции генерала, когда услышали звук грозного рога Гватемалы,^[53] за которым последовал оглушительный вопль варваров, так поразивший слух Кортеса; наконец звуки удаляющегося сражения затихли вдали. Теперь оба капитана понимали, что день, должно быть, выдался тяжелым для их соотечественников. Вскоре они получили еще одно доказательство этого, когда победоносные ацтеки, вернувшись после преследования Кортеса, присоединились к своим войскам, сражавшимся с Сандовалем и Альварадо, и обрушились на них с удвоенной яростью. В то же время они покатали по земле две или три окровавленные головы испанцев, выкрикивая имя “Малинче”. Капитаны, пораженные ужасом при виде этого зрелища, — хотя они и не придавали особого значения словам врага, — немедленно приказали отступить. Действительно, не в их силах было удержать свои позиции против яростных атак осажденных, которые обрушивались на них рой за роем, с отчаянием, о котором говорит один из тех, кто был там: “хотя кажется, что это сейчас предстает моим глазам, я могу дать читателю лишь слабое представление. Только Бог мог бы уберечь нас от опасностей того дня”.^[54] Свирепые варвары преследовали испанцев до самых их укреплений. Но здесь они были встречены сначала перекрестным огнем бригаantin, которые, прорвавшись сквозь частоколы, поставленные для того, чтобы затруднить их передвижение, полностью перекрыли дамбу, а затем огнем небольшой батареи, возведенной перед лагерем, которая под руководством искусного инженера по имени Медрано охватила всю длину ущелья. Разгромленные таким образом спереди и с флангов колонны ацтеков были вынуждены отступить и укрыться под защитой города.

Теперь в лагере царил величайшая тревога за судьбу Кортеса, поскольку Тапия был задержан по дороге разрозненными отрядами противника, которых Куаутемозин разместил там, чтобы прервать сообщение между лагерями. Однако в конце концов он прибыл, хотя и истекал кровью из нескольких ран. Его разведанные, хотя и убедили испанцев в личной безопасности генерала, не были рассчитаны на то, чтобы ослабить их беспокойство в других отношениях.

Сандовал, в частности, желал ознакомиться с фактическим положением вещей и дальнейшими намерениями Кортеса. Страдая от трех ран, полученных им в сегодняшнем бою, он решил лично посетить квартиру главнокомандующего. Была середина дня — поскольку утренняя суeta заняла всего несколько часов, — когда Сандовал снова вскочил на доброго скакуна, на силу и скорость которого, как он знал, он мог положиться. Это было благородное животное, хорошо известное во всей армии и достойное своего доблестного наездника, которого оно невредимым пронесло через все долгие переходы и кровопролитные битвы Завоевания.^[55] По дороге он столкнулся с разведчиками Куаутемозина, которые бросились за ним в погоню и осыпали его залпами снарядов, которые, к счастью, не нашли уязвимого места ни в его собственной сбруе, ни в сбруе его хорошо зазубренного коня.

Прибыв в лагерь, он обнаружил там солдат, сильно измотанных и подавленных утренней катастрофой. У них были на то веские причины. Помимо убитых и длинной вереницы раненых, шестьдесят два испанца со множеством союзников живыми попали в руки врага, который, как известно, никогда не щадил пленников. Потеря двух полевых орудий и семи лошадей увенчала их собственный позор и триумф ацтеков. Эти потери, столь незначительные в европейских войнах, были велики здесь, где и лошадей, и артиллерию, самое мощное оружие против варваров, нельзя было добыть без величайших затрат и трудностей.^[56]

Было замечено, что Кортес держался в течение всего этого трудного дня со своим обычным бесстрашием и хладнокровием. Единственный раз, когда он дрогнул, это когда мексиканцы бросили перед ним головы нескольких испанцев, выкрикивая одновременно “Сандовал“, “Тонатихуа” — хорошо известный эпитет Альварадо. При виде окровавленных трофеев он смертельно побледнел, но, мгновенно обретя свою обычную уверенность, попытался приободрить

упавших духом своих последователей. Теперь он встретил своего лейтенанта с веселым выражением лица, но сквозь это внешнее самообладание проглядывала тень грусти, свидетельствующая о том, что катастрофа на *пуэнте куидада*, “мост скорби”, как он скорбно называл его, тяжелым грузом легла на его сердце.

На тревожные расспросы кавалера о причине катастрофы он ответил: “Это случилось со мной за мои грехи, сын Сандовал”; ибо таков был ласковый эпитет, с которым Кортес часто обращался к своему самому любимому и надежному офицеру. Затем он объяснил ему непосредственную причину - халатность казначея. Последовал дальнейший разговор, в ходе которого генерал заявил о своем намерении отказаться от активных боевых действий на несколько дней. “Ты должен занять мое место, - продолжил он, - поскольку в настоящее время я слишком искалечен, чтобы выполнять свои обязанности. Ты должен следить за безопасностью лагерей. Обратите особое внимание на Альварадо. Он доблестный солдат, я это хорошо знаю, но сомневаюсь, что мексиканские гончие могут в какой-то момент застать его врасплох.”^[57] Эти несколько слов показали собственную оценку генералом двух своих лейтенантов; оба одинаково храбры и рыцарственны, но один из них сочетал с этими качествами осмотрительность, столь необходимую для успеха в опасных предприятиях, в которых другому явно не хватало. Будущему завоевателю Гватемалы, как обычно, пришлось набираться мудрости на горьких плодах собственных ошибок. Именно под руководством Кортеса он научился быть солдатом. Генерал, закончив свои инструкции, нежно обнял своего лейтенанта и отпустил его в его каюту.

Было уже далеко за полдень, когда он добрался до них; но солнце все еще стояло над западными холмами и широко заливало своими лучами Долину, освещая старые башни и храмы Теночтитлана мягким сиянием, которое мало гармонировало с мрачными сценами междоусобиц, в которые так недавно был вовлечен город. Спокойствие этого часа, однако, было внезапно нарушено странными звуками большого барабана в храме бога войны, звуками, которые напомнили испанцам *ночь тристасо* всеми ее ужасными образами, поскольку это был единственный случай, когда они их когда-либо слышали.^[58] Они намекали на какой-то торжественный религиозный акт в неосвященных пределах *теокалли*; и солдаты, пораженные заунывными звуками, которые были слышны на многие лиги по всей долине, обратили свои взоры в ту сторону, откуда они исходили. Там они увидели длинную процессию, выходящую по огромным склонам пирамиды, поскольку лагерь Альварадо был разбит едва ли в миле от города, а предметы отчетливо видны на большом расстоянии в прозрачной атмосфере плоскогорья.

Когда длинная вереница священников и воинов достигла плоской вершины *теокалли*, испанцы увидели фигуры нескольких обнаженных до пояса мужчин, в некоторых из которых по белизне кожи они узнали своих соотечественников. Они были жертвами для жертвоприношения. Их головы были ярко украшены коронами с перьями, а в руках они держали веера. Их подгоняли ударами и заставляли участвовать в танцах в честь ацтекского бога войны. Несчастных пленников, затем лишенных своих печальных одеяний, одного за другим растягивали на большом жертвенном камне. На его выпуклой поверхности их груди были удобно приподняты для дьявольской цели священнослужителя-палача, который сильным ударом своей острой бритвы из *ицтлирассек* ребра и, сунув руку в рану, вырвал сердце, которое, горячее и тлеющее, было положено на золотую кадильницу перед идолом. Затем тело зарезанной жертвы сбрасывали вниз по крутым ступеням пирамиды, которые, как следует помнить, располагались под тем же углом к груди, на один пролет ниже другого; а обезображенные останки собирали дикари внизу, которые вскоре приготовили из них каннибальское угощение, завершившее работу мерзости!^[59]

Мы можем себе представить, с каким чувством, должно быть, ошеломленные испанцы смотрели на это ужасное зрелище, находившееся так близко, что они почти могли различить лица своих несчастных друзей, видеть борьбу и извивания их тел, слышать — или воображать, что слышали, — их крики агонии! но они были так далеко, что не могли оказать им никакой помощи. Их конечности дрожали, когда они думали о том, какой может однажды стать их собственная

судьба; и самые храбрые из них, которые до сих пор шли на битву так же беспечно, как на банкет или в бальный зал, с этого времени не могли встретить своего свирепого врага стошнотворным чувством, очень похожим на страх, охвативший их. [\[60\]](#)

Это зрелище не произвело такого эффекта на мексиканские войска, собравшиеся в конце дамбы. Подобно стервятникам, обезумевшим от запаха далекой падали, они издали пронзительный крик и, крича, что “такова должна быть участь всех их врагов”, единым яростным потоком пронесли над дамбой. Но испанцев нельзя было заставить врасплох; и, прежде чем орда варваров вошла в их ряды, они открыли такой убийственный огонь из своей батареи тяжелых орудий, поддержанной мушкетами и арбалетами, что нападавшие были вынуждены медленно, но страшно искалеченными отступить на свои прежние позиции.

Следующие пять дней прошли в бездействии, за исключением, конечно, тех случаев, когда это было необходимо для отражения вылазок столичного ополчения. Мексиканцы, окрыленные своим успехом, тем временем предались празднованию: пели, танцевали и пировали над изуродованными останками своих несчастных жертв. Куаутемозин разослал несколько голов испанцев, а также лошадей по стране, призывая своих старых вассалов отказаться от знамен белых людей, если они не разделят участь врагов Мексики. Жрецы обрадовали молодого монарха и народ заявлением, что ужасный Уицилопочтли, их оскорбленное божество, умиротворенный жертвами, приносимыми на его алтарях, снова возьмет ацтеков под свою защиту и по истечении восьми дней передаст их врагов в их руки. [\[61\]](#)

Это утешительное предсказание, в которое уверенно поверили мексиканцы, прогремело в ушах осаждающей армии в тонах ликования и вызова. Как бы презрительно это ни относилось к испанцам, на их союзников это произвело совсем другой эффект. Последние начали испытывать отвращение к службе, полной опасностей и страданий и уже затянувшейся намного дольше обычного срока военных действий индейцев. Испанцам они доверяли меньше, чем раньше. Опыт показал, что они не были ни непобедимыми, ни бессмертными, а их недавние неудачи заставили их даже усомниться в способности христиан сокрушить столицу ацтеков. Они вспомнили зловещие слова Ксикотенкатля о том, что “столь кощунственная война не приведет к добру для народа Анауака”. Они чувствовали, что их рука поднята против богов их страны. Предсказание оракула тяжелым грузом легло на их сердца. Они почти не сомневались в его полноте и стремились лишь отвести удар молнии от своих собственных голов своевременным отходом от дела.

Поэтому они воспользовались благоприятным покровом ночи, чтобы улизнуть из своих жилищ. Таким образом, рота за ротой дезертировали, направляясь к своим домам. Те, кто принадлежал к большим городам Долины, чья верность была самой недавней, были первыми, кто отказался от нее. Их примеру последовали более старые конфедераты, ополчение Чолулы, Тепеаки, Тецкоко и даже верный Тлашкала. Правда, были среди них некоторые исключения, и среди них Икстлильшочитль, молодой правитель Тецкоко, и Чичемекатль, доблестный тлашкальский вождь, которые вместе с несколькими своими ближайшими последователями все еще оставались верны знамени, под которым они вступили. Но их число было незначительным. Испанцы с ужасом созерцали могучий отряд, на поддержку которого они опирались, безмолвно тающий под дуновением суеверия. Один Кортес сохранял жизнерадостное выражение лица. Он отнесся к предсказанию с презрением, как к выдумке жрецов, и послал своих гонцов вслед отступающим эскадронам, умоляя их отложить отъезд или, по крайней мере, остановиться в пути, пока время, которое скоро истечет, не покажет ложность пророчества.

Следует признать, что дела испанцев в период этого кризиса носили мрачный характер. Покинутые своими союзниками, с почти израсходованными боеприпасами, отрезанные от обычных поставок из окрестностей, измученные непрерывными бдениями и переутомлением, страдающие от ран, на долю которых выпала участь каждого солдата в армии, с недружественной страной в тылу и смертельным врагом впереди, они вполне могли быть оправданы за

нерешительность в своем предприятии. Днем у них было много занятий - добывать продовольствие в стране и удерживать свои позиции на дамбах против врага, который теперь стал вдвойне отважным благодаря успеху и обещаниям своих священников; ночью их сон нарушался ударами печального барабана, звуки которого, далеко разносясь над водой, напоминали звон по их убитым товарищам. Ночь за ночью к великому жертвеннику приводили новые жертвы; и, в то время как город пылал от тысяч костров на террасных крышах жилищ и на площадях храмов, мрачное зрелище, просвечивающее сквозь огненный свет, как работа слугителей ада, было отчетливо видно из лагеря внизу. Одним из последних страдальцев был Гусман, несчастный камергер Кортеса, который провел в плену восемнадцать дней, прежде чем встретил свою участь.^[62]

Однако в этот час испытаний испанцы не дрогнули. Если бы они дрогнули, то могли бы получить урок стойкости от некоторых из своих собственных жен, которые остались с ними в лагере и проявили в этом случае героизм, история сохранила несколько примеров. Одна из них, защищенная доспехами своего мужа, часто вставала на стражу вместо него, когда он уставал. Другой, поспешно надевший солдатский *эскапиль* и схвативший меч и копье, однажды был замечен, как он спланивал своих отступающих соотечественников и вел их обратно против врага. Кортес хотел убедить этих амазонских дам остаться в Тласкале, но они гордо ответили: "Долгом кастильских жен было не бросать своих мужей в опасности, а разделить ее с ними - и умереть вместе с ними, если потребуется". И они хорошо выполнили свой долг.^[63]

Несмотря на все невзгоды и многочисленные затруднения, связанные с их положением, испанцы по-прежнему оставались верны своей цели. Они ни в коей мере не ослабили суровость блокады. Их лагерь по-прежнему занимали единственные дороги, ведущие в город, а их батареи, простреливавшие длинные ущелья при каждой новой атаке ацтеков, уничтожали сотни нападавших. Их бригадины все еще плавали по водам, отрезая сообщение с берегом. Это действительно так, потеря вспомогательных каноэ оставила открытым проход для случайной доставки припасов в столицу.^[64] Но в целом количество этих припасов было небольшим; и его многочисленное население, хотя и радовалось своему временному преимуществу и обманчивым заверениям своих священников, начало тонуть под иссушающей хваткой внутреннего врага, более ужасного, чем тот, который лежал перед их воротами.

ГЛАВА VII

УСПЕХИ ИСПАНЦЕВ—БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГВАТЕМАЛЕ—ЗДАНИЯ СТЕРТЫ С
ЛИЦА ЗЕМЛИ—УЖАСНЫЙ ГОЛОД—ВОЙСКА ЗАХВАТЫВАЮТ РЫНОЧНУЮ ПЛОЩАДЬ—
ИЗБИЕНИЕ—ДВИГАТЕЛЬ

1521

Так прошли восемь дней, предписанных оракулом; и солнце, взошедшее на девятый, взирало на прекрасный город, все еще окруженный со всех сторон неумолимым врагом. Это была большая ошибка ацтекских жрецов — нередкая среди лжепророков, стремившихся произвести ошеломляющее впечатление на своих последователей, — назначить столь короткий срок для исполнения своего предсказания.^[65]

Вожди тецкукана и тлашкалана теперь послали известить свои войска о сбывании пророчества и отозвать их в лагерь христиан. Тласкаланцы, остановившиеся по дороге, вернулись, устыдившись своей доверчивости и испытывая древнее чувство вражды, обостренное хитростью, в которой они оказались обманутыми. Их примеру последовали многие другие федераты с легкомыслием, естественным для людей, чьи убеждения являются результатом не разума, а суеверия. За короткое время испанский генерал оказался во главе вспомогательных сил, которые, если и не были столь многочисленны, как раньше, были более чем достаточны для всех его целей. Он принял их с политической благосклонностью; и, хотя он напомнил им, что они были виновны в великом преступлении, бросив таким образом своего командира, он был готов закрыть на это

глаза, принимая во внимание их прошлые заслуги. Они должны были отдавать себе отчет в том, что эти услуги не были необходимы испанцам, которые во время их отсутствия вели осаду с такой же энергией, как и тогда, когда они присутствовали. Но он не желал, чтобы те, кто разделял с ним опасности войны, также не разделили ее триумфов и не присутствовали при падении своего врага, которое, как он обещал, с уверенностью, более обоснованной, чем уверенность священников в их предсказании, не должно было надолго затянуться.

Однако угрозы и махинации Гватемалосина все еще не оставались без последствий в отдаленных провинциях. Перед полным возвращением конфедератов Кортес принял посольство из Куэрनावак, расположенной в десяти или двенадцати лигах от него, и еще одно из дружественных городов отоми, еще дальше, умоляя его о защите от их грозных соседей, которые угрожали им военными действиями как союзникам испанцев. Поскольку последние находились в то время в таком положении, они были в состоянии скорее получить помощь, чем оказать ее.^[66] Большинство офицеров были, соответственно, против удовлетворения запроса, выполнение которого должно еще больше ухудшить их уменьшенную численность. Но Кортес понимал, что прежде всего важно не выдавать свою собственную неспособность это сделать. “Чем больше наша слабость, - сказал он, - тем больше нам нужно прикрывать ее демонстрацией силы”.^[67]

Он немедленно отправил Тапия с отрядом численностью около ста человек в одном направлении, а Сандовалья с несколько большими силами - в другом, приказав ни в коем случае не продлевать их отсутствие более чем на десять дней.^[68] Два капитана выполнили свои поручения быстро и эффективно. Каждый из них встретился со своим противником и победил его в жестоком сражении, опустошил враждебные территории и вернулся в установленный срок. Вскоре за ними последовали послы из завоеванных стран, просившие союза с испанцами; и дело завершилось присоединением новых союзников и, что было более важно, убеждением старых, что испанцы готовы и компетентны защищать их.

Фортуна, которая редко раздает свои неодобрения или милости в одиночку, на этот раз еще раз продемонстрировала свою добрую волю к испанцам, отправив в Вера-Крус судно, груженное боеприпасами и военными припасами. Это была часть флота, направленного к побережью Флориды романтичным старым рыцарем Понсе де Леоном. Власти порта немедленно забрали груз и без промедления отправили его в лагерь, куда он прибыл наиболее своевременно, поскольку, в частности, начала серьезно ощущаться нехватка пороха.^[69] Восстановив таким образом силы, Кортес решил возобновить активные операции, но по плану, сильно отличающемуся от того, который проводился ранее.

В ходе предыдущих обсуждений этого вопроса генералу, как мы видели, представились два пути. Один из них состоял в том, чтобы укрепиться в центре столицы и с этого момента вести боевые действия; другой заключался в том способе действий, которому придерживались до сих пор. Оба варианта допускают серьезные возражения, которые, как он надеется, будут устранены принятым сейчас решением. Это означало, что ни на шаг не продвинется вперед без обеспечения полной безопасности армии не только при ее немедленном отступлении, но и при ее будущих наступлениях. Каждая брешь в дамбе, каждый канал на улицах должны были быть засыпаны настолько прочно, чтобы работе больше не мешали. Материалами для этого должны были послужить здания, каждое из которых по мере продвижения армии, будь то общественные или частные, хижины, храмы или дворцы, подлежало сносу! Ни одно здание на их пути не должно было быть пощажено. Все они были бесспорнопреступно сровнены с землей до тех пор, пока, говоря собственным языком Завоевателя, “вода не превратится в сушу” и не будет предоставлена ровная и открытая местность для маневров кавалерии и артиллерии!^[70]

Кортес с большим трудом пришел к этому ужасному решению. Он искренне желал пощадить город, “самое прекрасное, что есть в мире”,^[71] как он с энтузиазмом называет его, и который стал бы самым славным трофеем его завоевания. Но в месте, где каждый дом был крепостью, а каждая улица была изрезана каналами, так стеснявшими его передвижение, опыт доказал, что было

тщетно думать о том, чтобы сделать это и стать хозяином этого места. Было так же мало надежды на мирное соглашение с ацтеками, которые, будучи далеки от того, чтобы быть сломленными всем, что им пришлось пережить до сих пор, и долгой перспективой будущих бедствий, демонстрировали дух, столь же надменный и неумолимый, как и всегда.^[72]

Индийские союзники узнали о намерениях генерала с безграничным удовлетворением; и они откликнулись на его призыв о помощи тысячами пионеров, вооруженных своими *коа*, или местными мотыгами, свидетельствующими о величайшей готовности помочь в разрушительной работе.^[73] За короткое время бреши в больших дамбах были засыпаны настолько эффективно, что к ним больше никогда не приставали. Сам Кортес подавал пример, таская камни и бревна собственными руками.^[74] Затем здания в пригородах были тщательно выровнены, каналы засыпаны мусором, и широкое пространство вокруг города было открыто для маневров кавалерии, которая пронеслась по нему свободно и без сопротивления. Мексиканцы не смотрели с безразличием на эти приготовления к тому, чтобы опустошить их город и оставить его голым и незащищенным от врага. Они предпринимали непрерывные попытки помешать трудам осаждающих; но последние под прикрытием своих орудий, которые вели непрерывный огонь, все еще продвигались вперед в деле опустошения.^[75]

Проблеск удачи, который так недавно озарил мексиканцев, снова исчез; и темный туман, поднявшись на мгновение, опустился на обреченную столицу еще гуще, чем прежде. Голод со всей своей отвратительной чередой бедствий стремительно распространялся среди скопившегося населения. Запасы, предоставленные для осады, были исчерпаны. Случайный запас человеческих жертв или тот, что был добыт какой-нибудь заблудившейся пирогой с соседних берегов, был слишком незначителен, чтобы широко ощущаться.^[76] Некоторые вынуждены были питаться скудной слизистой субстанцией, собранной в небольших количествах на поверхности озера и каналов.^[77] Другие утоляли жажду, пожирая крыс, ящериц и тому подобных отвратительных рептилий, которые еще не покинули голодающий город. Его дни, казалось, были уже сочтены. Но на страницах истории есть много примеров, показывающих, что выносливости, на которую способно человечество, движимое ненавистью и отчаянием, нет предела.

С занесенным над ней таким образом мечом испанский военачальник, желая предпринять еще одну попытку спасти столицу, убедил трех знатных ацтеков, захваченных в одной из последних операций, передать от него послание Гватемалосину; хотя они предприняли это с неохотой, опасаясь последствий для себя. Кортес сказал императору, что теперь сделано все, что могли сделать храбрые люди для защиты своей страны. У мексиканцев не осталось ни надежды, ни шанса на спасение. Их провизия была исчерпана; их коммуникации были прерваны; их вассалы покинули их; даже их боги предали их. Они остались одни, а народы Анауака объединились против них. Не было никакой надежды, кроме немедленной капитуляции. Он умолял молодого монарха проявить сострадание к своим храбрым подданным, которые ежедневно гибли у него на глазах, и к прекрасному городу, чьи величественные здания быстро превращались в руины. “Вернись к верности, - заключает он, - которую ты когда-то присягнул суверену Кастилии. Прошлое будет забыто. Личности и собственность, короче говоря, все права ацтеков должны соблюдаться. Вы будете утверждены в своей власти, и Испания снова возьмет ваш город под свою защиту”.^[78]

Глаза молодого монарха загорелись, а его смуглые щеки вспыхнули от внезапного гнева, когда он выслушал столь унижительные предложения. Но, хотя его грудь пылала пылким темпераментом индейца, он обладал качествами “мягкого кавалера”, как говорит один из его врагов, который хорошо его знал.^[79] Он не причинил вреда посланникам; но после того, как накал страстей спал, он спокойно рассмотрел этот вопрос и созвал совет своих мудрецов и воинов, чтобы обсудить его. Некоторые были за то, чтобы принять предложения, как дающие единственный шанс на сохранение. Но священники придерживались другого взгляда на этот вопрос. Они знали, что за триумфом христианства должно последовать крушение их собственного порядка. “Мир был

хорош, - говорили они, “ но не с белыми людьми”. Они напомнили Куаутемозину о судьбе его дяди Монтесумы и возмездии, которое он получил за все свое гостеприимство; о захвате и заключении в тюрьму Какамы, касика Тецкоко; о резне знати Альварадо; о ненасытной алчности захватчиков, лишивших страну ее сокровищ; об их осквернении храмов; об обидах и оскорблениях, которые они без меры нанесли народу и его религии. “Лучше, ” говорили они, - довериться обещаниям своих собственных богов, которые так долго наблюдали за нацией. Лучше, если понадобится, сразу отдать наши жизни за нашу страну, чем влачить их в рабстве и страданиях среди фальшивых чужаков”.^[80]

Красноречие священников, искусно затрагивавших различные пороки его народа, взбудоражило горячую кровь Гватемалозина. “Раз это так, ” внезапно воскликнул он, “ давайте думать только об удовлетворении потребностей народа. Пусть впредь ни один человек, который дорожит своей жизнью, не говорит о капитуляции. По крайней мере, мы можем умереть как воины.”^[81]

Испанцы два дня ждали ответа в свое посольство. Наконец это произошло в результате общей вылазки мексиканцев, которые, вливаясь во все ворота столицы, подобно реке, вышедшей из берегов, волна за волной приближались к самым укреплениям осаждающих, угрожая сокрушить их своей численностью. К счастью, позиция последних на дамбах обеспечивала их фланги, а узость ущелья давала их небольшой батарее орудий все преимущества более крупной. Артиллерийский и ружейный огонь непрерывно бушевал вдоль нескольких дамб, выбрасывая клубы сернистого дыма, который, тяжело стелясь над водой, окутывал индийский город тьмой, скрывая его от окружающей местности. Бригантины одновременно обрушились на фланги колонн, которые после некоторых безуспешных попыток удержаться откатились в диком замешательстве, пока их бессильная ярость не утихла в угрюмом ропоте в столице.

Теперь Кортес неуклонно следовал разработанному им плану разрушения города. День за днем несколько армий входили в свои кварталы, Сандовал, вероятно, руководил своими операциями против северо-восточного округа. Здания, построенные из пористого *тецонтли*, хотя и были в основном низкими, были такими массивными и обширными, а каналов было так много, что их продвижение неизбежно было медленным. Они, однако, каждый день пополняли свои силы благодаря многочисленным людям, которые стекались в лагерь из окрестностей и которые присоединились к разрушительной работе с искренней доброй волей, которая свидетельствовала об их стремлении сбросить ненавистное иго ацтеков. Последние пришли в бессильный гнев, увидев, что их величественные здания, их храмы, все, чему они привыкли поклоняться, было безжалостно снесено; их каналы, построенные с таким трудом и казавшиеся им наукой, завалены мусором; короче говоря, их цветущий город превратился в пустыню, по которой теперь торжествующе шествовал оскорбительный враг. Они осыпали насмешками индийских союзников. “Продолжайте, - с горечью говорили они, - чем больше вы разрушаете, тем больше вам придется создавать заново в будущем. Если мы победим, вы будете строить для нас; и если ваши белые друзья победят, они заставят вас сделать то же самое для них”.^[82] Событие оправдало предсказание.

В своей ярости они вслепую бросились на корпус, прикрывавший индийских пионеров. Но так же часто они были отброшены назад стремительной атакой кавалерии или получили в ответ на длинные пики Чинантлы, которые сослужили хорошую службу осаждающим в их операциях. Однако к концу дня, когда испанцы отводили свои силы, позаботившись о том, чтобы первыми отогнать многочисленное войско конфедератов с земли, мексиканцы обычно собирались для более мощной атаки. Затем они хлынули из всех переулков, подобно множеству горных потоков, захлестывая широкую равнину, расчищенную противником, и стремительно обрушивались на его фланги и тыл. В такие моменты они, в свою очередь, наносили значительный урон, пока засада, которую Кортес устроил для них среди зданий, примыкающих к великому храму, не причинила им столько вреда, что они были вынуждены действовать более сдержанно.

Временами война проявляла нечто вроде рыцарского характера в личных столкновениях сражающихся. Между ними, и особенно между местными воинами, проходили испытания. Эти бои обычно проводились на *азотах*, широкая и ровная поверхность которых обеспечивала хорошее поле для боя. Однажды мексиканец могучего телосложения, размахивая мечом и щитом, которые он выиграл у христиан, бросил вызов своим врагам, вызвав их на поединок один на один. Молодой паж Кортеса по имени Нуньес получил разрешение своего господина принять хваленый вызов ацтеков и, прыгнув на *азотею*, после упорной борьбы сумел сбить с толку своего противника, который сражался в невыгодных условиях оружием, в обращении с которым он не был опытен, и, пронзив его насквозь, с триумфом снял свою добычу и положил ее к ногам генерала.^[83]

Дивизия Кортеса продвинулась теперь далеко на север, к главной улице Такубы, по которой открывалось сообщение с лагерем Альварадо и рядом с которой стоял дворец Гватемалосин. Это было просторное каменное нагромождение, которое вполне можно было назвать крепостью. Несмотря на то, что он был покинут своим царственным хозяином, он удерживался сильным отрядом ацтеков, которые организовали временную оборону, но без особого толку от сокрушительной техники осаждающих. Вскоре он был подожжен, и его полуразрушенные стены были обращены в пыль, как и другие величественные здания столицы, предметом гордости и восхищения ацтеков и одними из прекраснейших плодов их цивилизации. “Печально было наблюдать за их уничтожением, - восклицает Кортес, - но это было частью нашего плана действий, и у нас не было выбора”.^[84]

На эти операции ушло несколько недель, так что сейчас приближалась вторая половина июля. В течение этого времени блокада поддерживалась с предельной строгостью, и несчастные жители страдали от всех форм голода. Время от времени по соседству с христианским лагерем отлавливали нескольких отставших, куда они забрели в поисках пищи. По приказу Кортеса, который надеялся побудить других последовать их примеру и таким образом обеспечить средство умиротворения жителей, которое могло бы открыть путь к их покорности, с ними обошлись по-доброму. Но мало кто был готов покинуть убежище столицы, и они предпочли рискнуть вместе со своими страдающими соотечественниками, а не положиться на милость осаждающих.

Однако от этих немногих отставших испанцы слышали мрачный рассказ о горе, связанном с перенаселенностью внутренних районов города. Все обычные средства к существованию давно вышли из строя, и теперь они поддерживали жизнь, как могли, с помощью тех корней, которые могли выкапывать из земли, грызя кору деревьев, питаясь травой - короче говоря, всем, каким бы отвратительным оно ни было, что могло утолить неутолимый аппетит. Их единственным напитком была солоноватая вода почвы, насыщенной соленым озером.^[85] При таком нездоровом питании и вызванных им болезнях население постепенно истощалось. Люди заболели и умирали каждый день, испытывая все мучительные муки, вызванные голодом, а изможденные выжившие, казалось, только ждали своего часа.

Испанцы получили зримое подтверждение всему этому, когда проникли вглубь города и приблизились к району Тлателолко, ныне занятому осажденными. Они обнаружили землю, развороченную в поисках корней и сорняков, деревья, лишенные своих зеленых стволов, листья и коры. Отряды изголодавшихся индейцев мелькали вдалеке, скользя, как призраки, среди мест своего прежнего проживания. Мертвые тела лежали непогребенными на улицах и во дворах или засыпали каналы. Это был верный признак крайности ацтеков, ибо они считали погребение мертвых торжественной и непреложной обязанностью. В начале осады они свято следили за этим. На более поздних этапах они все еще были осторожны, чтобы убрать мертвых с глаз долой, переноса их останки в дома. Но число их и их собственные страдания теперь так страшно возросли, что они стали равнодушны к этому и позволили своим друзьям и родственникам лежать и разлагаться на том месте, где они испустили свой последний вздох!^[86]

Когда захватчики вошли в жилища, им предстало еще более ужасающее зрелище: полы, покрытые распростертыми телами несчастных обитателей, одни в предсмертных муках, другие гноящиеся в своем разложении; мужчины, женщины и дети вдыхали ядовитую атмосферу и беспорядочно смешивались друг с другом; матери со своими младенцами на руках умирали от голода у них на глазах, в то время как они были не в состоянии обеспечить их питанием от природы; мужчины, искалеченные ранами, с ужасно искалеченными телами, тщетно пытавшиеся уползти, когда входил враг. Но даже в таком состоянии они пренебрегли просьбой о пощаде и смотрели на захватчиков с угрюмой свирепостью раненого тигра, которого охотники выследили до его лесной пещеры. Испанский командующий отдал строгий приказ о том, что к этим бедным и искалеченным жертвам следует проявлять милосердие. Но союзники-индейцы не делали различий. Ацтеки, при любых обстоятельствах, были врагами; и с отвратительными криками триумфа они обрушивали горящие здания себе на головы, собирая живых и мертвых в одну общую погребальную кучу!

Однако страдания ацтеков, какими бы ужасными они ни были, не склонили их к покорности. Действительно, было много таких, кто из-за большей крепости телосложения или из-за более благоприятных обстоятельств, в которые они попали, все еще проявляли всю свою обычную энергию тела и ума и сохраняли то же неустрашимое и решительное поведение, что и прежде. Они яростно отвергли все попытки Кортеса, заявив, что скорее умрут, чем сдадутся, и добавив с горьким ликованием, что захватчики, по крайней мере, будут разочарованы в своих ожиданиях относительно сокровищ, поскольку они были зарыты там, где они никогда не смогут их найти!^[87]

Говорят, что женщины разделяли этот отчаянный — его скорее следовало бы назвать героическим — дух. Они были неутомимы в уходе за больными и перевязке их ран; они помогали воинам в битве, снабжая их индейским снаряжением из камней и стрел, готовили пращи, натягивали луки и, короче говоря, демонстрировали все постоянство и отвагу, проявленные благородными девушками Сарагосы в наши дни и карфагенянами в дни древности.^[88]

Кортес въехал на один из больших проспектов, ведущих к рыночной площади Тлателолко, кварталу, в сторону которого также направлялись передвижения Альварадо. На его пути лежал только один канал, но он был огромной ширины и надежно защищался мексиканскими лучниками. В этот критический момент армия однажды вечером, находясь в своих укреплениях на дамбе, была удивлена необычным светом, исходившим от огромного *теокалли* в той части города, которая, находясь на севере, была наиболее удалена от их собственных позиций. Этот храм, посвященный грозному богу войны, уступал только пирамиде на большой площади; и на нем испанцы не раз видели, как их несчастных соотечественников вели на бойню. Теперь они предположили, что враги были задействованы в какой-то из своих дьявольских церемоний, когда пламя, поднимавшееся все выше и выше, показывало, что сами святилища были охвачены огнем. Крик ликования при виде этого вырвался у собравшихся солдат, когда они уверяли друг друга, что их соотечественники под командованием Альварадо овладели зданием.

Это действительно было правдой. Этот доблестный офицер, чье положение на западной дамбе располагало его недалеко от района Тлателолко, подчинился приказу своего командира

ВИД НА ВЕЛИКУЮ ПЛОЩАДЬ В МЕКСИКЕ

Гутиль и Др., Париж

точные инструкции, сровнявшие с землей каждое здание на пути его продвижения и засыпавшие рвы их развалинами. Наконец он очутился перед великим *теокалли* по соседству с рынком. Он приказал роте под командованием кавалера по имени Гутьерре де Бадахос взять штурмом это место, которое защищал отряд воинов, смешанных со священниками, еще более диких и свирепых, чем солдаты. Гарнизон, устремившись вниз по извилистым террасам, обрушился на нападавших с такой яростью, что вынудил их отступить в замешательстве и с некоторыми потерями. Альварадо приказал другому отряду поддержать их. Этот последний в данный момент был занят телом ацтеков, которые висели у него на спине, когда он поднимался по галереям *теокалли*. Таким образом, зажатые между двумя врагами, сверху и снизу, испанцы оказались в критическом положении. С мечами и щитами они отчаянно набросились на поднимавшихся мексиканцев и загнали их во внутренний двор внизу, где Альварадо атаковал их такими энергичными мушкетными залпами, что вскоре привел их в беспорядок и вынудил покинуть поле боя. Избавившись таким образом от неприятностей в тылу, испанцы вернулись к атаке. Они загнали врага на вершину пирамиды, и, достигнув широкой вершины, в воздухе последовало ожесточенное столкновение — такое столкновение, которое происходит там, где смерть является неизбежным следствием поражения. Все закончилось, как обычно, поражением ацтеков, которые были либо убиты на месте, все еще мокрым от крови их собственных жертв, либо скатились вниз головой со стен пирамиды.

Местность была покрыта различными символами варварского культа страны и двумя высокими святилищами, перед ухмыляющимися идолами которых были выставлены головы нескольких христианских пленников, принесенных в жертву на их алтарях. Несмотря на то, что испанцы были обросшими длинными спутанными волосами и окладистыми бородами, по мертвенно-бледным лицам они могли узнать своих товарищей, попавших в руки врага. Слезы текли из их глаз, когда они смотрели на печальное зрелище и думали об ужасной смерти, постигшей их соотечественников. Они с подобающей осторожностью убрали печальные реликвии, а после Завоевания поместили их в освященную землю, на месте, с тех пор занятом Церковью Мучеников.^[89]

Они завершили свою работу поджогом святилищ, чтобы это место больше не было осквернено этими отвратительными обрядами. Пламя медленно ползло вверх по высоким башням, в которых

камень смешивался с деревом, пока, наконец, не вспыхнуло одним ярким пламенем и не взметнулось по спирали на такую высоту, что его было видно из самых отдаленных уголков Долины. Именно это приветствовали солдаты Кортеса, и это служило маяком как для друзей, так и для врагов, свидетельствуя о прогрессе христианского оружия.

Главкомандующий и его дивизия, воодушевленные этим зрелищем, при своем появлении на следующий день предприняли более решительные усилия, чтобы встать рядом со своими товарищами под командованием Альварадо. Широкий канал, который, как было замечено выше, был единственным препятствием на его пути, предстояло пересечь; и на дальнем берегу толпились изможденные фигуры ацтекских воинов, оспаривавших проход, подобно мрачным теням, которые бродят — как рассказывают нам древние поэты — по берегам адской реки. Однако они обрушили шквал снарядов, которые не были тенями, на головы индийских рабочих, занятых засыпкой широкой щели развалинами окружающих зданий. И все же они продолжали трудиться, несмотря на проливной дождь из стрел, новые ряды занимали место тех, кто пал. И когда, наконец, работа была завершена, кавалерия во весь опор поехала по неровной равнине на врага, сопровождаемая плотным строем копейщиков, которые своей непобедимой фалангой сокрушали любое сопротивление.

Теперь испанцы оказались на одной площадке с дивизией Альварадо. Вскоре после этого этот вождь в сопровождении нескольких человек из своего штаба въехал в их ряды и сердечно обнял своих соотечественников и товарищей по оружию, впервые с начала осады. Теперь они были по соседству с рынком. Кортес, взяв с собой нескольких своих кавалеристов, галопом въехал на него. Как читатель уже видел, это было обширное ограждение, занимавшее много акров.^[90] Его размеры соответствовали огромному количеству людей, собиравшихся здесь со всех концов Долины в дни расцвета монархии ацтеков. Он был окружен портиками и павильонами для размещения ремесленников и торговцев, которые выставляли там свои различные ткани и товары. Плоские крыши площадей теперь были покрыты толпами мужчин и женщин, которые в безмолвном ужасе взирали на закованных в сталь всадников, осквернивших эти кварталы своим присутствием впервые с момента их изгнания из столицы. Толпа, состоявшая по большей части, вероятно, из безоружных граждан, казалась застигнутой врасплох; по крайней мере, они не оказали никакого сопротивления; и генералу, неторопливо осмотревшему местность, было позволено беспрепятственно вернуться к армии.

Прибыв туда, он поднялся на *теокалли*, над которым теперь торжественно реял штандарт Кастилии, вытеснивший памятники суеверий ацтеков. Победитель, шагая среди дымящихся углей на вершине, спокойно обозревал картину запустения внизу. Дворцы, храмы, оживленные рынки промышленности и торговли, сверкающие каналы, покрытые богатыми грузами из окружающей страны, царственная пышность роц и садов, все великолепие имперского города, столицы Западного мира, навсегда исчезло, — и на их месте бесплодная дикая местность! Как непохоже было зрелище, которое год назад предстало его взору, когда он обозревал те же сцены с высоты соседнего *теокалли* в сопровождении Монтесумы! Семь восьмых города лежало в руинах, за редким исключением, возможно, какого-нибудь колоссального храма, на разрушение которого потребовалось бы слишком много времени.^[91] Оставшаяся восьмая часть, охватывающая район Тлателолко, была всем, что теперь оставалось ацтекам, чье население — все еще большое после всех понесенных потерь — было втиснуто в пространство, где едва ли хватило бы места для трети их численности. Это был квартал, расположенный между великими северной и западной дамбами, и в современной столице он известен как *Баррио-де-Сан-Яго* и его окрестности. Это было любимое место жительства индейцев после завоевания,^[92] хотя в наши дни оно покрыто скромными жилищами, образующими, так сказать, разрозненные пригороды мегаполиса. И все же здесь все еще сохранились слабые следы того, чем оно было в более гордые дни; и любознательный антиквар, а иногда и рабочий, копаясь в земле, натывается на блестящий обломок обсидиана, или на заплесневелый наконечник копья или стрелы, или на какую-нибудь другую

воинственную реликвию, свидетельствующую о том, что на этом месте отступающие ацтеки в последний раз отстаивали независимость своей страны.^[93]

На следующий день Кортес во главе своих батальонов совершил второй заход в великий *тиангуэс*. Но на этот раз мексиканцы были лучше подготовлены к его приходу. Они собрались значительными силами на просторной площади. Последовала острая стычка, но она была короткой. Их сила была не равна их духу, и они растаяли под раскатистым ружейным огнем, оставив испанцев хозяевами огады.

Первым актом был поджог нескольких небольших храмов на рыночной площади или, что более вероятно, на ее границах. Когда пламя взметнулось вверх, пораженные ужасом ацтеки разразились жалобными стенаниями по поводу уничтожения божеств, на защиту которых они полагались.^[94]

Следующий шаг генерала был сделан по предложению солдата по имени Сотело, человека, который служил под началом Великого Капитана в итальянских войнах, где, по его словам, приобрел знания в области инженерной науки в том виде, в каком она тогда практиковалась. Он предложил свои услуги по сооружению своего рода катапульты, машины для выброса камней большого размера, которая могла бы заменить обычный таран при разрушении зданий. Поскольку боеприпасы, несмотря на щедрые запасы, которые время от времени попадали в лагерь, теперь начали подходить к концу, Кортес с готовностью согласился на предложение, столь хорошо отвечавшее его требованиям. Были доставлены древесина и камень, и несколько рабочих под руководством самозванного инженера были заняты сооружением громоздкого устройства, которое было воздвигнуто на прочной каменной платформе площадью тридцать квадратных шагов и высотой семь или восемь футов, занимавшей центр рыночной площади. Это была работа ацтекских принцев, и ее использовали как строительные леса, на которых шуты и жонглеры могли демонстрировать свои удивительные трюки на потеху населению, которое получало огромное удовольствие от этих представлений.^[95]

На монтаж машины ушло несколько дней, в течение которых военные действия были приостановлены, в то время как ремесленники были защищены от вмешательства сильным корпусом пехоты. Наконец работа была завершена; и осажденные, которые с безмолвным благоговением наблюдали из соседних *азотеасов* за ходом работы таинственной машины, которая должна была превратить остаток их столицы в руины, теперь с ужасом наблюдали за ее работой. На бревно был положен камень огромных размеров. Механизм был приведен в движение; и каменный обломок с огромной силой вылетел из катапульты. Но вместо того, чтобы двигаться в направлении ацтекских построек, он поднялся высоко и перпендикулярно в воздух и, опустившись туда, откуда он выскочил, разнес зловещую машину в щепки! Это был полный провал.

Ацтеки были избавлены от своих опасений, и солдаты много раз весело подшучивали над катастрофой, отчасти в ущерб своему командиру, который выказал немалую досаду из-за разочарования, а еще больше из-за собственной доверчивости.^[96]

ГЛАВА VIII

УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ ОСАЖДЕННЫХ—ДУХ ГВАТЕМАЛЫ—КРОВАВЫЕ НАПАДЕНИЯ—ЗАХВАТ ГВАТЕМАЛЫ—ЭВАКУАЦИЯ ГОРОДА—ПРЕКРАЩЕНИЕ ОСАДЫ—РАЗМЫШЛЕНИЯ

1521

ТЗДЕСЬ не было повода прибегать к искусственным средствам, чтобы ускорить гибель ацтеков. Это ускорялось с каждым часом из-за причин более могущественных, чем те, которые возникли в результате простого человеческого вмешательства. Вот они, запертые в своих тесных и душных помещениях, дворяне, простолюдины и рабы, мужчины, женщины и дети, некоторые в домах, чаще в лачугах, — ибо эта часть города была не из лучших, — другие на открытом воздухе в каноз

или на улицах, дрожащие под холодными ночными дождями и опаленные палящим зноем дня.^[97] старый летописец упоминает тот факт двух женщин ранга оставшиеся трое суток по шею в воде среди камышей, с горсткой кукурузы за их поддержку.^[98] Обычные средства поддержания жизни давно исчезли. Они бродили в поисках чего-нибудь, каким бы нездоровым или отвратительным оно ни было, что могло бы утолить жестокие муки голода. Некоторые охотились на насекомых и червей на берегах озера или собирали соленые водоросли и мох со дна, хотя иногда можно было увидеть, как они с тоской поглядывают на зеленые холмы за ним, которые многие из них покинули, чтобы разделить судьбу своих собратьев в столице.

К их чести, испанские авторы говорят, что в своей крайности они не были вынуждены нарушать законы природы, питаясь друг другом.^[99] Но, к сожалению, этому противоречат индийские власти, которые заявляют, что многие матери в своей агонии съедали потомство, которого у нее больше не было средств содержать. Это зафиксировано не в одной осаде в истории; и это более вероятно здесь, где чувствительность, должно быть, была притуплена знакомством с жестокими обычаями национального суеверия.^[100]

Но всего было недостаточно, и сотни измученных голодом несчастных умирали каждый день от невыносимых страданий. Некоторые забрались в дома и испустили свой последний вздох в одиночестве и тишине. Другие опустили на людных улицах. Где бы они ни умерли, там их и оставили. Некому было похоронить или вывезти их. Знакомство с этим зрелищем сделало людей равнодушными к нему. Они смотрели в немом отчаянии, ожидая своей очереди. Это была не жалоба, не стенание, а глубокое, невыразимое горе.

Если в других кварталах города трупы можно было увидеть разбросанными по улицам, то здесь они были собраны в кучи. “Они лежали так густо, - говорит Берналь Диас, - что ступать можно было только среди тел”.^[101] “Человек не смог бы ступить ногой, - говорит Кортес еще более решительно, - разве что на труп индейца”.^[102] Они были навалены друг на друга, живые смешались с мертвыми. Они растянулись на телах своих друзей и улеглись там спать. Смерть была повсюду. Город представлял собой огромный склеп, в котором все спешило прийти в упадок. Под действием чередующихся дождя и жары из гниющей массы поднимался ядовитый пар, который так отравил всю атмосферу, что испанцы, включая самого генерала, во время их кратких визитов в квартал, заболели им, и это вызвало эпидемию, унесшую жизни даже большего числа людей, чем голод.^[103]

Умы людей были выбиты из колеи этими странными и накопившимися ужасами. Они прибегли ко всем суеверным обрядам, предписанным их религией, чтобы остановить эпидемию. Они призвали своих жрецов воззвать к богам от их имени. Но оракулы были немые или давали только мрачные ответы. Их божества покинули их, и на их месте они увидели знаки небесного гнева, говорящие о еще больших грядущих бедствиях. Многие после осады заявляли, что среди прочих чудес они видели поток света кроваво-красного цвета, идущий с севера в направлении Тепехакака с шумом, подобным вихревому, который пронесся по району Тлателолко, выбрасывая искры и хлопья огня, пока не достиг далеко центра озера!^[104] В расстроенном состоянии их нервов таинственный страх овладел их чувствами. Чудеса были обычным явлением, и самые знакомые явления природы превращались в чудеса.^[105] Ошеломленные их бедствиями, разум был сбит с толку, и они стали предметом самых диких и суеверных фантазий.

Посреди этих ужасных сцен молодой император ацтеков оставался, по общему мнению, спокойным и мужественным. Когда его прекрасная столица лежала в руинах у него на глазах, его знать и верные подданные умирали вокруг него, его территория сдавалась шаг за шагом, пока от нее не осталось почти ничего, на чем он мог бы стоять, он отвергал все предложения капитулировать и демонстрировал тот же неукротимый дух, что и в начале осады. Когда Кортес, в надежде, что крайности осажденных склонят их прислушаться к соглашению, убедил знатного пленника передать Гватемальцу свои предложения на этот счет, свирепый молодой монарх, по

словам генерала, приказал немедленно принести его в жертву.^[106] Мы должны помнить, что эту историю рассказывает испанец.

Кортес, который приостановил военные действия на несколько дней в тщетной надежде, что бедствия мексиканцев заставят их подчиниться, теперь решил довести их до этого общим штурмом. Поскольку они были заперты в узком квартале города, их положение благоприятствовало такой попытке. Он приказал Альварадо держать себя в готовности и приказал Сандовалю, который, помимо дамбы, командовал флотом, расположенным в районе Тлателолкана, поддержать атаку канонадой по домам у воды. Затем он повел свои войска в город, или, скорее, через ужасную пустыню, которая теперь окружала его.

При входе на территорию индейцев его встретили несколько вождей, которые, простирая свои изможденные руки, воскликнули: “Вы - дети Солнца. Но Солнце быстро движется своим курсом. Почему же ты тогда так медлишь? Почему ты так долго медлишь, чтобы положить конец нашим страданиям? Лучше убейте нас сразу, чтобы мы могли отправиться к нашему богу Уицилопочтли, который ждет нас на небесах, чтобы дать нам покой от наших страданий!”^[107]

Кортес был тронут их жалобной просьбой и ответил, что желает не их смерти, а их подчинения. “Почему твой хозяин отказывается вести переговоры со мной, “ сказал он, - когда мне будет достаточно одного часа, чтобы сокрушить его и всех его людей?” Затем он призвал их попросить Куаутемозина посоветоваться с ним, заверив, что он может сделать это в безопасности, поскольку к его персоне не должны приставать.

Дворяне после некоторых уговоров взялись за эту миссию; и молодой монарх принял ее таким образом, который показал — если только приведенный выше анекдот о нем правдив, — что несчастье, наконец, взяло некоторую власть над его надменным духом. Он согласился на интервью, хотя и с тем, чтобы оно состоялось не в этот день, а на следующий, на большой площади Тлателолко. Кортес, вполне удовлетворенный, немедленно покинул город и занял свою позицию на дамбе.

На следующее утро он явился в назначенное место, предварительно разместив там Альварадо с сильным пехотным корпусом для защиты от предательства. Каменная платформа в центре площади была устлана циновками и коврами, и был приготовлен пир, чтобы подкрепить проголодавшегося монарха и его вельмож. Сделав эти приготовления, он стал ждать часа собеседования.

Но Куаутемозин, вместо того чтобы явиться сам, прислал своих вельмож, тех самых, которые доставили ему приглашение генерала и которые теперь извинили отсутствие своего господина под предлогом болезни. Кортес, хотя и был разочарован, оказал посланникам вежливый прием, полагая, что это все еще может позволить установить связь с императором. Он убедил их, без особых уговоров, отведать угощения, разложенного перед ними, что они и сделали с жадностью, говорившей о том, насколько суровым было их воздержание. Затем он отпустил их с достаточным запасом провизии для их хозяина, настаивая на его согласии на беседу, без которой было невозможно урегулировать их разногласия.

Послы индейцев вскоре вернулись, неся с собой в подарок от Куаутемозина, который по-прежнему отказывался встречаться с испанским генералом, небольшие по стоимости тонкие хлопчатобумажные ткани. Кортес, хотя и был глубоко огорчен, не желал отказываться от своей точки зрения. “Он обязательно придет, - сказал он послам, - когда увидит, что я позволяю вам уйти и возвращаетесь целыми и невредимыми, вы, которые были моими постоянными врагами, не меньшими, чем он сам, на протяжении всей войны. Ему нечего меня бояться”.^[108] Он снова расстался с ними, пообещав получить их ответ на следующий день.

На следующее утро вожди ацтеков, войдя в христианские кварталы, объявили Кортесу, что Куаутемозин будет совещаться с ним в полдень на рыночной площади. Генерал был пунктуален в назначенный час, но безуспешно. Ни монарх, ни министры там не появились. Было ясно, что индийский принц не хотел доверять обещаниям своего врага. Возможно, у него мелькнула мысль

о Монтесуме. После трехчасового ожидания терпение генерала лопнуло, и, узнав, что мексиканцы заняты приготовлениями к обороне, он немедленно распределил силы для штурма.^[109]

Союзники остались без стен, потому что он не хотел подводить их к цели раньше, чем будет готов спустить поводок. Теперь он приказал им присоединиться к нему и, поддержанный дивизией Альварадо, сразу же направился в расположение противника. Он обнаружил, что они готовы принять его. Их наиболее боеспособные воины были брошены в фургон, прикрывая своих слабых и покалеченных товарищей. Время от времени видели, как женщины смешивались с рядами, и, наряду с детьми, толпились на *азотеасе*, где с изможденными лицами и хмурыми глазами они смотрели с вызовом и ненавистью на своих захватчиков.

Когда испанцы двинулись вперед, мексиканцы издали свирепый боевой клич и с присущим им пылом выпустили тучи стрел, в то время как женщины и мальчики осыпали их градом дротиков и камней со своего возвышения на террасах. Но ракеты были посланы руками, слишком слабыми, чтобы нанести большой урон; и когда эскадрильи сомкнулись, потеря силы стала еще более ощутимой у ацтеков. Их удары наносились слабо и с сомнительной целью, хотя некоторые, правда, более крепкого телосложения или набираясь сил от отчаяния, до последнего продолжали отчаянную борьбу.

Теперь аркебузиры открыли смертоносный огонь. Бригантины ответили последовательными залпами с противоположной стороны. Осажденные, окруженные, как олени, окруженные охотниками, были повержены со всех сторон. Резня была ужасной. Земля была завалена убитыми, пока обезумевшим бойцам не пришлось перелезть через человеческие груды, чтобы добраться друг до друга. Илистая почва была пропитана кровью, которая стекала, как вода, и окрашивала сами каналы в малиновый цвет.^[110] Кругом царил шум и ужасная неразбериха. Отвратительные вопли варваров, клятвы и проклятия испанцев, крики раненых, вопли женщин и детей, тяжелые удары завоевателей, предсмертная борьба их жертв, быстрое, гулкое эхо ружейной пальбы, шипение бесчисленных снарядов, грохот и треск пылающих зданий, превращающих сотни людей в руины, ослепляющие клубы пыли и сернистого дыма, окутывающие все своим мрачным пологом, - все это представляло собой сцену, ужасающую даже для солдат Кортеса. закаленные многими тяжелыми временами войны и долгим знакомством с кровью и насилием. “Жалобных криков женщин и детей, в частности, - говорит генерал, - было достаточно, чтобы разбить сердце”.^[111] Он повелел, чтобы их пощадили, и чтобы все, кто просил об этом, получили пощаду. Он особенно настаивал на этом среди конфедератов и разместил среди них испанцев, чтобы сдерживать их насилие.^[112] Но он привел в движение двигатель, слишком ужасный, чтобы им можно было управлять. Обуздать ураган в его ярости было так же легко, как обуздать страсти разъяренной орды дикарей. “Никогда я не видел столь безжалостной расы, - восклицает он, - или чего-либо, носящего облик человека, настолько лишенного человечности”.^[113] Они не делали различий по полу или возрасту, и в этот час мести, казалось, воздавали за накопленные за столетие обиды. Наконец, пресытившись резней, испанский командующий дал сигнал к отступлению. Это был полный срок, хотя, согласно его собственному заявлению, — мы можем надеяться, что это преувеличение, — погибло сорок тысяч душ.^[114] И все же их судьбе можно было позавидовать по сравнению с судьбой тех, кто выжил.

В течение последовавшей долгой ночи в квартале ацтеков не было заметно никакого движения. Там не было видно ни огонька, не доносилось ни звука, кроме тихих стонов какого-нибудь раненого или умирающего несчастного, корчившегося в агонии. Все было темно и безмолвно — могильный мрак. Последний удар, казалось, совершенно ошеломил их. Они расстались с надеждой и сидели в угрюмом отчаянии, как люди, молча ожидающие удара палача. И все же, несмотря на все это, они не проявляли склонности подчиняться. Каждая новая обида все глубже западала в их души и наполняла их еще большей ненавистью к своему врагу. Состояние, друзья, родня, дом — все ушло. Они были довольны тем, что отказались от самой жизни, теперь, когда им больше не для чего было жить.

Совсем иной была картина в лагере христиан, где, воодушевленные их недавними успехами, все были полны суеты и приготовлений к завтрашнему дню. Вдоль дамб пылали костры, в палатках и казармах горел свет, а звуки музыки и веселья, разносившиеся над водами, возвещали радость солдат при мысли о столь скором завершении их изнурительной кампании.

На следующее утро испанский командующий снова собрал свои силы, решив продолжить удар предыдущего дня, прежде чем противник успеет опомниться, и сразу же положить конец войне. Накануне вечером он договорился с Альварадо занять рыночную площадь Тлателолко, и выстрел из аркебузы должен был послужить сигналом к одновременному нападению. Сандоваль должен был удерживать северную дамбу и вместе с флотом следить за передвижениями индийского императора и перехватить рейс на большую землю, который, как знал Кортес, он планировал совершить. Позволить ему осуществить это значило бы оставить по соседству с ним грозного врага, который в любой момент может разжечь пламя восстания по всей стране. Однако он приказал Сандовалю не причинять вреда королевской особе и вообще не стрелять по врагу, за исключением случаев самообороны.^[115]

Это было памятное тринадцатое августа 1521 года, в день святого Ипполита, — из—за этого обстоятельства выбранного в качестве покровителя современной Мексики, - когда Кортес в последний раз повел свой воинственный отряд по черным и выжженным окрестностям, которые лежали вокруг индийской столицы. Войдя на территорию ацтеков, он остановился, желая дать их несчастным обитателям еще один шанс на спасение, прежде чем нанести смертельный удар. Он добился встречи с некоторыми из главных вождей и упрекнул их в поведении их принца. “Он, конечно, не увидит, - сказал генерал, - как вы все погибнете, когда он может так легко спасти вас”. Затем он призвал их убедить Гватемалозина провести с ним конференцию, повторив заверения в его личной безопасности.

Гонцы отправились выполнять свою миссию и вскоре вернулись с *чихуакоатлем* во главе, судьей, пользующимся большим авторитетом среди мексиканцев. Он сказал с меланхоличным видом, в котором было заметно его собственное разочарование, что “Куаутемозин был готов умереть на месте, но не захотел встречаться с испанским командующим”, добавив тоном смирения: “Это ваше дело - работать в свое удовольствие”. “Тогда иди, - ответил суровый Победитель, “ и приготовь своих соотечественников к смерти. Их час пробил”.^[116]

Он все же отложил штурм на несколько часов. Но нетерпение его войск из-за этой задержки усилилось из-за слухов о том, что Куаутемозин и его вельможи готовились бежать со своими пожитками на *тирагах* и каноэ, которые были пришвартованы на берегу озера. Убедившись в бесплодности и неблагоприятности дальнейшего промедления, Кортес окончательно распределил силы для атаки и занял свою собственную позицию на *азотее* которая господствовала над театром военных действий.

Когда нападавшие оказались в присутствии врага, они обнаружили, что те сбились в кучу в крайнем замешательстве, всех возрастов и полов, сбившись в такую плотную массу, что они почти силой столкнули друг друга с края дамб в воду вниз. Некоторые забрались на террасы, другие с трудом держались за стены зданий. Их убогая и изодранная одежда придавала дикость их внешнему виду, что еще больше усиливало свирепость их выражений, когда они смотрели на своего врага глазами, в которых ненависть смешивалась с отчаянием. Когда испанцы приблизились на расстояние выстрела из лука, ацтеки выпустили серию бессильных снарядов, до последнего демонстрируя решительный дух, хотя и утративший силу, своих лучших дней. Затем роковой сигнал был подан выстрелом из аркебузы, за которым быстро последовали раскаты тяжелых снарядов, грохот огнестрельного оружия и адские крики конфедератов, набрасывавшихся на свои жертвы. Нет необходимости пятнать страницу повторением ужасов предыдущего дня. Некоторые из несчастных ацтеков бросились в воду, и их подобрал каноэ. Другие утонули и задохнулись в каналах. Их стало так много, что из их мертвых тел был сооружен мост, по которому нападавшие могли перебраться на противоположный берег. Другие снова, особенно

женщины, просили о пощаде, которая, как уверяют нас хронисты, повсеместно предоставлялась испанцами и, вопреки инструкциям и мольбам Кортеса, повсеместно отвергалась конфедератами.^[117]

Пока продолжалась эта бойня, было замечено, как множество людей отталкивалось на барках, выстроившихся вдоль берега, и изо всех сил старалось пересечь озеро. Их постоянно перехватывали бригаантины, которые прорывались сквозь непрочный строй лодок, посылая свои залпы направо и налево, в то время как экипажи последних яростно атаковали их. Битва на озере бушевала так же яростно, как и на суше. Многие индийские суда были разбиты и перевернуты. Нескольким, однако, под прикрытием дыма, который темными клубами стелился над водой, удалось освободиться от суматохи, и они быстро приближались к противоположному берегу.

Сандовал особо поручил своим капитанам следить за передвижениями любого судна, на котором с какой-либо вероятностью мог быть спрятан Куатемозин. В этот критический момент были замечены три или четыре самых крупных *тирагуа*, которые скользили над водой и быстро пересекали озеро. Капитан по имени Гарси Ольгин, командовавший одним из лучших парусников флота, немедленно бросился за ними в погоню. Ветер был попутный, и с каждым мгновением он выигрывал у беглецов, которые налегали на весла с энергией, которую могло дать только отчаяние. Но все было напрасно; и после короткой гонки Ольгин, поравнявшись с одним из *тирагуа*, который, как он предположил, то ли по внешнему виду, то ли по полученной им информации, мог нести на себе индийского императора, приказал своим людям наставить арбалеты на лодку. Но прежде чем они успели разрядить их, те, кто находился в нем, услышали крик, что их господин на борту. В тот же миг молодой воин, вооруженный щитом и *макауитлем*, поднялся, словно для того, чтобы отбиться от нападавших. Но когда испанский капитан приказал своим людям не стрелять, он бросил оружие и воскликнул: “Я Гватемалозин. Отведи меня к Малинче; я его пленник; но не позволяй причинить вред моей жене и моим последователям”.^[118]

Ольгин заверил его, что его пожелания будут уважены, и помог ему подняться на борт бригаантины в сопровождении его жены и слуг. Их было двадцать человек, и в их число входили Коанако, свергнутый лорд Тецкоко, лорд Тлакопан и несколько других касиков и сановников, чье положение, вероятно, обеспечивало им некоторое освобождение от общих бедствий осады. Когда пленников усадили на палубу его судна, Ольгин попросил принца ацтеков положить конец сражению, приказав своим людям в других каноэ сдаться. Но с удрученным видом он ответил: “В этом нет необходимости. Они больше не будут сражаться, когда увидят, что их принц схвачен”. Он говорил правду. Весть о пленении Гватемалосина быстро распространилась по флоту и на берегу, где мексиканцы все еще были вовлечены в конфликт со своими врагами. Однако он сразу же прекратился. Они больше не оказывали сопротивления, и те, кто был на воде, быстро последовали за бригаантинами, которые доставили их плененного монарха на сушу. Казалось, что бой продолжался так долго для того, чтобы лучше отвлечь внимание врага и прикрыть отступление их хозяина.^[119]

Тем временем Сандовал, получив известие о захвате, подвел свою собственную бригаантину к Ольгиной и потребовал, чтобы королевский пленник был выдан ему. Но капитан потребовал его в качестве приза. Между сторонами возник спор, каждая из которых стремилась прославить подвиг и, возможно, удостоиться чести увековечить его на своем гербе. Спор продолжался так долго, что достиг ушей Кортеса, который, находясь на *азотее*, с немалым удовлетворением узнал о пленении своего врага. Он немедленно отдал приказ своим спорящим офицерам привести к нему Куатемозина, чтобы он мог уладить разногласия между ними.^[120] В то же время он потребовал от них относиться к заключенному с уважением. Затем он занялся приготовлениями к беседе, велел застелить террасу малиновой тканью и циновками, а стол накрыть провизией, в которой так нуждались несчастные ацтеки.^[121] Его прекрасная любовница-индианка, Донья Марина, присутствовала в качестве переводчика. Она была рядом с ним во всех тревожных сценах Завоевания, и теперь она была там, чтобы стать свидетельницей его триумфального завершения.

Куатемозин, высадившись на берег, был препровожден ротой пехоты в присутствие испанского командующего. Он взшел на *азотею* спокойным и уверенным шагом, и его было легко отличить от сопровождавших его вельмож, хотя в его больших темных глазах больше не горел привычный огонь, а на чертах лица застыло выражение пассивной покорности, которое мало что говорило о свирепом и пламенном духе, горевшем внутри. У него была большая голова, хорошо сложенные конечности, цвет лица более светлый, чем у представителей его бронзового народа, и все его поведение было необычайно мягким и обаятельным.^[122]

Кортес вышел вперед с достоинством и нарочитой вежливостью, чтобы поприветствовать его. Монарх ацтеков, вероятно, знал личность своего завоевателя, поскольку он первым нарушил молчание, сказав: “Я сделал все, что мог, чтобы защитить себя и свой народ. Сейчас я доведен до такого состояния. Ты поступишь со мной, Малинче, как сочтешь нужным. Затем, положив руку на рукоять кинжала, заткнутого за пояс генерала, он с жаром добавил: “Лучше убейте меня с этим и немедленно лишите жизни”.^[123] Кортес был преисполнен восхищения гордой осанкой молодого варвара, демонстрировавшего в своих неудачах дух, достойный древнего римлянина. “Не бойся, ” ответил он. “ С тобой будут обращаться со всеми почестями. Ты защищал свою столицу как храбрый воин. Испанец знает, как уважать доблесть даже во враге”.^[124] Затем он осведомился у него, где он оставил принцессу, свою жену; и, получив сообщение, что она все еще остается под охраной испанской гвардии на борту бригантины, генерал послал за тем, чтобы ее сопроводили к нему.

{*} [Уточнять это заявление не было необходимости, поскольку они часто видели друг друга при дворе Монтесумы. Alaman, Conquista de Méjico (trad. де Вега), том. ii. стр. 211, примеч.—К.]

Она была младшей дочерью Монтесумы и едва достигла зрелости. После восшествия на престол ее двоюродного брата Куатемозина она была выдана за него замуж как его законная жена.^[125] Современники прославляют ее за личное обаяние; а прекрасную принцессу Текуичпо испанцы до сих пор чтят в память, поскольку от нее в результате последующего брака произошли некоторые из прославленных семей их собственной нации.^[126] Она была любезно принята Кортесом, который оказал ей почтительное внимание, соответствующее ее рангу. Ее рождение, без сомнения, придало ей дополнительный интерес в его глазах, и он, возможно, почувствовал некоторое раскаяние, глядя на дочь несчастного Монтесумы. Он пригласил своих царственных пленников отведать прохладительных напитков, которые были так необходимы в их измученном состоянии. Тем временем испанский командующий произвел свои распоряжения на ночь, приказав Сандовалю сопроводить пленников в Кохохуакан, куда он намеревался немедленно последовать сам. Другие капитаны, Олид и Альварадо, должны были отвести свои войска по своим квартирам. Для них было невозможно продолжать жить в столице, где ядовитые испарения от непогребенных трупов наполняли воздух инфекцией. Для поддержания порядка в заброшенных пригородах была выставлена лишь небольшая охрана. Был час вечерни, когда Гватемалозин сдался,^[127] и на этом осада могла считаться завершенной. Вечер погрузился в темноту, и дождь начался еще до того, как несколько групп успели эвакуироваться из города.^[128]

Ночью над Мексиканской долиной разразилась страшная буря, свидетелями которой испанцы были редко и которая известна только в тропиках. Гром, отразившийся от скалистого амфитеатра холмов, прогремел над водной пустошью и потряс до основания *теокаллис* и сумасшедшие многоквартирные дома Теночтитлана — те немногие, что еще уцелели. Молния, казалось, расколола на части небесный свод, когда ее яркие вспышки на мгновение окутали всю сцену жутким сиянием, чтобы снова погрузиться во тьму. Война стихий шла в унисон с судьбой разрушенного города. Казалось, что божества Анауака, выпрыгнувшие из своих древних обителей, были унесены с визгом и воем взрывной волной, когда они бросили павшую столицу на произвол судьбы!^[129]

На следующий день после капитуляции Куатемозин обратился к испанскому командующему с просьбой разрешить мексиканцам покинуть город и беспрепятственно выйти на открытую

местность. Кортес с готовностью согласился с этим, поскольку, действительно, без этого он не мог предпринять никаких шагов по очищению столицы. Соответственно, он отдал приказ об эвакуации этого места, приказав, чтобы никто, ни испанец, ни конфедерат, не применял насилия к ацтекам и никоим образом не препятствовал их отъезду. Общее число их по разным оценкам составляет от тридцати до семидесяти тысяч, не считая женщин и детей, которые пережили меч, мор и голод.^[130] Несомненно, они три дня дефилировали по нескольким дамбам — скорбный поезд,^[131] мужья и жены, родители и дети, больные и раненые, опирающиеся друг на друга в поисках поддержки, когда они слабо ковыляли вперед, убогие и лишь наполовину прикрытые лохмотьями, которые на каждом шагу обнажали отвратительные раны, некоторые недавно полученные, другие гноились от долгого пренебрежения, и несли с собой атмосферу заражения. Их изможденные формы и измученные голодом лица рассказывали всю историю осады; и, когда разрозненные ряды достигли противоположного берега, было замечено, что они время от времени останавливались, словно для того, чтобы еще раз взглянуть на место, совсем недавно увенчанное имперским городом, некогда их приятным домом, с которым у них связано много славных воспоминаний.

После отъезда жителей были немедленно приняты меры по очистке этого места с помощью многочисленных костров, которые горели днем и ночью, особенно в зараженном квартале Тлателолко, и путем сбора груды трупов, которые разлагались на улицах, и предания их земле. Из всего числа погибших в ходе осады невозможно составить какое-либо вероятное представление. Счета варьируются в широких пределах - от ста двадцати тысяч, по самым низким оценкам, до двухсот сорока тысяч.^[132] Число павших испанцев было сравнительно небольшим, но число союзников должно было быть большим, если историк Тецкоко прав, утверждая, что только из его соотечественников погибло тридцать тысяч.^[133] В том, что число уничтоженных в городе было огромным, сомневаться не приходится, если учесть, что помимо его собственного избыточного населения, он был переполнен жителями соседних городов, которые, не веря в свою силу противостоять врагу, искали защиты в его стенах.

Найденная там добыча, то есть сокровища из золота и драгоценных камней, единственная добыча, имевшая большую ценность в глазах испанцев, оказалась намного ниже их ожиданий. Согласно заявлению генерала, сумма не превышала ста тридцати тысяч *кастелланосов* золотом, включая долю государя, которая, действительно, принимая во внимание множество предметов необычной и дорогостоящей работы, добровольно оставленных армией, значительно превышала его законную пятую часть.^[134] Однако ацтеки, должно быть, владели гораздо большим сокровищем, если это были всего лишь обломки того, что было изъято у испанцев в ночь памятного бегства из Мексики. Часть добычи, возможно, была вывезена из столицы, часть потрачена на приготовления к обороне, а большая ее часть зарыта в землю или утоплена в воде озера. Их угрозы были не лишены смысла. Они, по крайней мере, получали удовлетворение от того, что разочаровывали алчность своих врагов.

У Кортеса больше не было повода для присутствия своих индейских союзников. Он собрал начальников различных эскадронов, поблагодарил их за службу, отметил их доблесть в лестных выражениях и, раздав им подарки, заверив, что его повелитель император вознаградит их за верность еще более щедро, отпустил их по домам. Они унесли щедрую долю добычи, из которой разграбили жилища, — не такого рода, чтобы возбудить алчность испанцев, — и вернулись с триумфом, близоруким триумфом! за успех их экспедиции и падение династии ацтеков.

Велико также было удовлетворение испанцев таким блестящим завершением их долгой и кропотливой кампании. Они действительно были разочарованы небольшим количеством сокровищ, найденных в завоеванном городе. Но солдаты обычно слишком поглощены настоящим, чтобы обращать внимание на будущее; и, хотя впоследствии их недовольство проявилось в более громкой форме, сейчас они думали только о своем триумфе и предавались празднованию. Кортес

отпраздновал это событие банкетом, настолько роскошным, насколько позволяли обстоятельства, на который были приглашены все кавалеры и офицеры. Шумным и долгим было их веселье, доведенное до такого предела, что вызвало неодобрение отца Ольмедо, который намекнул, что это неподходящий способ засвидетельствовать их понимание милостей, оказанных им Всевышним. Кортес признал справедливость упрека, но пожелал получить некоторую поблажку в виде солдатской лицензии в час победы. Следующий день был назначен для празднования их успехов более подходящим образом.

Затем была сформирована процессия из всей армии во главе с отцом Ольмедо. Грязные и изодранные знамена Кастилии, которые развевались над многими полями сражений, теперь отбрасывали свои тени на мирный строй солдат, когда они медленно двигались вперед, повторяя литанию, и демонстрируя изображение Пресвятой Девы и благословенный символ искупления человека. Преподобный отец произнес речь, в которой кратко напомнил войскам об их великой причине благодарности Провидению за то, что оно провело их в целостности и сохранности во время долгого и опасного паломничества; и, остановившись на ответственности, которую несет их нынешнее положение, он умолял их не злоупотреблять правами завоевателя, но гуманно отнестись к несчастным индейцам. Затем причастие было совершено перед главнокомандующим и главными кавалерами, и богослужение завершилось торжественным вознесением благодарения Богу сражений, который позволил им торжественно пронести знамя Креста над этой варварской империей. [\[135\]](#)

Таким образом, после почти трехмесячной осады, не имеющей себе равных в истории по стойкости и мужеству осажденных, редко превзойденной по тяжести перенесенных страданий, пала знаменитая столица ацтеков. Непревзойденные, можно сказать, по стойкости и мужеству, когда мы вспоминаем, что дверь капитуляции на самых почетных условиях оставалась открытой для них на протяжении всей блокады, и что, решительно отвергая каждое предложение своего врага, они, все до единого, предпочли умереть, чем сдаться. Прошло более трех столетий с тех пор, как ацтеки, бедное и кочующее племя с далекого Северо-Запада, пришли на плато. Там они построили свою жалкую группухижин на месте, как гласит предание, предписанном оракулом. Их завоевания, поначалу ограниченные их ближайшими окрестностями, постепенно охватили Долину, затем, перевалив через горы, охватили обширное плоскогорье, спустились по его крутым склонам и докатились до Мексиканского залива и отдаленных границ Центральной Америки. Их жалкая столица, тем временем, не отставая от расширения территории, превратилась в цветущий город, наполненный зданиями, памятниками искусства и многочисленным населением, что вывело ее на первое место среди столиц Западного мира. В этот кризис пришла другая раса с далекого Востока, такие же чужаки, как и они сами, чей приход также был предсказан оракулом, и, появившись на плато, напала на них в самый зенит их процветания и навсегда стерла их с карты наций! Вся эта история больше похожа на басню, чем на историю! романтическая легенда, повесть о гениях!

И все же мы не можем сожалеть о падении империи, которая так мало сделала для обеспечения счастья своих подданных или реальных интересов человечества. Несмотря на блеск, который придавала своим последним дням славная защита столицы, мягкая щедрость Монтесумы, бесстрашный героизм Гватемосина, ацтеки были подчеркнута свирепой расой, не рассчитанной в своих лучших проявлениях на то, чтобы вызвать нашу симпатию и уважение. Их цивилизация, какой бы она ни была, не была их собственной, а отражала, возможно, несовершенно, расу, которой они наследовали на этой земле. В отношении ацтеков это была щедрая прививка от порочного стебля, и она не могла бы принести совершенства. Они правили своими обширными владениями с помощью меча, а не скипетра. Они не сделали ничего, чтобы улучшить положение или каким-либо образом способствовать прогрессу своих вассалов. Их вассалы были крепостными, которых использовали только для того, чтобы служить им в свое удовольствие, которых благоговели перед вооруженными гарнизонами, которые были стерты в порошок поборами в мирное время и воинскими повинностями на войне. Они не распространяли, подобно

римлянам, на которых были похожи по характеру своих завоеваний, права гражданства на побежденных. Они не объединили их в одну великую нацию с общими правами и интересами. Они относились к ним как к чужакам, даже к тем, кто в Долине собрался у самых стен столицы. Метрополия ацтеков, сердце монархии, не испытывала ни симпатии, ни пульсации, общих с остальной частью политической системы. Он был чужаком на своей собственной земле.

Ацтеки не только не улучшали положение своих вассалов, но, с моральной точки зрения, они многое сделали для его ухудшения. Как может нация, где преобладают человеческие жертвоприношения, особенно в сочетании с каннибализмом, продвигать развитие цивилизации? Как можно считаться с интересами человечества, когда человек приравнивается к животным, которые погибают? Влияние ацтеков принесло их мрачное суеверие в земли, ранее с ним незнакомые, или, по крайней мере, там, где оно не было установлено в какой-либо большой силе. Пример столицы оказался заразительным. По мере того как последние росли в роскоши, религиозные празднества проводились с еще более устрашающим великолепием; подобно тому, как пышность гладиаторских боев римлян возрастала по мере увеличения великолепия столицы. Мужчины познакомились со сценами ужаса и самых отвратительных мерзостей. Женщины и дети — вся нация — познакомились с ними и помогали им. Сердце ожесточилось, нравы стали свирепыми, слабый свет цивилизации, переданный от более мягкой расы, становился все слабее и слабее, по мере того как тысячи и тысячи несчастных жертв по всей империи ежегодно откармливались в ее клетках, приносились в жертву на ее алтарях, одевались и прислуживали на ее банкетах! Вся земля была превращена в огромные человеческие руины! Империя ацтеков не пала раньше времени.

Являются ли эти беспрецедентные бесчинства достаточным основанием для испанцев в пользу их вторжения, согласны ли мы с протестантами найти оправдание этому в естественных правах и требованиях цивилизации или, с римскими католиками, в благоволении папы римского, — на том или ином из этих оснований были оправданы завоевания большинства христианских народов Востока и Запада, — нет необходимости обсуждать, поскольку это уже рассматривалось в предыдущей главе. Более существенно выяснить, было ли, исходя из этого права, завоевание Мексики проведено с должным учетом требований человечества. И здесь мы должны признать, что, принимая во внимание жестокость эпохи и распушенность ее принципов, есть отрывки, которые каждый испанец, дорожающий славой своих соотечественников, был бы рад вычеркнуть из своей истории; отрывки, которые не должны быть подтверждены в целях самообороны или по какой-либо необходимости и которые навсегда оставят темное пятно в анналах Завоевания. И все же, взятое в целом, вторжение, вплоть до захвата столицы, проводилось на принципах, менее отвратительных для человечества, чем большинство, возможно, даже любое другое завоевание кастильской короны в Новом Свете.

Может показаться слабой похвалой сказать, что последователи Кортеса не использовали ищеек для выслеживания своих несчастных жертв, как в некоторых других частях Континента, и не истребляли мирное и покорное население просто из беспричинной жестокости, как на Островах. И все же важно то, что они не были до такой степени заражены духом эпохи и что их мечи редко обгащались кровью, если только это не было необходимо для успеха их предприятия. Даже во время последней осады столицы страдания ацтеков, какими бы ужасными они ни были, не предполагают какой-либо необычной жестокости со стороны победителей; они были не больше тех, которые причинялись их собственным соотечественникам у себя дома, во многих памятных случаях, самыми утонченными нациями не только древних времен, но и наших. Это были неизбежные последствия войны, когда вместо того, чтобы ограничиваться ее законным полем, она возвращается домой, к домашнему очагу, к мирному сообществу города — его бюргерам, не обученным обращению с оружием, его женщинам и детям, еще более беззащитным. В данном случае, действительно, страдания осажденных в значительной степени были возложены на них самих — на их патристическую, но отчаянную самоотдачу. Это не было желанием, как, конечно, и не было интересом испанцев уничтожить столицу или ее жителей. Когда кто-либо из них попадал

к ним в руки, их любезно угощали, удовлетворяли их нужды и предпринимали все средства, чтобы вселить в них дух примирения; и это тоже следует помнить, несмотря на ужасную участь, которой они обрекли своих христианских пленников. Ворота справедливой капитуляции оставались открытыми, хотя и безуспешно, до последнего часа.

Право завоевания обязательно подразумевает использование любой силы, которая может оказаться необходимой для преодоления сопротивления утверждению этого права. Для испанцев поступить иначе означало бы отказаться от осады, а вместе с ней и от завоевания страны. Позволить жителям бежать вместе с их пылким монархом означало бы лишь продлить страдания войны, перенеся ее в другое, более недоступное место. У них буквально, в том, что касалось успеха экспедиции, не было выбора. Если наше воображение поражено количеством страданий в этой и подобных сценах Завоевания, следует иметь в виду, что это было естественным результатом участия огромных масс людей в конфликте. Количество страданий само по себе не показывает количество жестокости, которая их причинила; и будет лишь справедливо по отношению к завоевателям Мексики сказать, что сам блеск и важность их подвигов придали печальную известность их злодеяниям и заставили их проявлять несколько большую смелость, чем это строго им свойственно. Уместно, что так много говорится не для того, чтобы оправдать их эксцессы, но чтобы мы могли дать более беспристрастную оценку их поведению по сравнению с поведением других наций в аналогичных обстоятельствах, и чтобы мы не могли обвинять их в особом порицании зла, которое неизбежно проистекает из условий войны.^[136] Я не набрасываю завесу на это зло, ибо историк не должен уклоняться от изображения в их истинных красках жестокостей состояния, на которое успех способен набросить ложный ореол славы, но которое, разрывая прочные узы человеческого товарищества, покупает свои триумфы, поднимая руку человека против его брата, превращая цивилизованного в дикаря и разжигая адское пламя в груди дикаря.

Что бы ни думали об этом Завоевании с моральной точки зрения, рассматриваемое как военное достижение, оно должно вызывать у нас изумление. Что кучка авантюристов, равнодушно вооружены и оснащены, они должны были приземлиться на берегу могущественной империи населенный жестокая и воинственная раса, и, в пик подтвердил запрет на его sovereign, уже прорвавшихся вглубь;—что они должны были сделать это без знаний языка или земельного участка, без карты или компаса, чтобы направить их, без каких-либо представление о трудностях, с которыми они сталкиваются, совершенно неизвестно, будет ли следующий шаг может принести их на враждебной нации или в пустыне, нащупывая дорогу в темноте, как это было раньше;—что, хотя почти перегружены в их первая встреча с жителями, они по-прежнему продвигались на столицу империи, и, дойдя до нее, без колебаний бросаются в самую гущу своих врагов;—что, так далеко не обескуражило необычайное зрелище там выставлены силы и цивилизации, они должны были быть, но больше в их оригинальный дизайн;—что они должны были охватила монарха, его министров казнили на глазах у его подданных, и, когда гонимы разорение от ворот, собрали свои разбросанные обломки вместе, и, после того, как система операций, проводимой с непревзойденным политики и смелый, преуспели в свержении капитала и установление их влияния в стране;—что все это должно было быть так осуществляется лишь горстка нищих авантюристов, это то, чуть ли не чудесное,—то необычное для вероятностей того требовала художественная литература, и без параллельного на страницах истории.

Однако это не следует понимать слишком буквально, поскольку было бы несправедливо по отношению к самим ацтекам, по крайней мере, к их военной доблести, считать Завоевание непосредственно достигнутым одними испанцами. Это действительно означало бы вооружить последнего зачарованным щитом Руджеро и волшебным копьем Астольфо, одним касанием опрокидывающим сотни врагов. Индийская империя была в некотором смысле завоевана индейцами. Первое ужасное столкновение испанцев с тлашкальцами, которое едва не привело к их гибели, фактически обеспечило им успех. Это обеспечило им сильную туземную поддержку, на которую они могли опереться в трудный час и вокруг которой они могли сплотить родственные

расы страны для одного великого и ошеломляющего нападения. Монархия ацтеков пала от рук своих собственных подданных под руководством европейской мудрости и науки. Будь она единой, она могла бы бросить вызов захватчикам. Как бы то ни было, столица была отделена от остальной страны, и удар, который мог бы сойти за сравнительно безвредный, если бы империя была скреплена общими принципами лояльности и патриотизма, теперь проник в каждую трещину плохо уплотненной ткани и похоронил ее в собственных руинах. Его судьба может служить поразительным доказательством того, что правительство, которое не опирается на симпатии своих подданных, не может долго существовать; что человеческие институты, когда они не связаны с человеческим процветанием и прогрессом, должны пасть — если не перед растущим светом цивилизации, то от руки насилия; от насилия изнутри, если не извне. И кто будет оплакивать их падение?

Событиями этой книги заканчивается написанная Солисом история *Конкисты Мехико*; история, со многих точек зрения, самая замечательная на кастильском языке. Дон Антонио де Солис родился в уважаемой семье в октябре 1610 года в Алькала-де-Энарес, рассаднике науки, имя которого ассоциируется в Испании с самыми яркими украшениями как церкви, так и государства. Солис, будучи очень молодым, проявил искры будущего гения, особенно в живости своего воображения и чувствительности к прекрасному. Он проявил решительный талант к драматургии и в возрасте семнадцати лет поставил комедию, которая стала бы достоянием более зрелого возраста. Впоследствии он с усердием посвятил себя изучению этики, плоды которого видны в моральных размышлениях, придавших дидактический характер самому легкому из его сочинений.

В обычном возрасте он поступил в университет Саламанки и прослушал обычный курс канонического и гражданского права. Но творческий дух Солиса получал гораздо больше удовольствия от мягких пирушек Муз, чем от суровой школьной дисциплины; и он создал ряд пьес для театра, высоко ценимых за богатство дикции и остроумную и тонкую структуру интриги. Его вкус к драматургии, без сомнения, был подпитан близостью с великим Кальдероном, для драм которого он подготовил несколько *лоа*, или прологов. Приятные манеры и блестящие приобретения Солиса снискали расположение конде де Оропеса, вице-короля Наварры, который сделал его своим секретарем. Письма, написанные им во время службы у этого дворянина и впоследствии, некоторые из них были представлены публике, и их высоко оценивают за учтивость и элегантность выражений, характерных для всех произведений их автора.

Растущая репутация Солиса привлекла внимание двора, и в 1661 году он был назначен секретарем вдовствующей королевы — должность, от которой он отказался при Филиппе Четвертом, — и ему также предпочли еще более важный пост историографа Индии, назначение, которое стимулировало его стремление к смелой карьере, отличной от всего, что он до сих пор пытался сделать. Через пять лет после этого события, в возрасте пятидесяти шести лет, он совершил важнейшее изменение в своем образе жизни, приняв религиозную профессию, и в 1666 году был принят в сан священника. С этого времени он прекратил свои обращения к Музе комиксов и, если верить его биографам, даже отказался из соображений совести участвовать в сочинении религиозных драм, получивших название *autos sacramentales*, хотя теперь, после смерти поэта Кальдерона, поле для этого было открыто. Но такую нежность совести, кажется, трудно примирить с публикацией его различных комедий, которая состоялась в 1681 году. Однако несомненно, что он ревностно посвятил себя своей новой профессии и историческим исследованиям, в которые его вовлекла должность летописца. В конце концов плоды этих исследований были представлены миру в его книге *"Конкиста де Мехико"*, которая появилась в Мадриде в 1684 году. Говорят, он намеревался продолжить эту работу до времен после Завоевания. Но, если это так, то, к сожалению, ему помешала его смерть, которая произошла примерно через два года после публикации его истории, 13 апреля 1686 года. Он умер в возрасте семидесяти шести лет, высоко ценимый за свои добродетели и восхищаемый своим гением, но в той бедности, которой слишком часто вознаграждаются гений и добродетель.

Разные стихотворения Солиса были собраны и опубликованы через несколько лет после его смерти в одном томе кварто, который с тех пор переиздавался. Но его великое произведение, то, на чем навсегда зиждется его слава, — это его *"Конкиста мехико"*. Несмотря на то, что в области истории работало так много выдающихся испанских ученых, для Солиса все еще была открыта новая карьера. Его предшественники, при всех их достоинствах, демонстрировали странное невежество в принципах искусства. Они рассматривали историческую литературу не как произведение искусства, а как науку. Они подошли к нему только с этой стороны и таким образом оторвали его от законной связи с *художественной литературой*. Они думали только о полезном и ничего о прекрасном; они посвятили себя делу обучения, а не доставлению удовольствия; они были литераторами, старательно собирающими знания, а не праздными людьми, которые обращаются к книгам как к утешению или развлечению. Такие писатели никогда не попадают в руки многих, даже образованных людей. Они обречены на уединение ученика, мучительно стремящегося к истине и мало заботящегося о грубом покрове, под которым она может быть завернута. Некоторые из наиболее выдающихся национальных историографов, как, например, Эррера и Зурита, два величайших имени Кастилии и Арагона, подпадают под это порицание. Они проявляют остроту, силу аргументации, рассудительную критику, поразительное терпение и прилежание в накоплении деталей для своих разнообразных и объемистых сборников; но во всех изысканиях композиции — в элегантности стиля, искусном расположении рассказа и подборе эпизодов — им прискорбно недостает. При всех их высоких достоинствах, рассматриваемых с интеллектуальной точки зрения, они настолько ущербны в плане искусства, что не могут ни пользоваться популярностью, ни почитаться как великие классики нации.

Солис увидел, что это поле не было присвоено его предшественниками, и у него был адрес, чтобы воспользоваться им. Вместо того чтобы распространяться на обширные темы, где он должен был бы тратить свои усилия на холодные и бесплодные обобщения, он сосредоточил свое внимание на одной великой теме, которая благодаря своему живописному сопровождению, романтическим эпизодам истории, авантюрному характеру действующих лиц и их подвигам вызывала у многих гордое и

патриотическое чувство в груди испанца, — словом, которая благодаря яркому контрасту, который она создавала европейской цивилизации с варварским великолепием индейской династии, замечательно подходила для воспламеняющего воображения поэта. Соответственно, око Солиса рассматривало его именно в его поэтическом аспекте. Он распределил весь предмет с замечательным мастерством, сохранив второстепенные части, перенеся наиболее важные на высокий рельеф и тщательно проработав его пропорции, придав всему восхитительную симметрию. Вместо того чтобы сбивать с толку внимание множеством объектов, он представил ему одну великую и преобладающую идею, которая пролила свет, если можно так выразиться, на все его творчество. Вместо многочисленных эпизодов, ведущих, подобно множеству слепых галерей, в никуда, он повел ученика по большой дороге, ведущей прямо к цели. С каждым шагом, который мы делаем в повествовании, мы чувствуем, что продвигаемся вперед. История никогда не останавливается. Поддерживается та восхитительная *связь* частей, благодаря которой одна часть связана с другой, и каждое предшествующее событие подготавливает путь для того, что должно последовать. Даже те случайные перерывы, главный камень преткновения историка, которых невозможно избежать из-за важного влияния событий, вызвавших их появление, на историю, делаются с таким вниманием, что, если интерес к ним приостановлен, он никогда не прекращается. Такие места для привалов, действительно, устроены так, чтобы обеспечить читателю приятный отдых после волнующих сцен, в которые он долгое время был вовлечен; подобно тому как путешественник, измученный тяготами своего путешествия, находит подкрепление в местах, которые по своему характеру мало что могут порекомендовать.

Проведенная таким образом работа представляет интерес грандиозного зрелища, некоей хорошо организованной драмы, в которой сцена следует за сценой, акт за актом, каждый из которых разворачивается и подготавливает сознание к тому, что должно последовать, пока все не завершится грандиозной и решающей *развязкой*. Этой *развязкой*, падением Мексики, Солис завершил свою историю, предпочитая оставить полное впечатление в сознании читателя, а не ослаблять его, продлевая повествование до смерти Завоевателя. При этом он, безусловно, учитывал эффект.

Солис проявил ту же тщательность в отношении стиля, что и при оформлении своего рассказа. Он выполнен с высочайшим искусством и демонстрирует ту разнообразную красоту и блеск, которые напоминают нам о тех тонко окрашенных породах дерева, которые под высокой полировкой демонстрируют все богатые оттенки, скрывающиеся под поверхностью. Тем не менее, этот стиль не пользуется благосклонностью зарубежных критиков, которые склонны осуждать его как громоздкий, искусственный и многословный. Но пусть иностранный критик остерегается вмешиваться в стиль, в ту неосозаемую сущность, которая окружает мысль, как атмосфера, придавая ей жизнь и особый оттенок цвета, отличающийся у разных народов, подобно атмосферам, которые окутывают разные планеты нашей системы, и которые требуют понимания, чтобы мы могли интерпретировать характер объектов, видимых через их посредство. Никто, кроме местного жителя, не может с уверенностью сказать о стиле, на который влияет так много случайных и местных ассоциаций, определяющих его уместность и элегантность. По мнению выдающихся испанских критиков, стиль Solís претендует на такие достоинства, как проницательность, обилие и классическая элегантность. Даже иностранец не останется равнодушным к его способности передавать глазу живую картину. Слова — это краски писателя, и Солис использует их с мастерством непревзойденного художника; то изображая мрачную суматоху битвы, то освежая разум сценами тихого великолепия или мягкой роскоши и покоя.

Солис формировал себя в некоторой степени по историческим образцам античности. Он вкладывал в уста своих персонажей заранее подготовленные речи, речи собственного сочинения. Эта практика может претендовать на высокий авторитет как среди современников, так и среди древних, особенно среди великих итальянских историков. У этого есть свои преимущества, поскольку оно позволяет писателю передать в драматической форме чувства действующих лиц и, таким образом, сохранить очарование исторической иллюзии, никогда не вводя личность историка. У этого есть и еще одно преимущество, заключающееся в том, что автор выражает собственные чувства под прикрытием чувств своего героя — более эффективный способ, чем если бы они были представлены как его собственные. Но для человека, прошедшего школу великих английских историков, в этой практике есть что-то неудовлетворительное и неприятное. В ней есть что-то похожее на обман. Читатель не в состоянии определить, каковы чувства персонажей, а каковы чувства автора. История приобретает вид романтики, и сбитый с толку студент блуждает в неопределенном свете, сомневаясь, опирается ли он на факт или вымысел.

Это может вызвать другое возражение, когда, как это часто бывает, это нарушает приличия костюма. Нет ничего труднее, чем сохранить сохранность изделия, когда новое накладывается таким образом на старое, — имитация антиквариата на самом антиквариате. Декламации Солиса высоко ценятся как образцы красноречия. Но они слишком часто оказываются неуместными; и грубые персонажи, в уста которых они вкладываются, так же мало соответствуют им, как римские герои в модных париках и со шпагами, с которыми они расхаживали по французской сцене во времена Людовика Четырнадцатого.

О ценности исследований, проведенных Солисом при компиляции его работы, говорить нелегко, поскольку страница не подкреплена ни одним из примечаний и ссылок, которые позволили бы нам проследить современного автора до того места, откуда он черпал свои материалы. Это было не в обычае того времени. Люди того времени, да и предшествующих времен, были довольны тем, что поверили автору на слово в соответствии с его фактами. Им не требовалось знать, почему он утверждал то или иное или сомневался в этом; строил ли он свою историю на авторитете друга или врага, автора хорошего репортажа или злого репортажа. Короче говоря, они не требовали обоснования своей веры. Они были довольны тем, что приняли это на веру. Историк это было очень удобно. Это избавило его от множества неприятностей в процессе и предотвратило обнаружение ошибки или, по крайней мере, халатности. Это предотвратило это со всеми, кто не был осторожен с самим собой. Те, у кого будет возможность проделать это с Солисом, вероятно, выйдут из экзамена с не очень благоприятным представлением о масштабах его исследований; они обнаружат, что, хотя его положение давало ему доступ к самым ценным хранилищам в королевстве, он редко обращается к оригинальным документам, а довольствуется наиболее очевидными и доступными; что он редко проводит различие между свидетельствами современности и более поздними; одним словом, что во всем, что составляет *научную* ценность истории, он намного уступает своему ученому предшественнику Эррере, каким бы быстрым ни было сочинение последнего.

Еще одно возражение, которое можно выдвинуть против Солиса, - это его фанатизм. Этот недостаток, столь противоречащий философскому духу, который должен был бы руководить трудами историка, он, правда, признавал общим со многими своими соотечественниками. Но в нем это было доведено до необычайной высоты; и это было особенно прискорбно, поскольку его тема, будучи состязанием между христианином и неверующим, естественно, в полной мере продемонстрировала этот недостаток. Вместо того чтобы относиться к невежественным язычникам с обычной долей отвращения, с которым к ним относились на полуострове после покорения Гранады, он рассматривал их как часть великой конфедерации сатаны, не просто дышащих духом и действующих под невидимым влиянием Князя Тьмы, но и поддерживающих личную связь с ним. Короче говоря, он, по-видимому, считал их своим регулярным и организованным ополчением. С этой точки зрения каждое действие несчастного врага было преступлением. Даже добрые поступки были искажены или приписывались злым мотивам; ибо как добро могло возникнуть из Духа Зла? Нет необходимости приводить лучшее свидетельство результатов такого образа мыслей, чем тот, который дает оставленный нам историком неприглядный и несанкционированный портрет Монтесумы - даже в его последние часы. Короче говоря, в глазах историка завоевательная война была конфликтом между светом и тьмой, между принципом добра и принципом зла, между солдатами сатаны и рыцарством Креста. Это была Священная война, в которой святость дела покрывала грехи Победителей, и каждый — самый подлый солдат, павший в ней, — мог претендовать на мученический венец. При таком напряжении симпатий, какое место оставалось для той беспристрастной критики, которая является жизнью истории?

Чрезмерное пристрастие историка к Завоевателям еще больше усиливается из-за чувства патриотизма - убогого патриотизма, — который, отождествляя собственную славу писателя славой его соотечественников, делает его слепым к их ошибкам. Эта пристрастность особенно проявляется в отношении Кортеса, героя произведения. Все огни и тени на картине расположены по отношению к этому главному персонажу. Хорошее демонстративно выставляется напоказ перед нами, а плохое скрывается из виду. Солис на этом не останавливается, но искусным лоском, благодаря которому худшее кажется лучшим, он призывает нас иногда восхищаться его героем даже за его проступки. Никто, даже сам Гомара, не является таким ярким восхвалителем великого Завоевателя; и, когда его взглядам противоречат заявления честного Диаса, Солис обязательно найдет причину несоответствия в какой-нибудь злой цели ветерана. Он знает о Кортесе, о его действиях и мотивах больше, чем его товарищ по оружию или восхищающийся им капеллан.

Таким образом, Солис представил прекрасный образ своего героя, но это герой романтики, персонаж без единого изъяна. Выдающийся кастильский критик похвалил его за то, что "он вел свою историю с таким искусством, что это стало панегириком". Это может быть правдой; но, если история может быть панегирической, панегирик - это не история.

И все же, несмотря на все эти недостатки, существование которых ни один искренний критик не будет склонен отрицать, "История Солиса" нашла такое одобрение у его соотечественников, что ее печатали и переиздавали со всеми изысками редакторской роскоши. Она переведена на основные языки Европы; и таково очарование ее композиции и ее изысканная отделка как произведения искусства, что она, несомненно, будет такой же нетленной, как язык, на котором она написана, или память о событиях, которые она описывает.

В этом месте мы также должны проститься с отцом Саагуном, который сопровождал нас на протяжении всего нашего повествования. Поскольку его информация была собрана на основе традиций местных жителей, современников Завоевания, она имела большое значение для подтверждения или опровержения заявлений Завоевателей. Однако его ценность в этом отношении

сильно снижается из-за дикого и случайного характера многих ацтекских традиций, которые настолько абсурдны, что несут в себе их собственное опровержение. Там, где задействованы страсти, что слишком абсурдно, чтобы приписать это себе?

Двенадцатая книга — как следует из его Предисловия, изначально Девятая книга — его *Истории Новой Испании* посвящена описанию Завоевания. В 1585 году, через тридцать лет после первого наброска, он переписал эту часть своего великого труда, обратившись к ней, как он сам говорит нам, “с желанием исправить недостатки первого рассказа, в котором нашлось место некоторым вещам, которые лучше было бы опустить, и другим вещам, которые вполне заслуживали упоминания”.{*} Можно предположить, что искажение, которое миссионер навлек на себя своим честным изложением традиций ацтеков, сделало бы его более осмотрительным в этом *отрывке* своего предыдущего повествования. Но я не обнаружил, чтобы это было так или чтобы предпринимались какие-либо попытки смягчить заявления, которые сильнее всего подействовали на его соотечественников. Поскольку эта рукописная копия, должно быть, была той, которую сам автор считал наиболее правильной, поскольку это его последняя редакция, и поскольку она более объемна, чем печатный рассказ, я обычно руководствовался ею.

Сеньор Бустаманте ошибается, полагая, что издание этой Двенадцатой книги, которое он опубликовал в Мексике в 1829 году, взято из *исправленного* издания “Саагуна”. Рукопись, цитируемая на этих страницах, несомненно, является расшифровкой этого экземпляра. Ибо в Предисловии к ней, как мы видели, об этом заявляет сам автор. В конце концов, во внутренней ценности этих двух проектов разница невелика.

{*} [“En el libro nono, donde se trata esta Conquista, se hicieron ciertos defectos; y fué, que algunas cosas se pusieron en la narracion de este Conquista que fueron mal puestas; y otras se callaron, que fueron mal calladas. Por esta causa, este año de mil quinientos ochenta y cinco, enmende este Libro.” MS.]

КНИГА VII

(CONCLUSION)

SUBSEQUENT CAREER OF CORTÉS

ГЛАВА I

ПЫТКИ ГВАТЕМАЛЬЦА—ПОДЧИНЕНИЕ СТРАНЫ—ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТОЛИЦЫ—
МИССИЯ В КАСТИЛИИ—ЖАЛОБЫ НА КОРТЕСА—ОН УТВЕРЖДЕН В СВОИХ
ПОЛНОМОЧИЯХ

1521-1522

История завоевания Мексики заканчивается сдачей столицы. Но история Завоевания так тесно переплетена с историей выдающегося человека, который его совершил, что повествование казалось бы незавершенным, если бы оно не было продолжено до конца его личной карьеры. Эта часть предмета была очень несовершенно рассмотрена предыдущими авторами. Поэтому я воспользуюсь имеющимися в моем распоряжении подлинными материалами, чтобы дать краткий очерк блестящих, но неоднозначных успехов, которыми была отмечена последующая карьера Кортеса.

Первое ликование триумфа сменилось в армии совсем иными чувствами, когда они увидели скудную добычу, собранную в завоеванном городе, и когда они размышляли о недостаточной компенсации, которую им предстояло получить за все свои труды и страдания. Некоторые солдаты Нарваэса, испытывая чувство горького разочарования, наотрез отказались принять свою долю. Некоторые громко роптали против генерала, а другие - против Куаутемозина, который, по их словам, мог бы раскрыть, если бы захотел, место, где были спрятаны сокровища. Белые стены казарм были исписаны эпиграммами и пасквиадами в адрес Кортеса, которого они обвиняли в том, что он взял “пятую часть добычи как главнокомандующий и еще пятую как король”. Поскольку Куаутемозин отказался делать какие-либо откровения относительно сокровища, или, скорее, заявил, что делать нечего, солдаты громко настаивали на том, чтобы его подвергли пыткам. Но к этому акту насилия, столь противоречащему обещанию защиты, недавно данному индейскому принцу, Кортес не был готов; и он сопротивлялся требованию до тех пор, пока люди, подстрекаемые, как говорят, королевским казначеем Альдерете, не обвинили генерала в тайном сговоре с Гватемосином и в намерении обмануть испанских монархов и их самих. Эти незаслуженные насмешки задели Кортеса за живое, и в недобрый час он отдал ацтекского принца в руки его врагов, чтобы те доставили ему удовольствие.

Но героя, бросившего вызов смерти в ее самых ужасных проявлениях, нельзя было запугать телесными страданиями. Когда его товарищ, касик из Такубы, который был подвергнут пыткам вместе с ним, своими стонами выразил свои страдания, Куаутемозин холодно

ПЫТКИ ГВАТЕМАЛОЗИНА

упрекнула его, воскликнув: “И ты думаешь, что я, значит, получаю удовольствие, принимая ванну?”^[137] Наконец Кортес, устыдившись низменной роли, которую ему пришлось сыграть, спас ацтекского принца от его мучителей, пока не стало слишком поздно, — однако не раньше, чем стало слишком поздно для его собственной чести, на которую легло несмываемое пятно от такого обращения с его царственным пленником.

Все, что удалось выжать из Куаутемозина, несмотря на крайность его страданий, - это признание в том, что в воду было выброшено много золота. Но, хотя для исследования илистого дна озера под наблюдением самого Кортеса были наняты лучшие ныряльщики, из него было извлечено лишь несколько предметов незначительной ценности. Им повезло больше, когда они обыскали пруд в садах Гватемозина, где было обнаружено так называемое солнце, вероятно, одно из календарных колесиков ацтеков, сделанное из чистого золота, огромного размера и толщины. Касик из Такубы признался, что некоторое количество сокровищ было зарыто в землю на одной из его собственных вилл. Но когда испанцы доставили его на место происшествия, он заявил, что “единственным мотивом, побудившим его сказать это, была надежда умереть в дороге!” Солдаты, обманутые в своих ожиданиях, теперь, с обычным капризом нелегитимной толпы, изменили тон и открыто обвинили своего командира в жестокости по отношению к своему пленнику. Обвинение было вполне заслуженным, но не от них.^[138]

Весть о падении Мексики разнеслась на крыльях ветра над плато и по широким склонам Кордильер. Прибыло множество посланцев из отдаленных индейских племен, которым не терпелось узнать правду об этих поразительных сведениях и собственными глазами взглянуть на руины ненавистного города. Среди них были послы королевства Мичоакан, могущественного и независимого государства, населенного одной из родственных рас науатлаков и лежащего между Мексиканской долиной и Тихим океаном. Вскоре за посольством последовал лично король страны, который с большим почетом прибыл в кастильские покои. Кортес принял его с таким же парадом, поразил блестящими маневрами его кавалерии и грохотом его орудий и сопровождал его на одной из бригаantin по павшему городу, груды тлеющих дворцов и храмов которого была всем, что теперь осталось от некогда грозной столицы Анауака. Индийский монарх с безмолвным благоговением взирал на картину опустошения и страстно желал защиты непобедимых существ, которые его вызвали.^[139] Его примеру последовали послысаторов из отдаленных регионов, которые еще никогда не имели сношений с испанцами. Кортес, видевший, что границы его

империи таким образом быстро расширяются, воспользовался благоприятным расположением местных жителей, чтобы ознакомиться с продуктами и ресурсами нескольких их стран.

Два небольших отряда были отправлены в дружественное государство Мичоакан, через территорию которого они проникли к границам великого Южного океана. Ни один европеец еще не ступал на его берега так далеко к северу от экватора. Испанцы с готовностью вошли в его воды, воздвигли крест на песчаном берегу и вступили во владение им со всеми обычными формальностями от имени их католических величеств. По возвращении они посетили некоторые богатые районы на севере, с тех пор прославившиеся своими минеральными сокровищами, и привезли образцы золота и калифорнийского жемчуга с отчетом об открытии ими океана. Воображение Кортеса было воспламенено, и его душа преисполнилась ликования при виде великолепных перспектив, которые открывали их открытия. “Больше всего, ” пишет он императору, - я радуюсь вестям, принесенным мне о Великом Океане. Ибо в ней, как сообщают нам космографы и те ученые люди, которые больше всего знают об Индии, разбросаны богатые острова, изобилующие золотом, пряностями и драгоценными камнями”.^[140] Он сразу же подыскал благоприятное место для колонии на берегах Тихого океана и принял меры к постройке четырех судов для исследования тайн этих неизвестных морей. Это было началом его благородных начинаний по открытию Калифорнийского залива.

Хотя большая часть Анауака, охваченная благоговейным страхом перед успехами испанцев, присягнула на верность, были некоторые, особенно на южных склонах Кордильер, которые проявляли менее покорный нрав. Кортес немедленно отправил сильные отряды под командованием Сандовалья и Альварадо, чтобы разбить противника и основать колонии в завоеванных провинциях. Яркие отчеты Альварадо, у которого был нюх на золото, о минеральных богатствах Оахаки, несомненно, повлияли на Кортеса, заставив его выбрать этот регион для своих собственных владений.

Главнокомандующий со своим небольшим отрядом испанцев, который теперь ежедневно пополнялся подкреплениями с Островов, все еще занимал кварталы Кохохуакана, которые они заняли по окончании осады. Кортес не сразу решил, в какой части долины основать новую столицу, которая должна была занять место древнего Теночтитлана. Положение последнего, окруженного водой и подверженного случайным наводнениям, имело некоторые очевидные недостатки. Но не было никаких сомнений в том, что в какой-нибудь части возвышенного центрального плато Долины должна быть построена новая столица, на которую и европейцы, и индейцы могли бы смотреть снизу вверх как на главу колониальной империи Испании. В конце концов он решил сохранить место, на котором располагался древний город, переехав в него, как он говорит, “благодаря его былой славе и памяти” — разумеется, не самой завидной, — “которой он пользовался среди народов”; и он начал приготовления к реконструкции столицы с таким размахом великолепия, который должен был, по его собственному выражению, “возвести ее в ранг королевы окружающих провинций, точно так же, как это было в былые времена”.^[141]

Эту работу должно было выполнять индейское население, привлеченное со всех концов Долины, включая самих мексиканцев, большое количество которых все еще оставалось в окрестностях их древнего жилища. Поначалу они проявляли нежелание и даже признаки враждебности, когда их завоеватели призывали их к этой унижительной работе. Но у Кортеса хватило ума заручиться поддержкой некоторых главных вождей в своих интересах, и под их властью и руководством осуществлялся труд их соотечественников. Густые рощи долины и леса соседних холмов поставляли кедр, кипарис и другие прочные породы дерева для внутренней отделки зданий, а каменоломни *тецонтли* и руины древних зданий поставляли в изобилии камень. Поскольку ацтеки не использовали тягловых животных, для работы обязательно требовалось огромное количество рабочих рук. Все, кто находился в непосредственном подчинении Кортеса, были привлечены к работе. Место, еще недавно пустынное, теперь кишело множеством индейцев различных племен и европейцев, причем последние руководили, в то время как другие трудились.

Пророчество ацтеков исполнилось.^[142] И работа по реконструкции продвигалась вперед со скоростью, подобной той, которую демонстрирует азиатский деспот, концентрирующий население империи на возведении любимой столицы.^[143]

Однако состояние Кортеса, несмотря на успехи его войск, внушало много поводов для беспокойства. Он не получил ни слова ободрения из дома — ни слова, на самом деле, ободрения или порицания. В каком свете правительство или нация расценивали его неправильный курс, все еще оставалось предметом мучительной неопределенности. Теперь он подготовил еще одно Письмо императору, третье в опубликованной серии, написанное в том же простом и энергичном стиле, который позволил сравнить его Комментарии, как их можно назвать, с комментариями Цезаря. Оно было датировано 15 мая 1522 года в Кохохуакане, и в нем он кратко изложил события последней осады столицы и свои последующие операции, сопровождаемые, как обычно, множеством пронизательных размышлений о характере и ресурсах страны. С этим письмом он намеревался отправить королевскую пятую часть добычи Мексики и богатую коллекцию тканей, особенно золота и ювелирных изделий, изготовленных во множестве редких и причудливых форм. Одним из драгоценных камней был изумруд пирамидальной огранки, такого необычайного размера, что основание было шириной с ладонь!^[144] Коллекция была еще больше дополнена образцами многих натуральных продуктов, а также животными, характерными для этой страны.^[145]

Армия сопровождала письмо Кортеса письмом, в котором они подробно рассказывали о его многочисленных заслугах и умоляли императора одобрить его действия и утвердить его в его нынешней власти. Важная миссия была поручена двум доверенным лицам генерала, Киньонесу и Авиле. Это оказалось неудачным. Агенты нанесли удар по Азорским островам, где Киньонес погиб в драке. Авила, возобновив свое плавание, был захвачен французским капером, и богатая добыча ацтеков перешла в сокровищницу его Христианнейшего Величества. Франциск Первый с простительной завистью взирал на сокровища, которые его имперский соперник извлекал из своих колониальных владений; и он выразил свое недовольство, раздраженно выразив желание “ознакомиться с пунктом в завещании Адама, который давал право его братьям Кастилии и Португалии разделить Новый Свет между ними”. Авила нашел способ через частные руки передавать свои письма, самую важную часть его поручений, в Испанию, где они в безопасности доходили до двора.^[146]

Пока происходили эти события, дела в Испании принимали неблагоприятный для Кортеса оборот. Может показаться странным, что блестящие подвиги Завоевателя Мексики привлекли так мало внимания со стороны правительства внутри страны. Но страна в то время была отвлечена мрачными распрями *коммундадов*. Государь находился в Германии, слишком поглощенный заботами империи, чтобы уделять время жителям своего собственного королевства. Бразды правления находились в руках Адриана, наставника Карла; человека, чьи аскетические и прилежные привычки больше подходили ему для того, чтобы возглавлять коллегию монахов, чем для того, чтобы занимать, как он последовательно делал, самые важные посты в христианском мире, — сначала как регент Кастилии, затем как глава Церкви. И все же медлительный и нерешительный Адриан не смог бы так долго обходить молчанием важные заслуги Кортеса, если бы не враждебное вмешательство Веласкеса, губернатора Кубы, поддержанного Фонсекой, епископом Бургоса, главным лицом в испанском колониальном департаменте. Этот прелат, благодаря своему высокому положению, обладал первостепенной властью во всех вопросах, касающихся Индии, и он с самого начала пользовался ею, как мы уже видели, способом, наносящим наибольший ущерб интересам Кортеса. Теперь у него был адрес, по которому регент мог получить ордер, предназначенный для уничтожения Завоевателя в тот самый момент, когда его великое предприятие увенчалось успехом. Документ, после перечисления преступлений Кортеса в отношении Веласкеса, назначает комиссара, наделенного всеми полномочиями посещать страну, проводить расследование поведения генерала, отстранять его от исполнения

должностных обязанностей и даже арестовывать его личность и налагать арест на его имущество до тех пор, пока не станет известно о воле кастильского суда. Ордер был подписан Адрианом в Бургосе 11 апреля 1521 года и скреплен подписью Фонсеки.^[147]

Человека, выбранного для выполнения деликатной задачи по задержанию Кортеса и преданию его суду на театре его собственных открытий и в самом сердце его собственного лагеря, звали Криставаль де Тапия, *видор*, или инспектор золотодобывающих заводов в Сан-Доминго. Он был слабым, колеблющимся человеком, столь же мало компетентным, чтобы справиться с Кортесом в гражданских вопросах, каким Нарваес показал себя в военных.

Комиссар, облеченный своими недолгими полномочиями, высадился в декабре на Вилле Рика. Но городские власти приняли его холодно. Его полномочия были оспорены на основании некоторой технической неформальности. Более того, были выдвинуты возражения, что его назначение было основано на очевидных ложных представлениях правительству; и, несмотря на самое вежливое и комплиментарное послание, которое он получил от Кортеса, поздравлявшего его как старого друга с прибытием, *видор* вскоре обнаружил, что ему не разрешается ни проникать далеко в страну, ни осуществлять там какой-либо контроль. Он любил деньги; и поскольку Кортес знал слабую сторону своего “старого друга”, он предложил приобрести его лошадей, рабов и экипаж по заманчивой цене. Мечты разочарованного честолюбия постепенно сменились мечтами алчности, и сбитый с толку комиссар согласился вновь отправиться на Кубу, хорошо нагруженный золотом, если не славой, и снабженный новым поводом для обвинения своевольных мер Кортеса.^[148]

Таким образом, оставшись безраздельно владеть властью, испанский военачальник энергично продвигался вперед в своих планах по закреплению своих завоеваний. Панучезе, свирепый народ на границах Пануко, на атлантическом побережье, подняли оружие против испанцев. Кортес выступил в поход во главе значительных сил в их страну, разбил их в двух ожесточенных битвах и после тяжелой кампании подчинил себе воинственное племя.

Последующее восстание было наказано с большей суровостью. Они восстали против испанцев, перебили пятьсот их угнетателей и угрожали разрушением соседнему поселению Сан-Эстеван. Кортес приказал Сандовалью наказать повстанцев; и этот офицер послекампании невероятных лишений наголову разбил варваров, взял в плен четыреста их вождей и после соблюдения формальностей судебного разбирательства приговорил каждого из них к столбу или виселице. “Благодаря этому,” говорит Кортес, “ хвала Господу! безопасность испанцев была обеспечена, и в провинции снова воцарились спокойствие и умиротворение”.^[149] Он не упомянул в своем письме о своем недоброжелательном отношении к Гватемозину. Но неприкрытая и, так сказать, *наивная* манера, в которой он излагает императору эти обстоятельства, показывает, что он не придавал этому поступку никакого дискредитирующего значения. Это было справедливое воздаяние за *восстание*; слово, которое стало апологетом большого количества зверств, чем любое другое слово, — за исключением *религии*.

В течение этого промежутка времени важный вопрос в отношении Кортеса и колонии был поставлен перед решающим вопросом. Генерал, должно быть, пал бы под коварными и неумолимыми нападками своих врагов, если бы не решительное противодействие нескольких могущественных друзей, ревностно преданных его интересам. Среди них можно упомянуть его собственного отца, дона Мартина Кортеса, сдержанного и эффективного человека,^[150] и герцога де Бежара, могущественного дворянина, который с раннего периода горячо поддерживал дело Кортеса. По их словам, робкий регент в конце концов убедился, что меры Фонсеки наносят ущерб интересам короны, и был издан приказ, запрещающий ему в дальнейшем вмешиваться в любые дела, касающиеся Кортеса.

Пока разгневанный прелат переживал из-за этого оскорбления, в Кастилию прибыли уполномоченные Тапия и Нарваес. Последнему было приказано отправиться в Кохохуакан после сдачи столицы, где его раболепное поведение составляло разительный контраст с чванливым

портом, который он напустил на себя при первом въезде в страну. Когда его привели к Кортесу, он опустился на колени и хотел поцеловать ему руку, но тот поднял его с земли и, пока он находился в своих покоях, обращался с ним со всеми знаками уважения. Вскоре после этого генерал позволил своему неудачливому сопернику вернуться в Испанию, где тот, как и следовало ожидать, оказался самым злейшим и непримиримым врагом. ^[151]

Эти два деятеля, подкрепленные недовольным прелатом, выдвинули против Кортеса несколько своих обвинений со всей язвительностью, на какую только были способны умеренное тщеславие и жажда мести. Адриана больше не было в Испании, поскольку он был призван на кафедру святого Петра; но Карл Пятый после своего долгого отсутствия вернулся в свои владения в июле 1522 года. Королевское ухо было немедленно атаковано обвинениями в адрес Кортеса, с одной стороны, и его оправданием - с другой, пока молодой монарх, сбитый с толку и неспособный принять решение по существу вопроса, не передал весь вопрос на рассмотрение совета, выбранного для этой цели. Он был составлен частично из членов его тайного совета, а частично из индийского департамента, председателем которого был великий канцлер Неаполя, и в целом представлял собой суд высочайшей респектабельности за честность и мудрость. ^[152]

Этим ученым органом сторонам было предоставлено терпеливое и умеренное слушание. Враги Кортеса обвиняли его в захвате и окончательном уничтожении флота, вверенного ему Веласкесом и снаряженного за счет губернатора; в том, что впоследствии он узурпировал власть, пренебрегая королевской прерогативой; в неоправданном обращении с Нарваэсом и Тапия, когда им было законно поручено заменить его; в жестокости по отношению к туземцам, и особенно к Гватемосину; в присвоении королевских сокровищ и перечислении лишь небольшой части налогов короне; в разбазаривании доходов завоеванных земель. страны в бесполезных и расточительных планах, и особенно в восстановлении столицы по плану беспрецедентной экстравагантности; в проведении, короче говоря, системы насилия и вымогательства без уважения к общественным интересам или какой-либо иной цели, кроме его собственного эгоистичного возвеличивания.

В ответ на эти серьезные обвинения друзья Кортеса представили доказательства того, что он оплатил из своих собственных средств две трети расходов на экспедицию. Полномочия Веласкеса бывшего были направлены только на торговлю, а не на основание колонии. Однако интересы короны требовали последнего. Следовательно, армия по необходимости присвоила себе эту власть; но, сделав это, они послали сведения о своих действиях императору и запросили его подтверждения. Разрыв с Нарваэсом произошел по вине самого командующего, поскольку Кортес встретил бы его дружелюбно, если бы жестокие меры его соперника, угрожавшие провалом экспедиции, не вынудили его избрать противоположный курс. Обращение с Тапией было подтверждено на основаниях, предъявленных этому офицеру муниципалитетом Семпоаллы. Причиной насилия в отношении Гватемалосина был Альдерете, королевский казначей, который подстрекал солдат потребовать этого. Было ясно доказано, что денежные переводы в пользу короны не только не дотягивают до законной пятой части, но и значительно превышают ее. Если генерал тратил доходы страны на дорогостоящие предприятия и общественные работы, то он делал это в интересах страны, и он влез в большие долги, максимально используя свой собственный кредит для тех же самых великих целей. Они также не отрицали, что в том же духе он сейчас восстанавливал Мексику в масштабах, соответствующих метрополии огромной и процветающей империи.

Они подробно рассказали о противодействии, с которым он сталкивался на протяжении всей своей карьеры, со стороны губернатора Кубы и еще больше со стороны епископа Бургоса, который, вместо того чтобы оказать ему ожидаемую помощь, обескуражил новобранцев, прекратил поставки, конфисковал имущество, которое время от времени отправлял в Испанию, и ложно представил свои денежные переводы короне как поступающие от губернатора Кубы. Короче говоря, препятствия на его пути были столь многочисленны, что Кортес, как слышали,

сказал: “ему было труднее бороться со своими соотечественниками, чем с ацтеками”. В заключение они подробно рассказали о блестящих результатах его экспедиции и спросили, готов ли совет обесчестить человека, который, столкнувшись с такими препятствиями и едва ли располагая другими ресурсами, кроме тех, что он нашел в себе, завоевал для Кастилии империю, какой не обладал ни один европейский правитель!^[153]

Перед этой последней апелляцией было невозможно устоять. Каким бы нерегулярным ни был порядок разбирательства, никто не мог отрицать грандиозности результатов. Не было ни одного испанца, который мог бы остаться равнодушным к таким услугам или который не воскликнул бы “Позор!” при столь неблагодарном воздаянии за них. В совете было трое фламандцев; но, похоже, в этом органе не было расхождений во мнениях. Было решено, что ни Веласкес, ни Фонсека не должны больше вмешиваться в дела Новой Испании. Трудности первого дела с Кортесом рассматривались в качестве частного иска; и, как таковое, возмещение должно быть обеспечено в соответствии с обычным порядком судопроизводства. Действия Кортеса были подтверждены в их полном объеме. Он был назначен губернатором, генерал-капитаном и главным судьей Новой Испании, наделенным полномочиями назначать на все должности, гражданские и военные, и приказывать любому лицу покинуть страну, проживание которого там он мог счесть наносящим ущерб интересам короны. Это решение совета было ратифицировано Карлом Пятым, и указ о наделении Кортеса этими широкими полномочиями был подписан императором в Вальядолиде 15 октября 1522 года. Была назначена щедрая зарплата, позволявшая губернатору Новой Испании занимать свой пост с подобающим достоинством. Благоклонность его государя стала еще более желанной благодаря письму от того же числа, написанному им генералу, в котором, подробно рассказав о заслугах Кортеса, он заявляет о своем намерении воздать ему по заслугам, которых они вполне заслуживают.^[154] Высшие офицерские чины были вознаграждены почестями и значительным вознаграждением; а войска, наряду с некоторыми привилегиями, благодарными тщеславию солдата, получили обещание щедрых земельных наделов. Император еще больше похвалил их письмом, адресованным армии, написанным его собственной рукой, в котором он самым полным образом признавал их заслуги.^[155]

С этого часа влиянию Фонсеки в индийском департаменте пришел конец. Он недолго переживал свое огорчение, так как умер в следующем году. Ни один человек не был в состоянии сделать больше для процветания своей страны, чем епископ Бургоса. Более тридцати лет, с самого начала открытия Колумба, он осуществлял высший контроль над колониальными делами; и поэтому на его долю в особой степени выпало придавать энтузиазм предприимчивости и способствовать молодому процветанию колоний. Но он лежал на них как проклятие. Он недобрым взглядом смотрел на самых прославленных испанских первооткрывателей и стремился только создать препятствия на их пути. Таково было его поведение по отношению к Колумбу и таково по отношению к Кортесу. Благодаря мудрой и великодушной политике он мог бы поставить свое имя в один ряд с великими светилами своего времени. Как бы то ни было, он только придавал им больший блеск по контрасту со своей собственной темной и злобной натурой. Его карьера показывает чрезмерное влияние, которым церковная профессия обладала в Кастилии в шестнадцатом веке; когда она могла поднять человека до столь важного положения, для которого он был совершенно непригоден, и удержать его там после того, как он показал себя таковым.^[156]

Гонцы, доставившие поручение Кортеса в Мексику, по пути заехали на Кубу, где эта весть была провозглашена звуком трубы. Это был смертельный удар по надеждам Веласкеса. Раздраженный провалом своих планов, обнищавший из-за расходов на экспедиции, плоды которых пожинали другие, он все еще надеялся на возможное возмещение ущерба и лелеял сладкую надежду на месть, которая долго откладывалась. Теперь эта надежда исчезла. Он хорошо знал, что в утомительных и тернистых судебных разбирательствах кастильских судов шансы на возмещение были невелики. Разоренный в деньгах, обесчещенный перед нацией, надменный дух

правителя был повержен в прах. Он не нашел утешения, но впал в глубокую меланхолию и через несколько месяцев умер — если верить слухам — от разрыва сердца.^[157]

Портрет Веласкеса обычно рисуют неблагоприятно. И все же Лас Касас отзывается о нем доброжелательно, и, когда не затрагиваются его предубеждения, лучшего авторитета не найти. Но Лас Касас знал его, когда в молодости миссионер впервые высадился на Кубе. Губернатор обращался с ним вежливо и даже доверительно, и было естественно, что снисходительность человека из высокой семьи и положения произвела впечатление на чувства бедного священнослужителя. В большинстве рассказов он изображается как надменный, вспыльчивый человек, ревнивый к власти и жадный до богатства. Он поссорился с Гриджаивой, предшественником Кортеса, очевидно, без причины. Не имея на то никаких оснований, он порвал с Кортесом еще до того, как покинул порт. Он ставил перед собой цели, несовместимые по своей природе. Он предложил, чтобы другие сражались в его битвах, и чтобы он снискал лавры; чтобы другие совершали открытия, и чтобы он пожинал их плоды. Никто, кроме слабого ума, не согласился бы с его условиями, а слабый ум не смог бы достичь своих целей. Назначение Кортеса поставило его в ложное положение на всю оставшуюся жизнь. Его попытки вернуть себе должность только усугубили ситуацию. Назначение Кортеса командующим едва ли было большей ошибкой, чем последующее назначение Нарваэса и Тапия. Жизнь Веласкеса была чередой ошибок.

Судьба Нарваэса была не лучше, чем у его друга, губернатора Кубы. В надежде вернуть свое состояние, он продолжил свою авантюрную карьеру и отправился в экспедицию в Гондурас. Это был его последний бой; и Лас Касас, который не испытывал особой любви к Завоевателям и который наблюдал за актами жестокости, совершаемыми Нарваэсом, завершает сообщение о его смерти заверением, что “дьявол завладел его душой”.

Объявление о поручении императора утвердить Кортеса в качестве верховного представителя власти Новой Испании было встречено там всеобщим одобрением. Армия радовалась, что наконец-то добилась не просто амнистии за их незаконные действия, но и четкого признания их заслуг. Назначение Кортеса верховным главнокомандующим успокоило его мысли о прошлом и открыло перед ним благородную арену для будущих начинаний. Солдаты поздравляли себя с широкими полномочиями, предоставленными их командиру, и, подсчитывая свои шрамы и заслуги, предавались золотым мечтам и самым смутным и призрачным ожиданиям. Нет ничего странного в том, что их ожидания оказались обманутыми.

ГЛАВА II

СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКА—ЗАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ—УСЛОВИЯ ЖИЗНИ МЕСТНЫХ
ЖИТЕЛЕЙ—ХРИСТИАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ—ВОЗДЕЛЫВАНИЕ ПОЧВЫ—
ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСПЕДИЦИИ
1522-1524

И Менее чем через четыре года после разрушения Мексики на ее руинах вырос новый город, который, если и уступал древней столице по размерам, то превосходил ее великолепием и силой. Он занимал настолько точно то же место, что и его предшественник, что *пласа майор*, или большая площадь, была тем же самым местом, которое было покрыто огромными *теокалли* и дворцом Монтесумы; в то время как главные улицы, как и прежде, начинались с этой центральной точки и, проходя по всей длине города, заканчивались у главных дамб. Однако в архитектурном стиле произошли большие изменения. Улицы были расширены, многие каналы засыпаны, а здания построены по плану, более приспособленному к европейскому вкусу и потребностям европейского населения.

На месте храма ацтекского бога войны вырос величественный собор, посвященный святому Франсуа; ^[158] и, словно в довершение триумфов Креста, фундаменты были заложены разбитыми изображениями ацтекских богов. ^[159] В углу площади, на земле, которую когда-то занимал Птичий дом, стоял францисканский монастырь, великолепное сооружение, возведенное через несколько лет после завоевания братом-мирянином Педро де Ганте, побочным сыном, как говорят, Карла Пятого. ^[160] В противоположном квартале той же площади Кортес приказал построить свой собственный дворец. Он был построен из тесаного камня, и, как говорят, для отделки интерьера было использовано семь тысяч кедровых балок. ^[161] Впоследствии правительство передало его под резиденцию вице-королей; и потомкам Завоевателя, герцогам Монтелеоне, было разрешено возвести новый особняк в другой части *площади*, {*} на том месте, которое по зловещему совпадению было покрыто дворцом Монтесумы. ^[162]

{*} [Два дворца “были построены на месте старого и нового дворцов Монтесумы, расположенных соответственно в западной и юго-восточной частях древней площади”. Банкрофт, Мексика, ii. 12. “Очерк политики Гумбольдта вводит Прескотта в заблуждение относительно местоположения старого дворца и помещает новый там, где на самом деле стоял старый”. Там же.—М.]

Дома, в которых жили испанцы, были каменными: элегантность сочеталась с прочной прочностью, которая делала их способными к обороне, как многие крепости. ^[163] Индейские постройки по большей части были низкого качества. Они были разбросаны по древнему району Тлателолко, где нация в последний раз боролась за свободу. В этом квартале также был построен просторный кафедральный собор, ^[164] и тридцать церквей более низкого уровня свидетельствовали о заботе испанцев о духовном благополучии местных жителей. ^[165] Присматривая за своей индейской паствой и заботясь о больницах, которыми быстро обзавелась новая столица, добрый отец Ольмедо, когда его угнетали растущие недуги, проводил остаток своих дней. ^[166]

Чтобы обеспечить большую безопасность испанцам, Кортес приказал возвести мощную крепость в месте, с тех пор известном как *Матадеро*. ^[167] Здесь была оборудована верфь, и бригантины, участвовавшие в осаде Мексики, долгое время хранились там как памятники Завоевания. Когда строительство крепости было завершено, генерал из-за злонамеренных действий Фонсеки оказался в затруднительном положении из-за нехватки артиллерии и боеприпасов для ее защиты. Он восполнил прежний недостаток, заставив отливать пушки на своих собственных литейных заводах из меди, которая была обычным явлением в стране, и олова, которое он с большим трудом добывал на рудниках Таско. С помощью этих средств и пожертвований, которые он получил от судоходства, он умудрился оснастить свои стены семьюдесятью орудиями. Каменные шары, широко используемые в ту эпоху, можно было легко изготовить; но для изготовления своего пороха, хотя селитры было в избытке, ему пришлось

искать серу в опасной экспедиции в недра великого *вулкана*.^[168] Таковы были ресурсы, продемонстрированные Кортесом, позволившие ему восполнить любой недостаток и одержать победу над всеми препятствиями, которые злоба его врагов воздвигла на его пути.

Следующей заботой генерала было обеспечить население столицы. Он пригласил туда испанцев, предоставив им земли и дома, в то время как индейцам с политической либеральностью было разрешено жить под властью своих вождей, как и прежде, и пользоваться различными иммунитетами. Благодаря такому стимулированию испанский квартал города по соседству с большой площадью через несколько лет мог похвастаться двумя тысячами семей, в то время как индейский район Тлателолко насчитывал не менее тридцати тысяч.^[169] Возобновились различные ремесла; каналы снова были покрыты баржами; на двух обширных рынках в соответствующих кварталах столицы были представлены все различные товары и мануфактуры окружающей страны; и город кишел деловитым, трудолюбивым населением, в котором белый человек и индеец, завоеватель и покоренная, беспорядочно смешались в мирной и живописной неразберихе. Не прошло и двадцати лет с момента Завоевания, когда посетивший его миссионер имел смелость утверждать, что “Европа не может похвастаться ни одним городом, таким красивым и роскошным, как Мексика”.^[170]

Современный мегаполис, казалось бы, находится в ином положении, чем то, которое было создано Завоевателями; ибо воды больше не текут по его улицам и не омывают обширную окрестность его стен. Эти воды отступили в пределах уменьшившегося бассейна Тецкоко, и дамбы, которые в древности пересекали глубины озера, теперь невозможно отличить от других дорог, ведущих в столицу. Но город, украшенный, это правда, трудами сменявших друг друга вице-королей, в основном такой же, как во времена Завоевателей; и массивное величие немногих зданий, оставшихся от первобытного периода, и общее великолепие и симметричность его плана свидетельствуют о дальновидной политике его основателя, который смотрел не только на настоящее, но и на нужды грядущих поколений.

Внимание Кортеса не ограничивалось столицей. Он позаботился о создании поселений во всех частях страны, которые обеспечивали им выгодное положение. Он основал Сакатулу на берегах так называемого Тихого океана, Колиман на территории Мичоакана, Сан-Эстебан на атлантическом побережье, вероятно, недалеко от местечка Тампико, Медельин (названный так в честь места его собственного рождения) по соседству с современным Веракрусом, и порт недалеко от реки Антигуа, от которой он получил свое название. Он был спроектирован для того, чтобы заменить “Вилла Рика”, которая, как показал опыт, из-за своего незащищенного положения не обеспечивала никакой защиты судоходства от ветров, дующих над Мексиканским заливом. Антигуа, укрытая в глубине бухты, представляла собой более выгодное положение. Кортес учредил там торговый совет, соединил поселение шоссе со столицей и наивно предсказал, что его новый город станет крупнейшим торговым центром страны.^[171] Но в этом он ошибся. По какой-то причине, не очень очевидной, порт въезда был перенесен в конце шестнадцатого века в современный Вера-Крус, который, вероятно, без какого-либо превосходства в топографическом положении или даже в благоприятности климата, с тех пор остается великой торговой столицей Новой Испании.

Кортес стимулировал заселение нескольких своих колоний щедрыми земельными наделами и муниципальными привилегиями. Большая трудность заключалась в том, чтобы убедить женщин поселиться в деревне; и он чувствовал, что без них колонии, подобно дереву без корней, скоро погибнут. Особым положением он требовал, чтобы каждый поселенец, если он женат, привез свою жену в течение восемнадцати месяцев под страхом конфискации его имущества. Если бы он был слишком беден, чтобы сделать это самому, правительство помогло бы ему. Другой закон налагал такое же наказание на всех холостяков, которые не обеспечили себя женами в течение того же периода. Генерал, похоже, считал безбрачие слишком большой роскошью для молодой страны.^[172]

Его собственная жена, Донья Каталина Суарес, была среди тех, кто переехал с Островов в Новую Испанию. По словам Берналя Диаса, ее приезд не принес ему особого удовлетворения.^[173] Это возможно, поскольку его брак с ней, по-видимому, был заключен с неохотой, а ее скромное положение и связи несколько препятствовали его будущему продвижению. И все же они счастливо прожили вместе несколько лет, согласно свидетельству Лас Касаца,^[174] и, что бы он ни чувствовал, у него хватило великодушия или благоразумия не выдавать своих чувств миру. По прибытии Сандовал сопровождал донью Каталину в столицу, где ее любезно принял муж и оказал ей все уважение, на которое она имела право в силу своего высокого положения. Но климат плоскогорья не соответствовал ее телосложению, и она умерла через три месяца после прибытия.^[175] Событие, столь благоприятное для его мирских перспектив, не преминуло, как мы увидим ниже, спровоцировать язык скандала на самые злонамеренные, но, едва ли нужно говорить, необоснованные умозаключения.

При распределении земель между Завоевателями Кортес принял порочную систему *репартименто*, повсеместно применявшуюся среди его соотечественников. В письме императору он заявляет, что превосходящие способности индейцев в Новой Испании заставили его считать тяжким делом обречь их на рабство, как это было сделано на Островах. Но при дальнейшем испытании он обнаружил, что испанцы настолько измучены и обнищали, что они не могли надеяться выжить на этой земле, не прибегая к услугам туземцев, и по этой причине он, наконец, отказался от своих угрызений совести, уступив их неоднократным увещаниям.^[176] Это был жалкий предлог, которым в подобных случаях пользовались его соотечественники, чтобы скрыть этот вопиющий акт несправедливости. Корона, однако, в своих инструкциях генералу дезавуировала этот акт и аннулировала *репартиментос*.^[177] Все было напрасно. Потребности, или, скорее, алчность колонистов, легко обходили королевские указы.^{*} Колониальное законодательство Испании показывает в повторении законодательных актов против рабства постоянную борьбу, которая велась между короной и колонистами, и бессилие первых проводить в жизнь меры, противоречащие интересам, во всяком случае, алчности последних. Новая Испания не является исключением из общего факта.

^{*} [Это замечание подразумевало бы, что инструкции были опубликованы и, по крайней мере, были предприняты некоторые попытки обеспечить их соблюдение. О том, что это было не так, мы узнаем из примечательного частного письма Кортеса императору, отправленного с “Relacion Quarta” и датированного той же датой — 15 октября 1524 года. Ссылаясь сначала на приказ о том, что испанским поселенцам должно быть разрешено иметь свободные сношения с индейским населением в качестве средства содействия обращению, он отказывается выполнять его на том основании, что последствия были бы самыми пагубными. Туземцы, говорит он, подверглись бы насилию, грабежу и всевозможным притеснениям. Даже при существующем строгом правиле, запрещающем любому испанцу покидать свое поселение и отправляться к индейцам без специального разрешения, зло, проистекающее из этого общения, было настолько велико, что, если бы он и его офицеры занялись исключительно их пресечением, они были бы не в состоянии осуществить это, поскольку территория была такой огромной. Если бы все испанцы, находящиеся сейчас в стране или на пути к ней, были монахами, занятыми делом обращения, полная свобода общения, без сомнения, принесла бы пользу. Но в противном случае таким же был бы и эффект. Большинство прибывших испанцев были людьми низкого положения и манер, склонными ко всякого рода порокам; и если бы было разрешено свободное общение, туземцы были бы обращены скорее ко злу, чем к добру, и, видя разницу между тем, что проповедовалось, и тем, что практиковалось, высмеивали бы то, чему их учили священники, думая, что это делается просто для того, чтобы обратить их в рабство. Нанесенные им увечья приведут к восстанию; они воспользуются приобретенными знаниями, чтобы лучше вооружиться, и, поскольку испанцев так много, а их так мало, последние будут уничтожены поодиночке, как уже случалось во многих случаях, и величайшая работа по обращению со времен апостолов прекратится.

Обращаясь затем к запрету императора на *репартиментос*, как к чему-то, от чего не пострадала бы его совесть, поскольку теологи заявили, что, поскольку Бог освободил индейцев, их свободу не следует отнимать, Кортес заявляет, что он не только не выполнил этот приказ, но и сохранил его в секрете, за исключением официальных лиц, которым он запретил предавать его огласке. Причины его действий таковы: 1. Испанцы не могут жить иначе, как трудом индейцев, и если бы их лишили этого, они были бы вынуждены покинуть страну. 2Д. Его система *repartimientos* такова, что это индейцы на самом деле вырвана из плена, их состояние под их бывшие хозяева были одним из невыносимого рабства, в котором они были не только лишены все, кроме насущных средств существования, но они и их дети были принесены в жертву идолам в цифрах ужасно слышать, он, будучи дипломированным факт, что в большом храме в Мексике самостоятельно, на один фестиваль, одно из многих, которые проводились ежегодно, восемь тысяч человек были принесены в жертву; все это, с других бесчисленных грехах, прекратились; и самое верное наказание, которое может быть нанесено на индейцев была угроза, чтобы отправить их обратно к их бывшим господам. 3д. Перечислив различные положения, он сделал по недопущению пороках системы, как это практикуется на островах, где во время проживания двадцать лет, он имел достаточные знания в своей работе, он утверждает, что в том режиме, в котором он учрежден и регулируется его словам, это приведет не к снижению, но и сохранения и увеличения туземцев, помимо обеспечения предоставления для переселенцев и большие доходы короны, и он утверждает, что *repartimientos*, а не расторгаются, должна быть сделана наследственной, так что владельцы могут быть больше заинтересованы в правильной обработке почвы, вместо того, чтобы пытаться извлечь из нее максимум, что было возможно в данный момент времени.

Письмо, в конце которого отмечаются и отвергаются некоторые незначительные пункты инструкций императора, было обнаружено недавно и, возможно, является самым достоверным документом, дошедшим до нас за подписью Кортеса. Это было опубликовано сеньором Икасальсетой в его книге "Полковник". de Doc. para la Hist. de México, tom. i.—К.]

Глашкальцы, в благодарность за их выдающиеся заслуги, были освобождены, по рекомендации Кортеса, от участи рабства. Следует добавить, что генерал, предоставляя *репартиментос*, установил множество гуманных правил для ограничения власти хозяина и для обеспечения туземцам такого количества привилегий, которые были совместимы с любой степенью обязательной службы.^[178] Этими ограничениями, правда, слишком часто пренебрегали; и в шахтерских районах, в частности, положение бедных индейцев часто было плачевным. И все же индейское население, собравшееся в своих деревнях и живущее под властью своих собственных магистратов, продолжало доказывать своей численностью, хотя и упавшей ниже первоначального уровня, насколько их положение превосходило положение в большинстве других частей обширной колониальной империи Испании.^[179] Это положение постепенно улучшалось под влиянием более высоких моральных воззрений и более широких идей правления, пока раболепным потомкам древних землевладельцев в республиканской Мексике не было позволено подняться — по крайней мере, номинально — до уровня детей их завоевателей.

Какое бы пренебрежение он ни проявлял к политическим правам местных жителей, Кортес проявлял похвальную заботу об их духовном благополучии. Он просил императора прислать в страну святых людей; не епископов и изнеженных прелатов, которые слишком часто растрачивали богатство Церкви, ведя разгульную жизнь, но благочестивых людей, членов религиозных братств, чьи жизни могли бы стать подходящим комментарием к их учению. Только так, добавляет он, — и это замечание заслуживает внимания, — они могут оказывать какое-либо влияние на туземцев, которые привыкли, что малейшее отступление от морали в их собственном духовенстве карается по всей строгости закона.^[180] Повинуясь этим советам, двенадцать монахов-францисканцев отправились в Новую Испанию, которой они достигли в начале 1524 года. Это были люди безупречной чистоты жизни, воспитанные монастырской ученостью, и, подобно многим другим,

кого Римская церковь посылала на подобные апостольские миссии, они считали все личные жертвы ничтожными в святом деле, которому они были преданы.^[181]

Присутствие преподобных отцов в стране было встречено всеобщим ликованием. Жители городов, через которые они проезжали, всем скопом выходили приветствовать их; туземцы выстраивались в процессии с восковыми свечами в руках, и колокола церковей издавали радостный звон в честь их прибытия. По пути в столицу для них были устроены закусочные, и когда они въехали в нее, их встретила блестящая кавалькада знатных кавалеристов и горожан во главе с Кортесом. Генерал спешился и, преклонив одно колено, поцеловал рясу отца Мартина из Валенсии, главы братства. Туземцы, пораженные унижением вице-короля перед людьми, чьи босые ноги и изодранная одежда придавали им вид нищенствующих, отныне считали их существами высшей природы. Индийский хронист из Тласкалы не скрывает своего восхищения этой назидательной снисходительностью Кортеса, которую он называет “одним из самых героических поступков в его жизни!”^[182]

Миссионеры, не теряя времени, взялись за благое дело обращения. Они начали проповедовать через переводчиков, пока сами не овладели языком. Они открывали школы и основывали колледжи, в которых местная молодежь обучалась как светскому, так и христианскому учению.{*} Пыл индийского неопита был таким же, как у его учителя. За несколько лет все следы первобытного *теокаллиса* были стерты с лица земли. Неотесанные идола страны и, к несчастью, иероглифические рукописи разделили ту же участь. И все же миссионер и новообращенный многое сделали, чтобы возместить эти потери, благодаря своим обширным отчетам об ацтекских институтах, собранным из самых достоверных источников.^[183]

{*} [Особая дань тщательности данных таким образом инструкций и легкости, с которой они были усвоены, отдается в длинной жалобе по этому поводу, адресованной императору Херонимо Лопесом, датированной 20 октября 1541 года. Автор, человек, которому, очевидно, поручено отправлять домой отчеты о состоянии страны, осуждает систему образования, учрежденную францисканскими монахами, как дьявольски пагубную, — “*muу dañoso como el diablo*”. Он считает, что индейцев следует, самое большее, научить повторять “Отче Наш” и “Аве Мария”, Символ веры и Заповеди, без каких-либо разъяснений или какого-либо различия лиц Троицы и их атрибутов, прежде всего, без обучения чтению и письму. Вместо этого их обучают не только этим пагубным отраслям знаний, но и пунктуации, музыке, нет, даже грамматике! Их природные способности настолько велики, а дьявол так сильно заинтересован в этом вопросе, что они приобрели удивительный навык составления различных видов писем, и таким образом многие из них получили возможность вести переписку и узнавать, что происходит в стране от одного моря до другого. Среди них есть мальчики, говорящие на латыни так же изящно, как Туллий. Они перевели и прочли все Священное Писание — то самое, что погубило стольких людей в Испании и породило тысячи ересей. Светский священнослужитель рассказал ему, что, посетив один из колледжей, он обнаружил там двести студентов, которые ошеломили его вопросами о религии, пока это место не показалось ему адом, а его обитатели - учениками сатаны.—Иказбалсета, полковник. *de Doc. para la Hist, de México, tom, ii.*—К.]

Обращение в христианство процветало среди нескольких племен великой семьи науатлаков. Примерно через двадцать лет после первого прихода миссионеров один из них мог благочестиво похвалиться тем, что девять миллионов новообращенных — число, вероятно, превышающее население страны, — были приняты в лоно христианства!^[184] Ацтекское богослужение отличалось своим обременительным церемониалом и готовило своих приверженцев к помпезности и великолепию римского ритуала. Было нетрудно перейти от постов и праздников одной религии к постам и праздникам другой; перенести их почитание с фантастических идолов их собственного творения на прекрасные формы скульптуры и живописи, украшавшие христианский собор. Это правда, они мало что могли понять из догматов своей новой веры и, возможно, мало что поняли из ее жизненного духа. Но, если философ может улыбнуться при мысли о том, что обращение в веру

при данных обстоятельствах было обращением скорее по форме, чем по существу, филантроп утешит себя размышлениями о том, насколько, должно быть, выиграло дело человечества и добрых нравов, заменив зверские мерзости ацтеков этими незапятнанными обрядами.

{*} (Так же мало, как Хлодвиг и его франки, когда этот отважный воин принял христианство.—М.)

Завоеватели селились в тех частях страны, которые наилучшим образом соответствовали их наклонностям. Многие из них занимали юго-восточные склоны Кордильер, ведущие к богатой долине Оахака. Многие другие расселились по широкой поверхности плоскогорья, которое из-за своего возвышенного положения напоминало им плато их собственной Кастилии. Здесь они также находились в пределах досягаемости тех неисчерпаемых рудников, которые с тех пор излили свой серебряный поток на Европу. Минеральные ресурсы страны, действительно, не были полностью исследованы или осмыслены до гораздо более позднего периода; но некоторые из них, такие как рудники Сакатекаса, Гуанахуато и Таско, — последние из которых были также известны во времена Монтесумы, — начали разрабатываться в течение поколения после Завоевания.^[185]

Но главным богатством первых поселенцев были растительные продукты почвы, будь то дигенированные или завезенные из-за границы благодаря мудрой экономии Кортеса. Он искренне рекомендовал короне потребовать, чтобы все суда, прибывающие в страну, привозили определенное количество семян и растений.^[186] Он поставил условием предоставления земли на плато, что владелец каждого поместья должен посадить на нем определенное количество виноградных лоз.^[187] Далее он оговорил, что никто не должен получать четкое право собственности на его имущество, пока он не проживет в нем восемь лет.^[188] Он знал, что только постоянное проживание может вызвать тот интерес к почве, который приведет к эффективному возделыванию ее, и что противоположная система привела к обнищанию лучших плантаций на Островах. Его различные постановления, некоторые из которых были немало неприятны колонистам, увеличили сельскохозяйственные ресурсы страны за счет добавления важнейших европейских зерновых и других овощей, для которых разнообразный климат Новой Испании был превосходно приспособлен. Сахарный тростник был перевезен с соседних островов в более низкие районы страны и вместе с индиго, хлопком и кошенилью составлял более желанный продукт питания для колонии, чем драгоценные металлы. Под солнцем тропиков персик, миндаль, апельсин, виноградная лоза и олива, прежде неизвестные там, расцвели в садах плоскогорья, на высоте, вдвое превышающей ту, на которой летом висят облака над нашими головами. Простые колонисты с восторгом приветствовали ввоз европейских фруктов или овощей. Первый экзотический продукт был отмечен фестивалем, и гости приветствовали друг друга, как при появлении старого знакомого, который вызвал воспоминания о прошлом и нежные ассоциации с родной землей.^[189]

Занимаясь таким образом внутренней экономикой страны, Кортес все еще был увлечен своими великими планами открытий и завоеваний. В предыдущей главе мы видели, как он снаряжал небольшую флотилию в Сакатуле для исследования берегов Тихого океана. Она была сожжена на верфи, когда была почти достроена. Это было серьезным бедствием, поскольку большую часть материалов приходилось перевозить через всю страну из Вилья-Рики. Однако Кортес со своей обычной оперативностью принял меры, чтобы возместить потерю. Он пишет императору, что в том же порту скоро будет готова другая эскадра, и, “он не сомневается, что ее Величество получит во владение больше земель и королевств, чем нация когда-либо слышала!”^[190] Это великолепное хвастовство отражает общие чувства испанцев того времени, которые смотрели на Тихий океан как на знаменитый Индийский океан, усеянный золотыми островами и изобилующий богатыми сокровищами Востока.

Главной целью этой эскадры было открытие пролива, который должен был соединить Атлантику с Тихим океаном. Другая эскадрилья, состоящая из пяти судов, была направлена в Мексиканский залив в направлении Флориды с той же целью обнаружить пролив. Ибо Кортес

верил — и мы в наши дни можем улыбнуться этой иллюзии, — что в том направлении, которое должно было привести мореплавателя к тем водам, которые пересекали кили "Магеллана"! ^[191]

Открытие пролива было великой целью, на которую были направлены морские предприятия в те дни, как это было всегда со времен Колумба. Открытие Северо—Западного прохода в шестнадцатом веке было тем же, чем стало открытие Северо-Западного прохода в наше время, - *фатальным* событием для мореплавателей. Обширность Американского континента была установлена путешествиями Кэбота на Севере и совсем недавно Магеллана на Юге. Близость в определенных местах двух великих океанов, омывающих его восточный и западный берега, была установлена открытиями как Бальбоа, так и Кортеса. Европейские ученые не могли поверить, что Природа разработала план, столь противоречащий, по-видимому, интересам человечества, чтобы воздвигнуть на всем протяжении огромного континента такой барьер для сообщения между прилегающими водами. Переписка ученых, ^[192] инструкции Двора, письма Кортеса, как и письма Колумба, часто затрагивают эту любимую тему. "Ваше величество, можете быть уверены, - пишет он, - что, поскольку я знаю, как сильно для вас важно открытие *этой великой тайны пролива*, я отложу все свои интересы и проекты, некоторые из них высшей важности, ради достижения этой великой цели". ^[193]

Отчасти с той же целью генерал приказал снарядить значительное вооружение и передать его под командование Кристофеля де Олида, храброго офицера, который, как, вероятно, помнит читатель, командовал одной из крупных дивизий осаждающей армии. Он должен был отправиться в Гондурас и основать колонию на его северном побережье. Впоследствии отряд эскадры Олида должен был пройти вдоль его южного берега в направлении Дариена в поисках таинственного пролива. Сообщалось, что страна полна золота; настолько полна, что "рыбаки использовали золотые гирьки для своих сетей". Жизнь испанских первооткрывателей была одним долгим сном наяву. Иллюзия за иллюзией сменяли друг друга, как пузырьки, которые ребенок пускает из своей трубки, такие же яркие, красивые и такие же пустые. Они жили в волшебном мире. ^[194]

Одновременно с этими морскими экспедициями Кортес организовал мощную экспедицию по суше. Это было поручено Альварадо, который с большим отрядом испанцев и индейцев должен был спуститься по южному склону Кордильер и проникнуть в страны, лежащие за богатой долиной Оахака. Кампании этого смелого и хищного вождя завершились важным завоеванием Гватемалы. Генерал потребовал, чтобы его капитаны присылали ему подробные отчеты о странах, которые они посетили, о плодородии почвы и их общих ресурсах. Результатом стало несколько ценных и интересных сообщений. ^[195] В своих инструкциях по проведению этих экспедиций он предписывал бережное отношение к туземцам и проводил политику, которую можно назвать гуманной, поскольку гуманность совместима с системой порабощения. ^[196] К сожалению, характер его офицеров слишком часто делал эти инструкции бесполезными.

Осуществляя свои великие предприятия, Кортес в течение трех коротких лет после Завоевания подчинил Кастилии территорию протяженностью более четырехсот лиг, как он утверждает, на атлантическом побережье и более пятисот на Тихом, и, за исключением нескольких внутренних провинций, не имевших большого значения, привел их в состояние полного спокойствия. ^[197] Добиваясь этого, он свободно расходовал доходы короны, полученные от податей, подобных тем, которые в древности выплачивались туземцами своим собственным государям; и, более того, он сам понес большой долг, за который потребовал вознаграждения от правительства. Известность его имени и ослепительные известия из завоеванных стран привлекли в Новую Испанию толпы авантюристов, которые снабжали генерала рекрутами для его различных предприятий.

Тот, кто хочет составить справедливую оценку этого замечательного человека, не должен ограничиваться историей Завоевания. Его военная карьера, действительно, ставит его в один ряд с величайшими полководцами своего времени. Но период, последовавший за Завоеванием, предоставляет иные и в некоторых отношениях более благородные точки зрения для изучения его характера. Ибо затем мы видим, как он разрабатывает систему правления для разношерстных и

антагонистичных рас, так сказать, теперь впервые подчиненных общему фавориту; исправляет причиненные войной разрушения; и прилагает свои усилия, чтобы обнаружить скрытые ресурсы страны и стимулировать ее к наивысшей производственной мощности. Повествование может показаться скучным после рассказа о подвигах столь же смелых и авантюрных, как у романтического паладина. Но только внимательно прочитав это повествование, мы сможем составить адекватное представление об остром и всеобъемлющем гении Кортеса.

ГЛАВА III

ДЕЗЕРТИРСТВО ОЛИДА—МАРШ УЖАСОВ В ГОНДУРАС—КАЗНЬ ГВАТЕМАЛОСИНА— ДОНЬЯ МАРИНА—ПРИБЫТИЕ В ГОНДУРАС

1524-1526

В последней главе мы видели, что Кристоф де Олид был послан Кортесом основать колонию в Гондурасе. Экспедиция сопровождалась последствиями, которые никто не мог предвидеть. Обезумев от обладания властью, Олид, добравшись до места назначения, решил установить для себя независимую юрисдикцию. Он льстил себе мыслью, что удаленность от Мексики позволит ему делать это безнаказанно. Он неправильно понимал характер Кортеса, когда полагал, что любое расстояние будет достаточно велико, чтобы защитить мятежника от его мести.

Прошло много времени, прежде чем генерал получил известие о дезертирстве Олида. Но как только он убедился в этом, то отправил в Гондурас верного капитана и родственника, Франсиско де лас Касаса, с приказом арестовать своего непослушного офицера. Лас Касас потерпел крушение на побережье и попал в руки Олида, но в конце концов ему удалось поднять восстание в поселении, схватить Олида и обезглавить этого несчастного преступника на рыночной площади Нако.^[198]

Из этих событий Кортес узнал только то, что относилось к кораблекрушению его лейтенанта. Он видел все пагубные последствия, которые должны были возникнуть из примера Олида, особенно если бы его дезертирство осталось безнаказанным. Он решил взять дело в свои руки и лично возглавить экспедицию в Гондурас. Более того, таким образом, он получил бы возможность лично ознакомиться с ресурсами страны, которые считались огромными в плане минеральных богатств, и, возможно, обнаружил бы точку сообщения между великими океанами, которая так долго ускользала от усилий испанских первооткрывателей. К этому шагу его еще больше подтолкнуло неудобное положение, в котором он в последнее время оказался в столице. Недавно из метрополии было прислано несколько чиновников с якобы целью управления колониальными доходами. Но они следили за поведением генерала, причиняли ему множество мелких неприятностей и отправляли ко двору самые злобные донесения о его намерениях и действиях. Короче говоря, теперь, когда Кортес стал генерал-губернатором страны, у него было меньше реальной власти, чем когда он вообще не занимал юридической должности.

Силы испанцев, которые он взял с собой, вероятно, не превышали сотни всадников и сорока или, возможно, пятидесяти пеших; к ним добавилось около трех тысяч вспомогательных индейцев.^[199] Среди них были Куаутемозин и касик из Такубы, а также несколько других высокопоставленных лиц, чье уважение к своим соотечественникам сделало бы их очевидным ядром, вокруг которого могло бы собраться недовольство. Личная свита генерала состояла из нескольких пажей, молодых людей из хорошей семьи, и среди них Монтехо, будущего завоевателя Юкатана; дворецкого и управляющего; нескольких музыкантов, танцоров, жонглеров и шутов, демонстрирующих, как могло показаться, больше изнеженности восточного сатрапа, чем отваги испанского кавалера.^[200] Однако обвинение в изнеженности в достаточной степени опровергается ужасным маршем, который он совершил.

Ближе к концу октября 1524 года Кортес начал свой поход. Когда он спускался по склонам Кордильер, его встретили многие из его старых товарищей по оружию, которые сердечно приветствовали своего командира, и некоторые из них покинули свои поместья, чтобы

присоединиться к экспедиции.^[201] Он остановился в провинции Коацакуалько (Huazacualco), пока не смог получить разведанные о своем маршруте от уроженцев Табаско. Они снабдили его картой, на которой были нанесены основные места, куда обычно обращались индийские торговцы, бродившие по этим диким краям. С помощью этой карты, компаса и тех путеводителей, которые время от времени удавалось взять в дорогу, он намеревался пересечь широкую и ровную местность, образующую основание Юкатана и простирающуюся от реки Коацакуалько до устья Гондурасского залива. “Я представляю вашему величеству, ” начинает он свое знаменитое Письмо императору с описания этой экспедиции, “ отчет, как обычно, о самых замечательных событиях моего путешествия, каждое из которых могло бы стать предметом отдельного повествования”. Кортес не преувеличивал.^[202]

Начало марша лежало по низкому и болотистому участку, пересеченному многочисленными небольшими ручьями, которые образуют верховья Рио-де-Табаско и других рек, впадающих на севере в Мексиканский залив. Небольшие ручьи они переходили вброд или на каноэ, позволяя своим лошадям переплывать их вплавь, поскольку они держали их под уздцы. Реки более внушительных размеров они пересекали по наплавным мостам. Это дает некоторое представление о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться на этом пути, когда утверждается, что испанцы были вынуждены построить не менее пятидесяти таких мостов на расстоянии менее ста миль!^[203] Одна из них была более девятисот шагов в длину. Их беды значительно усугублялись трудностью добывания средств к существованию, поскольку туземцы часто поджигали свои деревни при приближении, оставляя измученным дорогой искателям приключений лишь груды дымящихся руин.

Было бы бесполезно загромождать страницу названиями индийских городов, которые лежали на пути следования армии, но которые, возможно, уже устарели и, во всяком случае, никогда не попадали на карту страны.^[204] Первым значительным местом, которого они достигли, был Истапан, приятно расположенный посреди плодородного региона, на берегу одного из притоков Рио-де-Табаско. По словам Кортеса, испанцы уже в течение нескольких недель были доведены голодом и усталостью до такой крайности, что вид деревни в этих унылых безлюдных местах был встречен его последователями “криком радости, который эхом отозвался из всех окрестных лесов”. Армия находилась теперь недалеко от древнего города Паленке, предмета столь многочисленных спекуляций в наше время. Деревня *Лас-Трес-Крузес*, действительно, расположенная между двадцатью и тридцатью милями от Паленке, как говорят, до сих пор хранит память о проходе Завоевателей наличием трех крестов, которые они там оставили. Однако здесь нет никаких упоминаний о древней столице. Была ли она тогда резиденцией густонаселенного и процветающего сообщества, такого, какое когда-то занимало ее, судя по размаху и великолепию ее остатков? Или уже тогда это была груда гниющих руин, погребенная в буйной растительности и таким образом скрытая от глаз окружающих? Если первое, то молчание Кортеса нелегко объяснить.

Покинув Истапан, испанцы пересекли страну с таким же характером низменной и болотистой почвы, испещренной редкими участками возделывания и покрытую кедровыми и бразильскими лесами, которые казались абсолютно бесконечными. Нависающая листва отбрасывала такую глубокую тень, что, как говорит Кортес, солдаты не видели, куда ставить ноги.^[205] В довершение к их замешательству, их проводники покинули их; и, когда они взобрались на вершины самых высоких деревьев, они могли видеть только ту же унылую, бесконечную линию колышущихся лесов. Компас и карта были единственной зацепкой, которая могла вывести их из этого мрачного лабиринта; и Кортес и его офицеры, среди которых был неизменный Сандовал, разложив свою карту на земле, с тревогой изучали вероятное направление их маршрута. Тем временем их скудные припасы совершенно истощились, и они утоляли острый аппетит теми кореньями, которые выкапывали из земли, или орехами и ягодами, которые дико росли в лесу. Многие заболели, и, кстати, многие индейцы утонули и умерли от абсолютного голода.

Когда, наконец, войска вышли из этих мрачных лесов, их путь пересекла река большой глубины и гораздо шире, чем любая из тех, которые они пересекали до сих пор. Солдаты, обескураженные, разразились ропотом против своего предводителя, который загонял их все глубже и глубже в бескрайнюю пустыню, где они должны были сложить свои кости. Напрасно Кортес уговаривал их построить наплавной мост, который мог бы перенести их на противоположный берег реки. Казалось, что это работа ужасающего масштаба, с которой их растроченные силы были не в состоянии справиться. Он добился большого успеха в своем обращении к индейским вспомогательным войскам, пока его собственные люди, посрамленные готовностью последних повиноваться, не взялись за работу с искренней доброй волей, что позволило им, хотя они и падали с ног от усталости, выполнить ее по истечении четырех дней. Это был, действительно, единственный способ, с помощью которого они могли надеяться выпутаться из своего опасного положения. Мост состоял из тысячи кусков дерева, каждый толщиной с человеческое тело и полных шестидесяти футов в длину.^[206] Если учесть, что в начале работ вся древесина стояла в лесу, то следует признать, что это было достижение, достойное испанцев. Хорошо спрессованные балки представляли собой прочную конструкцию, которую, по словам Кортеса, ничто, кроме огня, не могло разрушить. Он вызвал восхищение местных жителей, которые приезжали издалека, чтобы увидеть его; и “мост Кортеса” долгие годы оставался непреходящим памятником энергии и упорства этого командира.

Прибытие армии на противоположный берег реки поставило их перед новыми трудностями. Земля была такой мягкой и пропитанной водой, что лошади барахтались по пояс и, иногда проваливаясь в трясину, почти утопали в грязи. С величайшим трудом их удалось вытащить, покрыв влажную почву листвой и ветвями деревьев, когда поток воды, пробившийся через сердце болота, дал измученным животным возможность спастись вплавь.^[207] Когда испанцы выбрались из этих скользких глубин, они вышли на широкую возвышенность, которая своими возделанными полями, изобилующими кукурузой, *аги*, или местным перцем, и растением *юка* указывала на их приближение к столице плодородной провинции Акулан. Это было в начале Великого поста 1525 года, периода, памятного событием, подробности которого я приведу из повествования Кортеса.

Находившийся в этом месте генерал был проинформирован одним из новообращенных индейцев в его свите, что Куаутемозин вместе с касиком Такубы и некоторыми другими видными индейскими вельможами организовал заговор с целью истребления испанцев. Они хотели улучшить момент, когда армия увязнет в проходе через какое-нибудь ущелье или в каком-нибудь ужасном болоте, подобном тому, из которого она только что выбралась, где, оказавшись в невыгодном положении, она могла быть легко одолена превосходящими силами мексиканцев. После разгрома войск индейцы продолжают свой марш в Гондурас и уничтожат там испанские поселения. Их успех привел бы к восстанию в столице, да и вообще по всей стране, до тех пор, пока каждый испанец не был бы истреблен, а суда в портах захвачены и лишены возможности разносить весть по водам.

Как только Кортес узнал подробности этого ужасного заговора, он арестовал Гватемалосина и главных ацтекских правителей из его свиты. Последние признали факт заговора, но утверждали, что он был спланирован Гватемальцами и что они отказались участвовать в нем. Куаутемозин и вождь Такубы не признали и не опровергли истинность обвинения, но хранили упорное молчание. Таково заявление Кортеса.^[208] Однако Берналь Диас, присутствовавший в экспедиции, уверяет нас, что и гватемальский касик, и касик из Такубы заявили о своей невинности. Они действительно, по их словам, не раз говорили друг с другом о страданиях, которые они тогда переносили, и говорили, что смерть предпочтительнее, чем видеть, как ежедневно вокруг них умирает так много их бедных последователей. Они также признали, что кое-кто из ацтеков обсуждал проект восстания против испанцев; но Куаутемозин с самого начала воспротивился этому, и ни один план подобного рода не мог быть приведен в исполнение без его ведома и

согласия.^[209] Эти протесты не помогли несчастным принцам, и Кортес, убедившись или притворившись, что убедился в их вине, приказал немедленно казнить их.

Когда его привели к роковому дереву, Куаутемозин проявил бесстрашие, достойное его лучших дней. “Я знал, что это такое, - сказал он, - доверять твоим лживым обещаниям, Малинче; я знал, что ты обрекла меня на такую участь, поскольку я не пал от своей руки, когда ты вошла в мой город Теночтитлан. Почему ты убиваешь меня так несправедливо? Бог потребует этого от тебя!”^[210] Касик из Такубы, заявляя о своей невиновности, заявил, что не желал ничего лучшего, кроме как умереть рядом со своим господином. Несчастные принцы вместе с одним или несколькими низшими дворянами (число которых неизвестно) были затем казнены через повешение на огромных ветвях *сейба*, которые осеняли дорогу.^[211]

Таков был печальный конец Гуаутемозина, последнего императора ацтеков, если мы не могли бы скорее назвать его “последним из ацтеков”; поскольку с этого времени, сломленные духом и лишенные головы, остатки нации почти без борьбы подчинились суровому игу своих угнетателей. Среди всех имен варварских князей немногие имеют право на более высокое место в списке славы, чем имя Гватемаузина. Он был молод, и его общественная карьера была недолгой, но она была великолепной. Он был призван на трон в судорожные и угасающие часы монархии, когда объединенные нации Анауака и свирепый европеец грохотали у ворот столицы. Это был чрезвычайно ответственный пост, но поведение Куаутемозина полностью оправдывало его выбор на этот пост. Никто не может отказать в восхищении бесстрашному духу, который смог продлить оборону своего города, когда от него не осталось камня на камне; и наши симпатии на данный момент неизбежно больше склоняются на сторону грубого вождя, сражающегося таким образом за свободу своей страны, чем на сторону его цивилизованного и успешного противника.^[212]

Рассматривая обстоятельства смерти Куаутемозина, нельзя придавать большого значения выдвинутым против него обвинениям в заговоре. Неудивительно, что индейцы, размышляя о своих обидах и нынешних страданиях, иногда говорили о мести. Но то, что какой-либо химерический план восстания, подобный вышеупомянутому, должен был быть осуществлен или даже санкционирован Гватемалой, совершенно невероятно. Объяснение этого принца, данное Диасом, мягко говоря, столь же заслуживает доверия, как и обвинение индийского информатора.^[213] Недостаток свидетельских показаний и давность времени затрудняют нам в настоящее время решение этого вопроса. У нас есть более надежный критерий истины по мнению тех, кто был очевидцами сделки. Это изложено словами старого хрониста, которого так часто цитируют. “Казнь Гватемалосина, - говорит Диас, - была в высшей степени несправедливой, и все мы сочли ее неправильной”.^[214]

Наиболее вероятным объяснением этого дела, по-видимому, является то, что Куаутемозин был беспокойным и, действительно, грозным пленником. На это намекает сам Кортес в своем Письме императору.^[215] Павший правитель Мексики, благодаря возвышенности своего характера, а также своему предыдущему положению, сохранил влияние на своих соотечественников, которое позволило бы ему, так сказать, одним вздохом поднять их подавленную, а не угасшую враждебность на восстание. Испанцы в первые годы после завоевания жили в постоянном страхе перед восстанием ацтеков. Это очевидно из многочисленных отрывков в писаниях того времени. Именно из тех же опасений Кортес согласился поставить себя в неловкое положение со своим царственным пленником в этой унылой экспедиции. И он относился к нему с таким недоверием, что, даже находясь в Мексике, он не выезжал за границу и, по словам Гомары, не ходил пешком на большие расстояния без сопровождения Гватемалозина.^[216]

Стороны, стоящие в таких отношениях друг к другу, могли быть объектами только взаимного недоверия и неприязни. Жалкое положение испанцев на нынешнем марше, которое в особой степени подвергало их опасности любого внезапного нападения со стороны их коварных индейских вассалов, усилило подозрения Кортеса. Будучи таким образом предрасположенным плохо думать о Гватемалозине, генерал с готовностью выслушал первое обвинение против него.

Обвинения были преобразованы в доказательства, и за обвинениями последовало осуждение. Одним ударом он намеревался навсегда избавить себя и государство от опасного врага, тем более опасного, что это был замаскированный враг. Если бы он только посоветовался со своей собственной честью и добрым именем, голова Куаутемозина была бы последней, на которую он получил бы травму. “Он должен был лелеять его, - позаимствовав простое сравнение своего соратника Гомары, - как золото в салфетке, как лучший трофей своих побед”.^[217]

Каковы бы ни были истинные мотивы его поведения в этом деле, Кортесу, похоже, стало не по себе. Долгое время он был угрюмым и раздражительным, и ему было трудно спать по ночам. Однажды, когда он расхаживал по верхней комнате *теокалли*, в котором он был расквартирован, он оступился в темноте и упал с высоты примерно двенадцати футов на землю, что привело к его сильному ушибу головы — вещь слишком ощутимую, чтобы ее можно было скрыть, хотя он и старался, как мог, скрыть это от солдат.^[218]

Вскоре после печальной сцены казни Гватемалосина измотанные войска вошли в главный город великой провинции Акулан - процветающее сообщество торговцев, которые вели прибыльную торговлю с самыми отдаленными районами Центральной Америки. Кортес в общих чертах отмечает совершенство и красоту зданий, а также гостеприимный прием, который он испытал у местных жителей.

Восстановив свои силы в этих удобных помещениях, испанцы покинули столицу Акулан, названия которой нет ни на одной карте, и продолжили свой трудный путь в направлении того, что сейчас называется озером Петен. В то время это была собственность эмигрантского племени харди майя, и их столица располагалась на острове посреди озера, “с его домами и высокими *теокаллисами*, сверкающими на солнце, - говорит Берналь Диас, - так что их можно было увидеть на расстоянии двух лиг”.^[219] Эти сооружения, построенные одной из рас Юкатана, демонстрировали, несомненно, те же особенности конструкции, что и остатки, которые еще можно увидеть на этом замечательном полуострове. Но какими бы ни были их архитектурные достоинства, Завоеватели избавились от них в краткой фразе.

Жители острова проявили дружелюбие и покорность, непохожие на воинственный нрав их соотечественников с Юкатана. Они охотно слушали испанских миссионеров, сопровождавших экспедицию, поскольку те разъясняли христианские доктрины благодаря вмешательству Марины. Переводчица-индианка присутствовала на протяжении всего этого долгого похода, последнего, в котором она оставалась рядом с Кортесом. Поскольку это тоже последний случай, когда она появляется на этих страницах, я упомяну, прежде чем расстаться с ней, интересное обстоятельство, произошедшее, когда армия пересекала провинцию Коацакуалько. Следует помнить, что это была родина Марины, где ее печально известная мать продала ее, когда она была ребенком, каким-то иностранным торговцем, чтобы передать ее наследство младшему брату. Кортес остановился на несколько дней в этом месте, чтобы провести совещание с окрестными касиками по вопросам правительства и религии. Среди приглашенных на это собрание была мать Марины, которая приехала в сопровождении своего сына. Как только они появились, все были поражены огромным сходством касика с ее дочерью. Обе стороны узнали друг друга, хотя не встречались с тех пор, как расстались. Мать, сильно напуганная, вообразила, что ее заманили в ловушку, чтобы наказать за ее бесчеловечное поведение. Но Марина немедленно подбежала к ней и попыталась развеять ее страхи, заверив, что с ней ничего не случится, и, обращаясь к прохожим, сказала, “что она была уверена, что ее мать не знала, что она сделала, когда продавала ее торговцам, и что она простила ее”. Затем, нежно обняв свою ненормальную родительницу, она подарила ей драгоценности и другие маленькие украшения, которые та носила при себе, чтобы вернуть, как могло показаться, ее утраченную привязанность. Марина добавила, что “теперь, когда ее наставили в христианской вере и отказались от кровавого поклонения ацтекам, она чувствовала себя намного счастливее, чем раньше”.^[220]

В ходе экспедиции в Гондурас Кортес выдал Марину за кастильского рыцаря, дона Хуана Харамильо, [\[221\]](#), с которым она была обручена как его законная жена. За ней были закреплены поместья в ее родной провинции, где она, вероятно, провела остаток своих дней. [\[222\]](#) С этого момента имя Марины исчезает со страницы истории. Но испанцы всегда с благодарностью вспоминали о ней за ту важную помощь, которую она оказала им в осуществлении Завоевания, и местные жители за доброту и сочувствие, которые она проявляла к ним в их несчастьях. Многие индийские баллады прославляют нежные добродетели Малинче — ее ацтекский эпитет. Даже сейчас ее дух, если верить слухам, охраняет столицу, которую она помогла завоевать; и крестьянин иногда пугается появления индийской принцессы, смутно различимой в вечерних тенях, когда она порхает среди рощ и гротов королевского холма Чаполтепек. [\[223\]](#)

От Завоевателя Марина оставила единственного сына, дона Мартина Кортеса. Он пользовался большим уважением и стал *комендадором* ордена Святого Яго. Впоследствии его заподозрили в изменнических замыслах против правительства; и ни выдающиеся заслуги его родителей, ни его собственные заслуги не смогли защитить его от жестокого преследования; и в 1568 году сын Эрнандо Кортеса был позорно подвергнут пыткам в той самой столице, которую его отец приобрел для кастильской короны!

Возвращаясь к нашему отступлению, жители островов Петен внимательно слушали проповеди францисканских монахов и согласились на немедленное разрушение их идолов и воздвижение Креста на их развалинах. [\[224\]](#) Исключительное обстоятельство показало ценность этих поспешных преобразований. Кортес, уезжая, оставил среди этих дружелюбных людей одну из своих лошадей, которая была выведена из строя из-за травмы ноги. Индейцы испытывали благоговение к этому животному, поскольку оно каким-то образом было связано с таинственной силой белых людей. Когда их посетители ушли, они преподнесли коню цветы и, как говорят, приготовили для него множество вкусных блюд из домашней птицы, таких, какими они бы лечили своих собственных больных. На такой необычной диете бедное животное зачахло и умерло. Перепуганные индейцы высекли его изображение из камня и, поместив в одну из своих *теокалис*, воздали ему почести, как божеству. В 1618 году, когда два монаха-францисканца прибыли проповедовать Евангелие в эти края, тогда едва ли более известные испанцам, чем до времен Кортеса, одним из самых замечательных предметов, которые они нашли, была эта статуя лошади, получившая почитание индийских верующих как бога грома и молнии! [\[225\]](#)

Было бы утомительно перечислять все опасности и невзгоды, пережитые испанцами на оставшейся части их путешествия. Это было бы повторением только эпизодов предыдущего повествования, тех же препятствий на их пути, тех же крайних проявлений голода и усталости — лишений, более изматывающих дух, чем встречи с врагом, которые, хотя и более опасны, но и более волнующи. Легче бороться с человеком, чем с Природой. И все же я не должен упустить из виду переход через *Сьерра-де-лос-Педрералес*, “Кремневую гору”, протяженность которой составляет всего двадцать четыре мили, но на ее пересечение ушло не менее двенадцати дней! Острые камни изрезали лошадям ноги, в то время как многие погибли в пропастях и оврагах; так что, когда они достигли противоположной стороны, шестьдесят восемь из этих ценных животных погибли, а остальные были, по большей части, в непригодном состоянии! [\[226\]](#)

Теперь наступил сезон дождей, и потоки воды, лившие днем и ночью, промокли до нитки и усугубили их страдания. Реки, разлившиеся сверх своего обычного объема, неслись со страшной стремительностью, которая не позволяла строить мосты; и с величайшим трудом, перекладывая стволы деревьев с одной огромной скалы на другую, которыми были усеяны эти потоки, они осуществляли опасный переход к противоположным берегам. [\[227\]](#)

Наконец разбитый поезд приблизился к Гольфо Дольче, расположенному в начале Гондурасского залива. Их маршрут, должно быть, пролегал недалеко от Копана, знаменитого города, архитектурные руины которого послужили такими благородными иллюстрациями для карандаша Катервуда. Но испанцы прошли дальше в молчании. И действительно, мы не можем

удивляться, что на этом этапе предприятия они проехали дальше, не обратив внимания на окрестности города в дикой местности, хотя бы он был столь же великолепен, как столица Зенобии; ибо они прибыли почти в пределах видимости испанских поселений, цели их долгого и утомительного паломничества.

Местом, к которому они теперь приближались, был Нако, или Сан-Хиль-де-Буэна-Виста, испанское поселение на Гольфо-Дольче. Кортес продвигался осторожно, готовый напасть на город врасплох. Он продолжал свой путь неторопливой поступью североамериканского индейца, который, пересекая болота, горы и самые запутанные леса, ведомый инстинктом мести, направляется прямо к цели и, достигнув ее, сразу же набрасывается на свою ничего не подозревающую жертву. Прежде чем Кортес предпринял свой штурм, его разведчики, к счастью, наткнулись на нескольких местных жителей, от которых они получили известие о смерти Олида и восстановлении его собственной власти. Поэтому Кортес вошел в это место как друг и был сердечно встречен своими соотечественниками, крайне удивленными, по словам Диаса, “присутствием среди них генерала, столь известного во всех этих странах”.^[228]

В это время колония жестоко страдала от голода; и вскоре он дошел до такой крайности, что войска, вероятно, нашли бы могилу в том самом месте, на которое они смотрели как на цель своих трудов, если бы со стороны моря несвоевременное прибытие судна с припасами с Кубы. С упорством, которое ничто не могло поколебать, Кортес обследовал окружающую местность и потратил еще месяц на изучение мрачных болот, источающих нездоровый пар, зараженных желчной лихорадкой и полчищами ядовитых насекомых, которые не давали покоя ни днем, ни ночью. Наконец он погрузился с частью своих войск на борт двух бригантин и, зайдя в один или два порта залива, бросил якорь у Трухильо, главного испанского поселения на том побережье. Прибой был слишком высок, чтобы он мог легко высадиться на берег; но жители, вне себя от радости при его появлении, бросились на мелководе и с готовностью вынесли генерала на руках на берег.^[229]

Восстановив силы и боевой дух своих людей, неутомимый командир подготовился к новой экспедиции, целью которой было исследовать и уменьшить обширную провинцию Никарагуа. Вполне можно удивляться авантюрному духу человека, который, не сломленный ужасными страданиями своего недавнего похода, так скоро оказался готовым к другому предприятию, столь же ужасному. В наш век трезвого мышления трудно представить себе характер кастильского кавалера шестнадцатого века, подлинный аналог которого было бы нелегко найти ни у одной другой нации, даже в то время, да и вообще где бы то ни было, за исключением тех рыцарских рассказов, которые, какими бы дикими и экстравагантными они ни казались, были гораздо более верны характеру, чем ситуации. Простое возбуждение от исследования странного и неизведанного было достаточной компенсацией испанскому авантюристу за все его труды и испытания. По-видимому, Провидению было угодно, чтобы такая раса людей существовала одновременно с открытием Нового Света, чтобы были выявлены те регионы, которые были окружены опасностями и трудностями настолько ужасающими, что могли бы внушить благоговейный страх и отбить охоту к обычным приключениям. И все же Кортес, хотя и был преисполнен этого духа, ставил перед собой более благородные цели, чем цели простого вульгарного авантюриста. В экспедиции в Никарагуа он намеревался, как и в экспедиции в Гондурас, выяснить ресурсы страны в целом и, прежде всего, наличие каких-либо средств сообщения между великими океанами на ее границах. Если бы ничего подобного не существовало, это, по крайней мере, установило бы этот факт, знание которого, пользуясь его собственным языком, было едва ли менее важным.

Генерал поставил перед собой дальнейшую цель расширения колониальной империи Кастилия. Завоевание Мексики было лишь началом серии завоеваний. Для воина, достигшего этого, ничто не казалось невыполнимым; и вряд ли что-то было бы таковым, если бы его должным образом поддерживали. Не нужно большого напряжения воображения, чтобы представить Завоевателя Мексики, продвигающегося по провинциям обширного перешейка — Никарагуа,

Коста—Рике и Дарьене, - пока он не водрузил свое победоносное знамя на берегах Панамского залива; и пока его там раздували бризы с золотого Юга, земли инков, видеть, как он собирает такие сведения об этой земле, которые побудили бы его простираť свое оружие еще дальше и, возможно, предвосхитить блестящую карьеру Писарро!

Но от этих честолюбивых мечтаний Кортеса внезапно отвлекли такие новости, которые убедили его в том, что его отсутствие в Мексике уже слишком затянулось и что он должен вернуться без промедления, если хочет спасти столицу или страну.

ГЛАВА IV

БЕСПОРЯДКИ В МЕКСИКЕ—ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРТЕСА—НЕДОВЕРИЕ КО ДВОРУ— КОРТЕС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИСПАНИЮ—СМЕРТЬ САНДОВАЛА—БЛЕСТЯЩИЙ ПРИЕМ КОРТЕСА—ОКАЗАННЫЕ ЕМУ ПОЧЕСТИ

1526-1530

Разведданные, упомянутые в предыдущей главе, были переданы кортесу в письме от лиценциата Суасо, одного из чиновников, которому генерал поручил управление страной на время своего отсутствия. В нем содержались подробные сведения о бурных событиях в столице. Не успел Кортес покинуть ее, как между различными членами временного правительства вспыхнули разногласия. Беспорядки усиливались по мере того, как его отсутствие затягивалось. Наконец было получено известие, что Кортес со всей своей армией погиб в болотах Чьяпы. Члены правительства не проявили никакого нежелания поверить в эту историю. Теперь они открыто демонстрировали свою власть; объявили о смерти генерала; организовали похоронные церемонии в его честь; завладели его имуществом везде, где могли его найти, благочестиво выделяя небольшую часть доходов на покупку месс за упокой его души, в то время как остальная часть была присвоена для погашения того, что называлось его долгом государству. Аналогичным образом они наложили арест на имущество других лиц, участвовавших в экспедиции. От этих бесчинств они перешли к другим, направленным против испанских жителей города, пока францисканские миссионеры с отвращением не покинули столицу, в то время как индейское население было настолько жестоко угнетено, что возникли большие опасения по поводу всеобщего восстания. Суазо, сообщивший эти новости, умолял Кортеса ускорить его возвращение. Он был умеренным человеком, и противодействие, которое он оказывал тираническим мерам своих товарищей, было вознаграждено изгнанием.^[230]

Генерал, сильно встревоженный этим сообщением, увидел, что не осталось другой альтернативы, кроме как отказаться от всех дальнейших планов завоевания и немедленно вернуться, если он хочет обеспечить сохранение завоеванной им империи. Соответственно, он принял необходимые меры для организации управления колониями в Гондурасе и с небольшим числом сторонников отправился в Мексику.

Он недолго пробыл в море, когда столкнулся с такой ужасной бурей, которая серьезно повредила его судно и вынудила его вернуться в порт для ремонта. Вторая попытка оказалась столь же безуспешной, и Кортес, чувствуя, что его добрая звезда покинула его, увидел в этой повторяющейся катастрофе намек с Небес на то, что ему не суждено вернуться.^[231] Поэтому он удовлетворился отправкой надежного посыльного сообщить своим друзьям о своей личной безопасности в Гондурасе. Затем он учредил процессии и публичные молитвы, чтобы выяснить волю Небес и умиловить их гнев. Теперь его здоровье давало о себе знать после недавних страданий, и оно пошатнулось из-за изнуряющей лихорадки. Вместе с этим его настроение упало, и он впал в состояние мрачного уныния. Берналь Диас, говоря о нем в это время, говорит, что ничто не могло быть более бледным и изможденным, чем его фигура, и что он был так сильно одержим мыслью о приближающемся конце, что приобрел францисканское облачение, — ибо в рясе того или иного монашеского ордена было обычным делом, — в котором его унесли в могилу.^[232]

Из этой прискорбной апатии Кортеса вывели свежие советы, настоятельно требовавшие его присутствия в Мексике, и разумные усилия его хорошего друга Сандовала, который сам недавно вернулся из поездки во внутренние районы страны. Поддавшись его уговорам, генерал снова согласился попытать счастья на море. Он поднялся на борт бригантины с несколькими последователями и попрощался с гибельными берегами Гондураса 25 апреля 1526 года. Он почти достиг берегов Новой Испании, когда сильный шторм сбил его с курса и погнал к острову Куба.

Пробыв там некоторое время, чтобы набраться сил, он 16 мая снова вышел в море и через восемь дней высадился близ Сан-Хуан-де-Улуа, откуда пешком прошел около пяти лиг до Медельина.

Болезнь настолько изменила Кортеса, что его личность было нелегко узнать. Но как только стало известно, что генерал вернулся, толпы людей, белых и туземцев, стеклись со всех соседних стран, чтобы поприветствовать его. Весть об этом разнеслась повсюду на крыльях ветра, и его прибытие в столицу было триумфальным шествием. Жители съезжались на расстояние восьмидесяти лье, чтобы взглянуть на него, и поздравляли друг друга с прибытием единственного человека, который мог спасти страну от состояния анархии. Это было воскрешение мертвых — так усердно распространялись сообщения о его смерти и так широко им верили. ^[233]

Во всех крупных городах, где он останавливался, его роскошно принимали. Через дорогу были возведены триумфальные арки, а улицы были усыпаны цветами, когда он проезжал. После ночного отдыха в Тецкоко он торжественно въехал в столицу. Муниципалитет вышел приветствовать его, и блестящая кавалькада вооруженных граждан составляла его эскорт; в то время как озеро было покрыто баржами индейцев, все причудливо украшенные своими парадными нарядами, как в день его первого прибытия к ним. Улицы оглашались музыкой, танцами и звуками празднования юбилея, когда процессия направлялась к большому монастырю Святого Франциска, где возносились благодарственные молитвы за благополучное возвращение генерала, который затем решил снова поселиться в своей королевской резиденции. ^[234] Это было в июне 1526 года, когда Кортес вновь вступил в Мексику; прошло почти два года с тех пор, как он покинул ее в своем трудном походе в Гондурас - походе, который не привел ни к каким важным результатам, но отнял почти столько же времени и сопровождался столь же тяжелыми страданиями, как и само завоевание Мексики. ^[235]

Кортес не злоупотребил своим нынешним преимуществом. Он, действительно, возбудил дело против своих врагов; но он следил за ними так вяло, что его обвинили в слабости. Это единственный случай, когда его обвинили в слабости; и, поскольку это было проявлено при заглаживании его собственных травм, можно считать, что это не порочит его репутацию. ^[236]

Ему не позволили долго наслаждаться сладостью триумфа. В июле месяце он получил адизвещение о прибытии на побережье *представителя резиденции*, присланного мадридским судом для временного замещения его в правительстве. Корона Кастилии по мере расширения ее колониальной империи становилась все менее и менее способной следить за своей администрацией. Поэтому оно было вынуждено передать огромные полномочия в руки своих наместников; и, поскольку подозрительность естественным образом сопутствует слабости, оно всегда было готово выслушивать обвинения против этих могущественных вассалов. В таких случаях правительство прибегало к такому способу, как направление комиссара или *судебного пристава*, уполномоченного расследовать поведение обвиняемого, временно отстранить его от должности и после судебного разбирательства восстановить его в должности или вообще отстранить от должности, в зависимости от результатов судебного разбирательства. Враги Кортеса долгое время были заняты тем, чтобы подорвать его влияние при дворе и посеять подозрения в его лояльности в лоне императора. С тех пор как он стал правительством страны, они удвоили свою пагубную деятельность и нападали на его репутацию с самыми грязными обвинениями. Они обвинили его в присвоении в личных целях золота, принадлежавшего короне, и особенно в сокрытии сокровищ Монтесумы. Говорили, что он распространял ложные сведения о завоеванных им провинциях, чтобы обманом лишить казну ее законных доходов. Он распределил главные должности между своими подчиненными и приобрел безграничное влияние не только на испанцев, но и на туземцев, которые все были готовы выполнять его приказы. Он потратил большие суммы на укрепление как столицы, так и своего собственного дворца; и по размаху его планов и приготовлений было очевидно, что он намеревался избавиться от своей лояльности и установить независимый суверенитет в Новой Испании. ^[237]

Правительство, сильно встревоженное этими грозными обвинениями, вероятность которых оно не могло оценить, назначило комиссара, наделенного всеми полномочиями для расследования этого дела. Человеком, избранным на этот деликатный пост, был Луис Понсе де Леон, человек из знатной семьи, молодой для такого поста, но обладавший зрелыми суждениями и отличавшийся умеренностью и справедливостью. Назначение такого министра давало уверенность в том, что корона намерена поступить с Кортесом справедливо.

В то же время император собственноручно написал генералу, советуя ему об этом шаге и заверяя его, что он был предпринят не из-за недоверия к его честности, а для того, чтобы предоставить ему возможность представить эту честность в ясном свете перед миром. ^[238]

Понсе де Леон прибыл в Мексику в июле 1526 года. Кортес и муниципалитет столицы приняли его со всем уважением, и обе стороны обменялись друг с другом любезностями, которые служили предзнаменованием того, что будущие слушания будут проходить в духе согласия. К сожалению, это прекрасное начало было испорчено смертью комиссара через несколько недель после его прибытия, обстоятельством, которое не преминуло стать еще одним пунктом в отвратительной массе обвинений, обрушившихся на Кортеса. Комиссар стал жертвой злокачественной лихорадки, которая унесла жизни нескольких человек, прибывших вместе с ним на судне. ^[239]

На смертном одре Понсе де Леон передал свои полномочия немощному старику, который прожил всего несколько месяцев, {*} и передал бразды правления человеку по имени Эстрада, или Страда, королевскому казначею, одному из офицеров, присланных из Испании для управления финансами, и который был лично враждебен Кортесу. Жители Испании убедили бы Кортеса присвоить себе по крайней мере равную долю власти, на которую, по их мнению, Эстрада не имел достаточного права. Но генерал с необычайной сдержанностью отказался от соперничества в этом вопросе и решил подчиниться более решительному выражению воли своего государя. К его огорчению, кандидатура Эстрады была утверждена; и этот сановник вскоре ухитрился причинить своему сопернику все те неприятности, с помощью которых маленький умишко, обладающий неожиданной властью, пытается утвердить свое превосходство над великим. Рекомендации Кортеса были проигнорированы, его друзья унижены и оскорблены, его слуги возмущены травмами. Один из слуг его друга Сандовалья за какой-то незначительный проступок был приговорен к лишению руки; и когда генерал выразил протест против этих актов насилия, ему было категорически приказано покинуть город! Испанцы, возмущенные таким надругательством, подняли бы оружие на его защиту; но Кортес не допустил сопротивления и, просто заметив, что “хорошо, что те, кто ценой своей крови завоевал столицу, не должны оставаться в ней”, удалился на свою любимую виллу в Кохоуакане, в нескольких милях от города, чтобы дожидаться там результатов этих странных действий. ^[240]

{*} [Этот человек, лицензиат Маркос де Агилар, проявил за время своего короткого пребывания на этом посту гораздо большее рвение и активность, чем можно было бы предположить из незначительного упоминания о нем историками. Прескотт умолчал о том, что принципиальный пункт инструкций, данных Понсе де Леону, касался вопроса о *репартименто* и других методах обращения с индейцами, относительно которых он должен был получить мнения властей и других высокопоставленных лиц, а также доминиканских и францисканских монахов. Сэр Артур Хелпс, заметивший этот факт, добавляет, что это “не привело ни к какому результату”, поскольку инструкции по этому поводу Понсе де Леону были после его смерти “забыты или отложены в сторону”. Но серия документов, опубликованных сеньором Икасбалсетой (Coll . de Doc. para la Hist. de México, том ii), напротив, показывает, что они были быстро и в полном объеме выполнены Агиляром, который считал это основным делом комиссии и, как он писал императору, требующим незамедлительного выполнения, поскольку само существование местного населения зависело от немедленных действий. Соответственно, он проконсультировался со всеми официальными лицами, включая самого Кортеса, других главных жителей города, таких как Альварадо и Сандовал, а также с членами двух религиозных орденов, получив письменные

заклучения, как индивидуальные, так и коллективные, которые он передал вместе со своим собственным докладом императору. Подавляющее большинство опрошенных, включая всех монахов, хотя и расходились во мнениях по некоторым деталям, были единодушны в том, что настаивали на необходимости *репартименто* и рекомендовали передать их по наследству.

Тот же результат последовал за расследованием, начатым в 1532 году и в последующие годы. Среди мнений, высказанных по этому поводу, есть одно, заслуживающее особого внимания как из-за способа его изложения, так и из-за характера автора, — брата Доминго де Батансосу, чья карьера была приятно обрисована, хотя его взгляды по данному вопросу были неверно поняты, сэром Артуром Хелпсом. Он начинает с того, что отмечает, что необходимо иметь в виду три цели: хорошее обращение с туземцами и их сохранение, создание условий для испанских поселенцев и их безопасность, а также увеличение королевских доходов. Надлежащие средства, которые должны быть приняты, также состоят из трех частей: *продление репартименто*, отказ от идеи резервирования определенных *пуэбло*, которые должны принадлежать короне и управляться ее должностными лицами, и назначение хороших губернаторов, поскольку лучшие меры бесполезны, если ими не управлять умело. Возражения против того, чтобы корона оставила за собой какие-либо *пуэбло*, заключаются в том, что офицеры будут заняты исключительно сбором дани, индейцы не получают никакой защиты или религиозного обучения, а обработка почвы будет постоянно приходить в упадок, поскольку никто не будет заинтересован в поддержании или улучшении ее состояния. *repartimientos*, напротив, предоставляя владельцам прямую заинтересованность в лучшей обработке почвы и увеличении численности населения, обеспечит оба этих результата; и хотя при такой системе королевские доходы могут на время уменьшиться, в конце концов они значительно увеличатся за счет общего благоустройства страны. Большим несчастьем было то, что власти внутри страны проводят политику, которая прямо противоречит их собственным намерениям: желая извлечь выгоду, они разрушают; желая обогатиться, они разоряют; желая спасти индейцев, они их истребляют. Нужен человек с умом и решимостью Карла Великого или цезаря, чтобы принять план и осуществить его. Вместо этого проводится курс на бесконечные изменения и эксперименты, похожие на бесконечный судебный процесс. Это верный признак того, что Бог замышляет разрушение, когда люди не в состоянии найти средство правовой защиты. В данном случае благонамеренные и святые люди тщетно искали его. По его мнению, к которому, как он знает, никто не прислушается, система, заключающая в себе наименьшее зло и наибольшее благо, — это система наследственного *репартименто*, которая должна быть установлена раз и навсегда. В более позднем письме он говорит: “Человек, которого меньше всего вводят в заблуждение относительно дел этой страны, — это я, который знает ее судьбу так, как если бы видел ее своими глазами и прикасался к ней руками”. Он предсказывает истребление индейцев в течение пятидесяти лет. Он всегда верил и утверждал, что они погибнут, а законы и меры, основанные на любых других предположениях, были плохими. Самое замечательное, замечает он, явно намекая на Лас Касаса, что люди величайшей святости и рвения к добру — это те, кто причинил больше всего вреда. (Icazbalceta, кол. de Doc. para la Hist. de México, tom. ii.) То, что предсказание Батансосу было опровергнуто этим событием, может быть объяснено целым рядом причин: обширностью страны и сравнительной плотностью коренного населения; социальными и производственными привычками последнего, столь отличными от привычек более северных племен; упадком испанского могущества и того духа завоевания, который, поддерживая постоянный поток эмиграции и пыл предприимчивости, мог привести к конфликту рас; и тщательной защитой, оказываемой индейцам правительством и церковью. Их благосостояние было объектом постоянного расследования и длинной серии законодательных актов. В их случае рабство было полностью отменено. *Репартиментос* стали передаваться по наследству, но права и власть *encomenderos* были тщательно ограничены, а личные услуги, которые поначалу требовались, в конечном итоге были заменены фиксированной данью. Живя вместе сообществами, напоминавшими так много маленьких республик, управляемые своими собственными законами и вождями, направляемые и защищаемые священниками, освобожденные от военной службы и всех

тягот, налагаемых государством на остальное население, индейцы вплоть до периода Независимости составляли отдельный и привилегированный класс, правда, презираемый, но не угнетаемый высшей расой.—К.]

Тем временем подозрения мадридского двора, раздуваемые дыханием клеветы, достигли самой нелепой высоты. Можно было бы предположить, что он воображал, будто генерал организует восстание во всех колониях и замышляет не что иное, как вторжение в метрополию. После получения сведений о том, что из Новой Испании могут вскоре ожидать судно, в различные порты королевства и даже в Португалию были разосланы приказы наложить арест на груз, предполагая, что в нем содержатся денежные переводы семье генерала, принадлежащие короне; в то время как его письма, содержащие наиболее яркий отчет обо всех его действиях и открытиях, было запрещено печатать. К счастью, однако, три письма, составляющие наиболее важную часть переписки Завоевателя, были предоставлены публике несколькими годами ранее неутомимой севильской прессой.

Более того, суд, осознав некомпетентность казначея Эстрады в нынешней деликатной ситуации, теперь доверил все расследование комиссии, удостоенной звания Королевской аудиенции Новой Испании. Этот орган был наделен всеми полномочиями для рассмотрения обвинений, выдвинутых против Кортеса, с инструкциями отправить его обратно, в качестве предварительной меры, в Кастилию, — мирно, если они могли, но принудительно, если необходимо. Все еще опасаясь, что его воинственный вассал может бросить вызов авторитету этого трибунала, правительство прибегло к хитрости, чтобы добиться его возвращения. Президенту Совета индейцев было приказано написать ему, настоятельно призывая его приехать в Испанию, чтобы оправдаться от обвинений его врагов, и предлагая свое личное содействие в его защите. Далее император направил Собравшимся письмо, в котором приказал Кортесу вернуться, поскольку правительство хотело проконсультироваться с ним по вопросам, касающимся Индии, и назначить ему вознаграждение, соответствующее его высоким заслугам. Это письмо предназначалось для показа Кортесу.^[241]

Но было излишним приводить в движение весь этот сложный механизм для осуществления меры, на которую сам Кортес был настроен решительно. Гордо сознавая свою собственную непоколебимую лояльность и пользу, которую он оказал своей стране, он глубоко переживал это недостойное воздаяние им, особенно на самом театре своих достижений. Он решил больше не оставаться там, где подвергался подобным унижениям, а немедленно отправиться в Испанию, предстать перед своим сувереном, смело заявить о своей невиновности и потребовать возмещения причиненных ему обид и справедливого вознаграждения за свои услуги. В конце своего письма императору, подробно описывающего мучительную экспедицию в Гондурас, после подробного описания великолепных планов, которые он вынашивал относительно открытий в Южных морях, и оправдания себя за слишком расточительные расходы, он завершает высокопарным, но трогательным заявлением, “что он надеется, что его Величество со временем признает свои заслуги; но, если этого, к несчастью, не произойдет, мир, по крайней мере, будет уверен в его лояльности, а сам он будет убежден, что выполнил свой долг; и лучшего наследства, чем это, он не попросит для своих детей”.^[242]

Как только о намерении Кортеса стало известно, оно вызвало всеобщую сенсацию по всей стране. Даже Эстрада смягчился; он чувствовал, что зашел слишком далеко и что не в его правилах заставлять своего благородного врага искать убежища на его собственной земле. Были начаты переговоры и предпринята попытка примирения через епископа Тласкалы. Кортес принял эти предложения учтиво, но его решимость была непоколебима. Поэтому, сделав необходимые приготовления в Мексике, он покинул Долину и сразу же направился к побережью. Если бы он лелеял преступное честолюбие, вменяемое ему его врагами, он, возможно, подвергся бы сильному искушению от неоднократных предложений поддержки, которые делались ему, будь то добросовестно или недобросовестно, во время путешествия, если бы он только восстановил власть

и отстоял свою независимость Кастилии. Но эти нелояльные заигрывания он отверг с презрением, которого они заслуживали.^[243]

По прибытии на Виллу Рика он получил болезненное известие о смерти своего отца, дона Мартина Кортеса, которого он надеялся так скоро обнять после его долгого и богатого событиями отсутствия. Отпраздновав свое погребение со всеми знаками сыновнего уважения, он занялся приготовлениями к своему скорейшему отъезду. Два лучших судна в порту были подготовлены и снабжены всем необходимым для длительного плавания. Его сопровождали его друг, верный Сандовал, Тапия и несколько других кавалеров, наиболее преданных его персоне. Он также взял с собой нескольких вождей ацтеков и тлашкаланцев, и среди них сына Монтесумы, а другой - Максикски, дружелюбного старого тлашкаланского сеньора, оба они желали сопровождать генерала в Кастилию. Он привез домой большую коллекцию растений и минералов как образцы природных ресурсов страны; нескольких диких животных и птиц с ярким оперением; различные ткани тонкой работы, особенно великолепную работу из перьев; и множество жонглеров, танцоров и шутов, которые очень удивили европейцев чудесной легкостью своих выступлений и были сочтены подходящим подарком для его Святейшества Папы Римского.^[244] Наконец, Кортес продемонстрировал свое величие в виде богатой коллекции драгоценных камней, среди которых были изумруды необычайного размера и блеска, золота на сумму двести тысяч *песо де орои* полторы тысячи марок серебра. “В общем, - говорит Эррера, - он пришел во всем облике великого сеньора”.^[245]

{*} [Чтобы увеличить численность своей свиты и тем самым произвести впечатление на народ Испании сознанием своей значимости, Кортес предложил бесплатный проезд и содержание всем, кто пожелал сопровождать его ко двору его государя.—М.]

После короткого и благополучного плавания Кортес снова увидел родные берега и, пересекши залив Сальтес, в мае 1528 года вошел в маленький порт Палос (*) — то самое место, где тридцать пять лет назад высадился Колумб, вернувшись с открытия Западного мира. Кортеса не встретили с тем энтузиазмом и всеобщими ликованиями, которые приветствовали великого мореплавателя; и действительно, жители не были готовы к его приезду. Из Палоса он вскоре направился в монастырь Ла Рабида, то самое место, в гостеприимных стенах которого Колумб нашел приют. Историки упоминают интересное обстоятельство, связанное с его кратковременным пребыванием в Палосе. Франсиско Писарро, Завоеватель Перу, прибыл туда, приехав в Испанию просить помощи в своем великом предприятии.^[246] Тогда он был в начале своей блестящей карьеры, а Кортес, можно сказать, в конце своей. Он был старым знакомым и, как утверждается, родственником генерала, мать которого была урожденной Писарро.^[247] Во встрече этих двух выдающихся людей, Завоевателей Севера и Юга в Новом Свете, когда они после своего богатого событиями отсутствия ступили на берега своей родной земли, да к тому же на место, освященное присутствием Колумба, есть нечто, поражающее воображение. Соответственно, это привлекло внимание одного из самых прославленных ныне живущих поэтов, который в кратком, но прекрасном наброске изобразил эту сцену в подлинном колорите эпохи.^[248]

{*} [Сандовал (Карлос V. i. 895) и Гомара (Hist. Мексика, стр. 283) делает вывод, что Кортес высадился во второй половине 1528 года.—М.]

Когда он отдыхал от утомительного путешествия в Ла-Рабиде, произошло событие, которое глубоко огорчило Кортеса и омрачило его возвращение. Так умер Гонсало де Сандовал, его верный друг и так долго сопутствовавший его судьбе. Он заболел в убогой гостинице в Палосе вскоре после высадки; {*} и его болезнь прогрессировала так быстро, что было очевидно, что его телосложение, ослабленное, вероятно, чрезвычайными переутомлениями, которым он подвергался в последние годы, не сможет противостоять ей. Немедленно послали за Кортесом, и он прибыл как раз вовремя, чтобы выразить последние дружеские чувства умирающему кавалеру. Сандовал встретил приближающийся конец со спокойствием и, уделив все внимание, которое позволял

короткий промежуток времени, решению как своих мирских, так и духовных проблем, испустил дух в объятиях своего командира.

{*} [Пока Сандовал беспомощно лежал на своей кровати, в комнату вошел хозяин и, предположив, что он спит, приступил к осмотру его багажа. Пока больной притворялся спящим, чтобы избежать убийства, другой взломал шкатулку с сокровищами, забрал оттуда золотые слитки и бежал со своей добычей в Португалию. Впоследствии никаких его следов обнаружить не удалось.—М.]

Сандовал умер преждевременно в возрасте тридцати одного года.^[249] Он был во многих отношениях самым выдающимся из великих полководцев, сформировавшихся под присмотром Кортеса. Он был из хорошей семьи и уроженец Медельина, также родины генерала, к которому питал самое теплое личное уважение. Кортес вскоре распознал его незаурядные качества и доказал это, равномерно отбирая молодого офицера для выполнения самых сложных заданий. Его поведение в этих случаях полностью оправдывало предпочтение. Он был несомненным любимцем солдат, потому что, хотя и был строг в соблюдении дисциплины, заботился об их удобствах и мало заботился о своих собственных. В нем не было ничего от алчности, столь свойственной кастильским кавалерам, и, казалось, у него не было никаких других амбиций, кроме стремления добросовестно выполнять обязанности своей профессии. Это был простой человек, не отличавшийся ни эффектными манерами, ни храбростью в костюме, которые отличали Альварадо, ацтекского *тонатиу*. Выражение его лица было открытым и мужественным; каштановые волосы густо вились на затылке; телосложение было сильным и жилистым. Он шепелявил, что делало его голос несколько невнятным. Действительно, он не был оратором; но, несмотря на замедленность речи, он был быстр и энергичен в действиях. Он обладал именно теми качествами, которые подходили ему для опасного предприятия, в которое он ввязался. Он выполнил свою задачу и, избежав смерти, которая поджидала его на каждом шагу его пути, вернулся домой, как могло показаться, на свою родину, только для того, чтобы встретить ее там.

Его погребение было совершено со всей торжественностью францисканскими монахами Ла Рабиды, и товарищи, которые так часто стояли рядом с ним в битве, проследовали за его останками к месту их последнего упокоения. Они были похоронены на монастырском кладбище, которое, окруженное сосновым лесом, стояло и еще может стоять на отважном холме, возвышающемся над водной пустошью, которую так недавно пересек отважный солдат.^[250]

Вскоре после этого печального события Кортес и его свита отправились в свое путешествие во внутренние районы страны. Генерал пробыл несколько дней в замке герцога Медина Сидония, самого могущественного из андалузских лордов, который гостеприимно принял его, а при отъезде подарил ему несколько благородных арабских скакунов. Сначала Кортес направился в Гваделупу, где провел девять дней, вознося молитвы и устраивая мессы в храме Богоматери за упокой души своего усопшего друга.

Перед своим отъездом из Ла-Рабиды он написал в суд, уведомив его о своем прибытии в страну. Велика была сенсация, вызванная этим сообщением; тем более, что поздние сообщения о его предательских действиях сделали это совершенно неожиданным. Его прибытие произвело немедленную перемену в настроениях. Теперь все причины для ревности были устранены; и по мере того, как тучи, которые так долго сгущались над королевским умом, рассеивались, император, казалось, стремился только показать свое понимание выдающихся заслуг своего столь грозного вассала. В разные места по пути следования были разосланы приказы предоставить ему подходящее жилье, и были сделаны приготовления к тому, чтобы устроить ему блестящий прием в столице.

Тем временем Кортес познакомился в Гваделупе с несколькими выдающимися людьми, и среди них с семьей *комендадора* Леона, дворянина, пользовавшегося самым большим уважением при дворе. Разговор генерала, обогащенный запасами приключенческой жизни, и его манеры, в которых авторитет привычного командования сменялся откровенной и беспечной свободой

солдата, произвели самое благоприятное впечатление на его новых друзей; а их письма ко двору, где он был еще неизвестен, усилили интерес, уже испытываемый к этому замечательному человеку. Весть о его прибытии к этому времени распространилась далеко по всей стране, и, когда он возобновил свое путешествие, дороги представляли собой зрелище, какого не видели со времен возвращения Колумба. Кортес обычно не слишком щеголял одеждой, хотя ему нравилось демонстрировать пышность великого сеньора в количестве и великолепии своих слуг. Теперь его свита пополнилась индейскими вождями, которые великолепием своих варварских нарядов придавали зрелищу дополнительный блеск, а также новизну. Но его собственная персона была объектом всеобщего любопытства. Дома и улицы больших городов и деревень были заполнены зрителями, жаждавшими посмотреть на героя, который как бы одной рукой завоевал империю для Кастилии и который, по выражению старого историка, “пришел в великолепии не столько великого вассала, сколько независимого монарха”.^[251]

По мере того как он приближался к Толедо, тогдашнему сопернику Мадрида, напор толпы возрастал, пока его не встретили герцог де Бежар, граф де Агилар и другие его верные друзья, которые во главе многочисленной группы знати и всадников города вышли встретить его и проводили в помещения, приготовленные для его проживания. Для Кортеса это был момент гордости; и, хотя он вполне мог не доверять приему соотечественников, это доставило ему большее удовлетворение, чем блестящий въезд, который он совершил несколько лет назад в столицу Мексики.

На следующий день он был допущен на аудиенцию к императору, и Кортес, грациозно преклонив колено, чтобы поцеловать руку своего государя, преподнес ему памятную записку, в которой кратко рассказывалось о его заслугах и вознаграждении, которое он за них получил. Император милостиво воспитал его и задал ему множество вопросов о странах, которые он завоевал. Чарльз был доволен ответами генерала, и его умный ум получил большое удовлетворение, изучая любопытные образцы индейской изобретательности, которые его вассал привез с собой из Новой Испании. В последующих беседах император неоднократно консультировался с Кортесом относительно наилучшего способа управления колониями и по его совету ввел некоторые важные постановления, особенно для улучшения положения туземцев и поощрения отечественной промышленности.

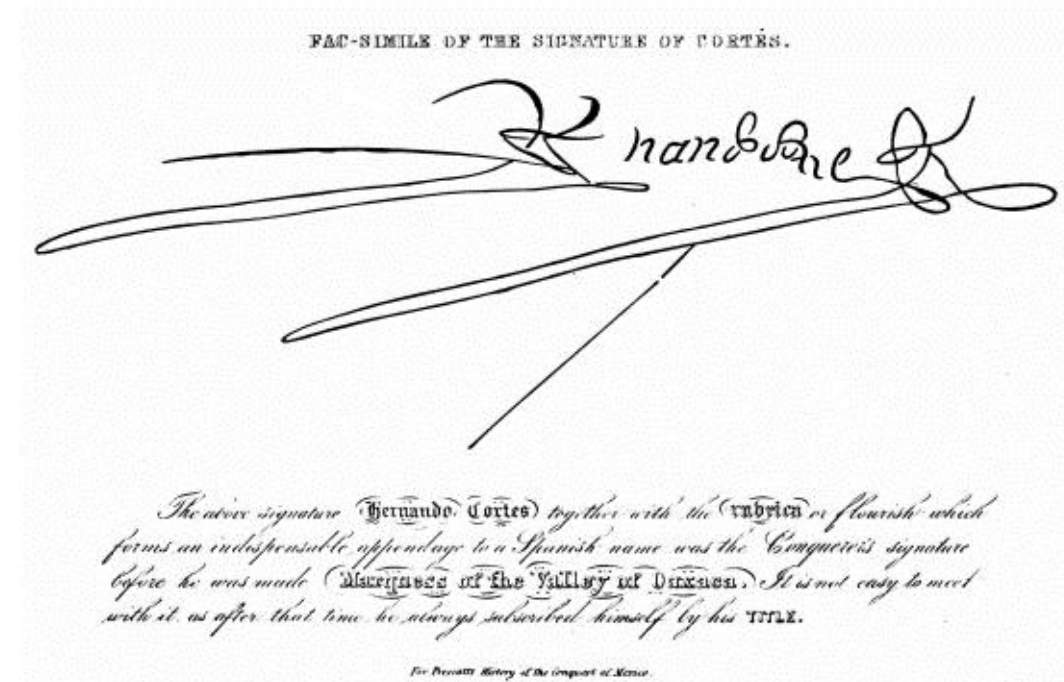
Монарх часто пользовался случаем, чтобы продемонстрировать доверие, которое он теперь питал к Кортесу. На всех публичных мероприятиях он появлялся рядом с ним; и однажды, когда генерал лежал с лихорадкой, Шарль лично нанес ему визит и некоторое время оставался в квартире больного. Это был необычайный знак снисхождения при надменном дворе Кастилии; и историки того времени уделяют этому все большее внимание, которые, по-видимому, рассматривают это как достаточную компенсацию за все страдания и заслуги Кортеса.^[252]

Последний теперь справедливо одержал победу над оппозицией. Придворные с присущим племени живым инстинктом подражали примеру своего повелителя, и даже зависть была безмолвна среди всеобщего почтения, воздаваемого человеку, который так недавно стал мишенью для самой яростной клеветы. Кортес, без титула, без имени, но с тем, что он создал для себя, был сразу же, так сказать, поднят на один уровень с самыми гордыми дворянами страны.

Он добился этого еще более благодаря значительным почестям, которые были оказаны ему его сувереном в течение следующего года. Документом, датированным 6 июля 1529 года, император возвел его в достоинство маркиза долины Оахака,^[253] и титул “маркиз”, когда он используется без имени личности, всегда присваивался в колониях особым образом Кортесу, как титул “адмирал” был у Колумба.^[254]

Два других документа, датированных тем же июлем, закрепляли за Кортесом обширный участок земли в богатой провинции Оахака вместе с крупными поместьями в городе Мехико и других местах Долины.^[255] Предоставленные таким образом княжеские владения включали более двадцати крупных городов и деревень и двадцать три тысячи вассалов. Язык, на котором был

сделан подарок, значительно повышал его ценность. В преамбуле документа, после подробного описания “хороших услуг, оказанных Кортесом при Завоевании, и больших выгод, вытекающих из этого, как в отношении увеличения Кастильской империи, так и продвижения Святой католической веры”, признаются “страдания, которые он претерпел при выполнении этого славного дела, а также верность и послушание, с которыми, как хороший и надежный вассал, он всегда служил короне”.^[256] В заключение в нем заявляется,

ФАКТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ ПОДПИСИ КОРТЕСА.

что оно дарует это воздаяние по его заслугам, потому что “долг князей - чтить и вознаграждать тех, кто хорошо и преданно служит им, чтобы увековечить память об их великих деяниях, а других побудить их примером к совершению подобных прославленных подвигов”. Недвусмысленное свидетельство, данное таким образом его сувереном о своей непоколебимой лояльности, было весьма отрадно для Кортеса, — насколько отрадно, легко оценит каждая великодушная душа, ставшая объектом незаслуженных подозрений. Язык генерала в “послезавтра” показывает, насколько глубоко он был тронут этим.^[257]

И все же на этой шкале была одна ступень, выше которой королевская благодарность не поднималась. Ни уговоры Кортеса, ни герцога де Бежара и других его могущественных друзей не смогли убедить императора восстановить его в правительстве Мексики. Страна, восстановленная в спокойствии, больше не нуждалась в его полководческом гении, чтобы управлять ею; и Карл не хотел снова ставить своего грозного вассала в ситуацию, которая могла бы возродить дремлющую искру ревности и недоверия. Политика короны заключалась в том, чтобы использовать один класс своих подданных для осуществления своих завоеваний, а другой класс - для правления ими. Для последнего отбирались люди, в которых огонь честолюбия был умерен естественной прохладой суждений или трезвым влиянием возраста. Даже Колумбу, несмотря на условия его первоначальной “капитуляции” перед короной, не было позволено руководить колониями; и еще менее вероятно было бы уступить эту власть человеку, обладающему пылким характером Кортеса.

Но, хотя император отказался передать гражданское управление колонией в его руки, он восстановил его в военном командовании. Королевским указом, датированным также июлем 1529 года, маркиз Долины был назначен генерал-капитаном Новой Испании и побережья Южного моря. Он был уполномочен совершать открытия в Южном океане с правом управлять теми землями, которые ему предстояло колонизировать,^[258] и в результате последующего гранта он должен был

стать владельцем одной двенадцатой всех своих открытий.^[259] У правительства не было намерения отказываться от услуг столь способного командира. Но оно осторожно пыталось увести его со сцены его прежних триумфов и открыть дорогу новым амбициям, которые могли бы еще больше побудить его к расширению владений короны.

Таким образом, позолоченный солнцем королевской милости, “соперничающий”, если воспользоваться простым сравнением старого хрониста, “Александру в славе его подвигов и Крассу в славе его богатства”,^[260] с блестящими манерами и человеком, который, хотя и демонстрировал последствия усердной службы, еще не утратил всей привлекательности молодости, Кортес теперь может рассматриваться как предлагающий завидный союз лучшим домам Кастилии. Прошло совсем немного времени, прежде чем он обратился со своими речами, которые были благосклонно приняты, к члену того благородного дома, который так стойко поддерживал его в трудный час его судьбы. Даму звали донья Хуана де Суньига, она была дочерью второго графа де Агилар и племянницей герцога де Бежара.^[261] Она была намного моложе его, красива и, как показали события, не лишена духа. Один из его подарков своей юной невесте вызвал восхищение и зависть более прекрасной части двора. Это были пять изумрудов удивительного размера и блеска. Эти драгоценные камни были огранены ацтеками в форме цветов, рыб и других причудливых форм с изысканным стилем изготовления, который увеличивал их первоначальную ценность.^[262] Они, не я, вероятно, были частью сокровищ несчастного Монтесумы и, будучи легко переносимыми, могли избежать общего крушения *noche triste*. Говорят, что королева Карла Пятого — возможно, это досужие придворные сплетни — изъявила желание стать владелицей некоторых из этих великолепных безделушек; и предпочтение, которое Кортес отдал своей прекрасной невесте, вызвало некоторое отчуждение в королевской семье, что неблагоприятно сказалось на будущей судьбе маркиза.

В конце лета 1529 года Карл Пятый покинул свои испанские владения и перебрался в Италию. Кортес сопровождал его в пути, вероятно, к месту посадки; и в столице Арагона мы находим, что он, по словам национального историка, вызывает у народа такой же всеобщий интерес и восхищение, как и в Кастилии. По возвращении у него, казалось, не было повода дольше затягивать свое пребывание в стране. Он устал от праздной роскошной жизни, которую вел в течение последнего года и которая была так чужда его деятельным привычкам и волнующим сценам, к которым он привык. Поэтому он решил вернуться в Мексику, где его обширное имущество требовало его присутствия и где теперь перед ним открывалось новое поприще для благородного предприятия.

ГЛАВА V

КОРТЕС ВНОВЬ ПОСЕЩАЕТ МЕКСИКУ—УДАЛЯЕТСЯ В СВОИ ПОМЕСТЬЯ—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ С ЦЕЛЮ ОТКРЫТИЙ—ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАСТИЛИЮ—ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ—СМЕРТЬ КОРТЕСА—ЕГО ХАРАКТЕР 1530-1547

ЕТолько весной 1530 года Кортес отплыл в Новую Испанию. Его сопровождали маркиза, его жена, и его престарелая мать, которой посчастливилось дожить до возвышения своего сына, а также великолепная свита пажей и слуг, какая бывает при дворе могущественного вельможи. Как это отличалось от того жалкого положения, в котором двадцать шесть лет назад он был брошен на произвол судьбы, как дикий искатель приключений, в поисках хлеба насущного на воде!

Первым пунктом его назначения была Эспаньола, где он должен был оставаться до тех пор, пока не получит известий об организации нового правительства, которое должно было взять на себя управление Мексикой.^[263] В предыдущей главе было указано, что управление страной было поручено органу, называемому Королевской аудиенцией; одной из первых обязанностей которого было расследование обвинений, выдвинутых против Кортеса. Нуньес де Гусман, его заклятый враг, был поставлен во главе этой комиссии; и расследование велось со всей неприязнью. До сих

пор существует замечательный документ под названием *Pesquisa Secreta*, или “Секретное расследование”, который содержит отчет о судебном разбирательстве против Кортеса. Он был подготовлен секретарем Аудитории и подписан несколькими участниками. Документ очень объемный, занимает почти сотню страниц. Приводятся имена и показания каждого свидетеля, и в целом это представляет собой массу отвратительных подробностей, которые могли бы больше подойти для обвинения в муниципальном суде мелкой инстанции, чем в деле высокопоставленного чиновника короны.

Всего обвинений восемь; они включают, среди прочих преступлений, преднамеренный умысел лишить его верности короне; убийство двух комиссаров, которые были отправлены заменить его; убийство его собственной жены Каталины Суарес;^{[\[264\]](#)} вымогательство и

ПОРТРЕТ ЭРНАНДО КОРТЕСА

Гупиль и К °., Париж

распущенные действия, короче говоря, правонарушения, которые, исходя из их частного характера, по-видимому, имеют мало общего с его поведением как общественного деятеля. Показания расплывчаты и часто противоречивы; свидетели по большей части являются малоизвестными личностями, и те немногие, кто заслуживает внимания среди них, по-видимому, были взяты из рядов его заклятых врагов. Если учесть, что расследование проводилось в отсутствие Кортеса в суде, члены которого были лично настроены к нему недружелюбно, и что ему не было представлено никаких подробностей обвинений и, следовательно, у него не было возможности опровергнуть их, то на таком расстоянии времени невозможно придать какое-либо значение этому документу как юридическому документу. Если добавить, что правительство, которому оно было направлено, не предприняло по этому поводу никаких действий, мы можем быть склонны рассматривать его просто как памятник злобе его врагов. Любопытный антиквар извлек ее из безвестности, в которой она так долго хранилась в индийских архивах в Севилье; но историку от нее не может быть никакой другой пользы, кроме как показать, что громкое имя в шестнадцатом веке подвергло своего владельца такой же злобной клевете, как и в любое другое время с тех пор. ^[265]

Своевольные действия Собравшихся и деспотичное поведение Гусмана, особенно по отношению к индейцам, вызвали всеобщее возмущение в колонии и привели к серьезным

опасениям восстания. Стало необходимым сменить столь безрассудную и беспринципную администрацию. Но Кортес был задержан на острове на два месяца из-за медлительности кастильского двора, прежде чем до него дошла весть о назначении новой аудиенции для правительства страны. Человеком, избранным председательствовать на нем, был епископ Сан-Доминго, прелат, чья признанная мудрость и добродетель служили благоприятным предзнаменованием для руководства его администрацией. После этого Кортес возобновил свое путешествие и высадился на Вилья-Рике 15 июля 1530 года.

Пробыв некоторое время по соседству, где он получил несколько мелких неприятностей от зрителей, он отправился в Тласкалу и публично провозгласил свои полномочия генерал-капитана Новой Испании и Южного моря. Эдикт, изданный императрицей во время отсутствия ее мужа, запрещал Кортесу приближаться ближе чем на десять лиг к мексиканской столице, пока там находились нынешние власти.^[266] Императрица опасалась столкновения между сторонами. Кортес, однако, поселился на противоположном берегу озера, в Тецкоко.

Как только о его прибытии стало известно в столице, множество людей, как испанцев, так и туземцев, пересекли озеро, чтобы засвидетельствовать свое почтение своему старому командиру, предложить ему свои услуги и пожаловаться на многочисленные обиды. Казалось, все население столицы хлынуло в соседний город, где маркиз поддерживал статус независимого властелина. Присутствующие, возмущенные унижительным контрастом, который представлял их собственный уменьшенный двор, наложили суровые наказания на тех туземцев, которых можно было найти в Тецкоко, и, делая вид, что считают себя в опасности, приготовились к обороне города. Но эти воинственные движения были прекращены прибытием новой Аудитории; хотя Гусману хватило адреса, чтобы сохранить свою власть в северной провинции, где он заработал репутацию человека жестокости и вымогательства, не имеющего себе равных даже в анналах Нового Света.

Казалось, теперь все обеспечивало Кортесу спокойное проживание. Новые магистраты относились к нему с заметным уважением и прислушивались к его советам относительно наиболее важных мер государственного управления. К несчастью, такое положение вещей продолжалось недолго; и между сторонами возникло недоразумение в отношении перечисления вассалов, назначенных короной Кортесу, которое, по мнению маркиза, было произведено исходя из принципов, наносящих ущерб его интересам и противоречащих намерениям гранта.^[267] {*} Он был еще более недоволен, обнаружив, что аудитория была наделена их комиссией аналогичной с ним юрисдикцией в военных делах.^[268] Это иногда приводило к вмешательству, которое гордый дух Кортеса, так долго привыкшего к независимому правлению, с трудом переносил. Смирившись с этим на некоторое время, он с отвращением покинул столицу, чтобы больше туда не возвращаться, и поселился в своем городе Куэрнавака.

{*} [Комиссия, назначенная аудиторией для проведения переписи, после многих недель работы над своей задачей, была, наконец, вынуждена сообщить, что провести правильный подсчет невозможно, поскольку удалось обнаружить не более одной пятой предполагаемого населения. Индейцы, по предложению своих вождей, которые все были дружелюбны к Кортесу, уклонились от подсчета и создали как можно больше трудностей на пути счетчиков. —М.]

Это было место, отвоеванное его собственным мечом у ацтеков до осады Мексики. Он стоял на южном склоне Кордильер и выходил окнами на обширные просторы страны, самую красивую и цветущую часть его собственных владений.^[269] Он воздвиг на этом месте величественный дворец и, следовательно, далее сделал этот город своей любимой резиденцией.^[270] Это было удачное место для управления его обширными поместьями, и теперь он посвятил себя приведению их в надлежащий вид. Он привез сахарный тростник с Кубы, и он в изобилии произрастал на плодородной почве соседних низменностей. Он импортировал большое количество мериносовых овец и другого крупного рогатого скота, которые нашли изобильные пастбища в окрестностях Техуантепека. Его земли были густо усеяны тузовыми рощами, которые служили пищей для шелкопряда. Он поощрял выращивание конопли и льна и своим разумным и предприимчивым

хозяйством продемонстрировал способность почвы выращивать ценные продукты, ранее неизвестные в этой стране; и он наилучшим образом использовал эти продукты, построив сахарные заводы и другие предприятия по производству сырья. Таким образом, он заложил фундамент богатства для своей семьи, такого же существенного, хотя и не такого быстрого, как доходы от рудников. Однако он не пренебрегал этим последним источником богатства и добывал золото в районе Теуантепек, а серебро - в Сакатекасе. Количество, добытое из этих рудников, было не таким обильным, как в более поздние времена. Но, с другой стороны, затраты на их обработку были намного меньше на ранних стадиях операции, когда металл лежал намного ближе к поверхности.^[271]

Но такой спокойный образ жизни недолго удовлетворял его беспокойный и склонный к приключениям дух; и он искал выхода, воспользовавшись его новой хартией открытий, чтобы исследовать тайны великого Южного океана. В 1527 году, за два года до своего возвращения в Испанию, он отправил небольшую эскадру на Молуккские острова. Экспедиция имела некоторые важные последствия; но, поскольку они не имеют отношения к Кортесу, рассказ о ней найдет более подходящее место в морских анналах Испании, где он был написан умелой рукой, которая так много сделала для страны в этом департаменте.^[272]

Кортес готовился отправить еще одну эскадру из четырех судов в том же направлении, когда его планы были нарушены визитом в Испанию; и его недостроенный маленький флот из-за злонамеренности Королевской Аудиенции, которая отстранила рабочих, занятых его постройкой, развалился на стапелях. Теперь, в 1532 и 1533 годах, Кортес снарядил две другие эскадрильи и отправил их в эпоху открытий на Северо-Запад.^[273] Им не повезло, хотя в ходе последней экспедиции был достигнут калифорнийский полуостров и осуществлена высадка на его южной оконечности в Санта-Крус, вероятно, современном порту Ла-Пас. Одно из судов, выброшенных на побережье Новой Галисии, было захвачено Гусманом, старым врагом Кортеса, который правил этой территорией, команда была разграблена, а судно задержано в качестве законного приза. Кортес, возмущенный этим безобразием, потребовал справедливости от королевской аудиенции; и, поскольку этот орган был слишком слаб, чтобы приводить в исполнение свои собственные указы в его пользу, он взял возмещение ущерба в свои руки.^[274]

Он совершил быстрый, но трудный поход на Чиаметлу, место разграбления Гусмана; и, поскольку последний не желал встречаться лицом к лицу со своим разъяренным противником, Кортес вернул свое судно, хотя и не груз. Затем к нему присоединилась небольшая эскадра, которую он снарядил из своего собственного порта Теуантепек, — порта, который в шестнадцатом веке обещал занять место, с тех пор занятое Акапулько.^[275] Суда были снабжены всем необходимым для основания колонии во вновь открытом регионе и перевезли четыреста испанцев и *триста негритянских рабов*, которых Кортес собрал для этой цели. С этим намерением он пересек залив, Адриатическое море — с которым его сравнивает один старый писатель — Западного мира.

Наши возможности не позволяют нам вдаваться в подробности этой катастрофической экспедиции, участие в которой не принесло никаких важных результатов ни ее организатору, ни науке. Может быть, достаточно сказать, что, преследуя его, Кортес и его сторонники были доведены голодом до последней крайности; что он снова пересек Залив, был брошен ужасными штормами без лодки, который мог бы вести его, был выброшен на скалы, где его разбитое вдребезги судно едва не разлетелось на куски, и после череды опасностей и катастроф, столь же грозных, как все, с чем он когда-либо сталкивался на суше, ему удалось, благодаря своей неукротимой энергии, благополучно привести свой сумасшедший барк в тот же порт Санта-Крус, из которого он отплыл.

Пока происходили эти события, новая королевская аудиенция, после добросовестного выполнения возложенных на нее поручений, была заменена прибытием вице-короля, первого в истории, посланного в Новую Испанию. Кортес, хотя и был наделен аналогичными

полномочиями, имел титул только губернатора. Это было началом системы, впоследствии примененной короной, поручившей управление колонией какому-либо лицу, чей высокий ранг и личные соображения могли бы сделать его достойным представителем величества. Ревнивый двор не позволял подданному, облеченному такой обширной властью, оставаться достаточно долго на одном и том же посту, чтобы строить опасные амбициозные планы, но по истечении нескольких лет его обычно отзывали или переводили в какую-нибудь другую провинцию огромной колониальной империи. Человеком, которого теперь послали в Мексику, был дон Антонио де Мендоса, человек умеренный и практичный, один из той прославленной семьи, которая в предыдущее царствование снабдила Церковь, лагерь и письма столькими выдающимися украшениями.

Долгое отсутствие Кортеса вызвало глубочайшую тревогу в душе его жены, маркизы Долины. Она написала вице-королю сразу по его прибытии, умоляя его выяснить, если возможно, судьбу ее мужа и, если его удастся найти, настоять на его возвращении. В результате вице-король отправил два корабля на поиски Кортеса, но добрались ли они до него до его отъезда из Санта-Круса, сомнительно. Несомненно, что после долгого отсутствия он благополучно вернулся в Акапулько, и вскоре за ним последовали выжившие из его несчастной колонии.

Ничуть не смущенный этими неоднократными неудачами, Кортес, все еще стремившийся к какому-нибудь открытию, достойному его репутации, снарядил еще три судна и передал их под командование офицера по имени Уллоа. Эта экспедиция, отправившаяся в июле 1539 года, принесла более важные результаты. Уллоа проник до устья залива, затем, вернувшись и обогнув побережье полуострова, обогнул его южную оконечность и поднялся до двадцать восьмого или двадцать девятого градуса северной широты на его западных границах. После этого, отправив домой одну из эскадрилий, отважный штурман продолжил свой курс на север, но о нем больше никто не слышал.^[276]

Так закончились морские предприятия Кортеса, достаточно катастрофические с финансовой точки зрения, поскольку они обошлись ему в триста тысяч *кастельянос* золотом без возврата ни одного дуката.^[277] Ему даже пришлось занять денег и заложить драгоценности своей жены, чтобы собрать средства для последнего предприятия;^[278] таким образом, он влез в долг, который, увеличенный большими расходами на его княжеское заведение, висел над ним всю оставшуюся жизнь. Но, несмотря на катастрофические последствия с экономической точки зрения, его щедрые усилия внесли важный вклад в науку. В ходе этих экспедиций, а также экспедиций, предпринятых Кортесом до его визита в Испанию, Тихий океан был пройден вдоль побережья от Панамского залива до Рио-Колорадо. Огромный полуостров Калифорния был обойден кругосветным плаванием вплоть до острова Седрос, или Серрос, на который с тех пор было искажено название. Этот обширный участок, который, как предполагалось, представлял собой архипелаг островов, теперь оказался частью континента; и его общие очертания, как видно из карт того времени, были изучены почти так же хорошо, как и в наши дни.^[279] Наконец, мореплаватель исследовал глубины Калифорнийского залива, или *Моря Кортеса*, как в честь великого первооткрывателя его более уместно называли испанцы; и он установил, что вместо предполагавшегося ранее выхода на север этот неизвестный океан заключен в объятиях могучего континента. Это были результаты, которые могли бы прославить и удовлетворить амбиции обычного человека; но они теряются в блистательной славе прежних достижений Кортеса.

Несмотря на затруднения маркиза Долины, он все же предпринял новые усилия, чтобы расширить границы своих открытий, и приготовился снарядить еще одну эскадру из пяти судов, которую он предложил передать под командование побочного сына, дона Луиса. Но вице-король Мендоса, чье воображение было воспламенено рассказами странствующего монаха о *Эльдорадо* на севере, заявил о праве открытия в этом направлении. Кортес протестовал против этого, считая это неоправданным вмешательством в его собственные полномочия. Между ними возникали и другие конфликты, пока маркиз, испытывая отвращение к этим постоянным ограничениям его

власти и его предприятий, не обратился за переодеванием в платье в Кастилии.^[280] В конце концов он решил отправиться туда, чтобы лично подтвердить свои претензии и получить, по возможности, вознаграждение за тяжелые расходы, понесенные им в ходе своих морских экспедиций, а также за разграбление его имущества королевской аудиенцией во время его отсутствия в стране; и, наконец, добиться назначения своих вассалов на принципах, более соответствующих первоначальным намерениям гранта. С этими целями он попрощался со своей семьей и, взяв с собой своего старшего сына и наследника, дона Мартина, которому тогда было всего восемь лет, в 1540 году отплыл в Мексику и после благополучного плавания снова ступил на берега своей родной земли.

Император отсутствовал в стране. Но Кортес был с почетом принят в столице, где для него и его свиты были предоставлены просторные помещения. Когда он посетил Королевский совет Индии, чтобы добиться своего, его отличали необычные знаки уважения. Президент подошел к дверям зала, чтобы встретить его, и для него было предоставлено место среди членов Совета.^[281] Но все испортилось в этом бесплодном проявлении вежливости. Правосудие, вошедшее в Поговорку о медлительности Испании, не изменило своей поступи для Кортеса, и по истечении года он оказался не ближе к достижению своей цели, чем в первую неделю после прибытия в столицу.

В следующем, 1541 году мы обнаруживаем, что маркиз Долины отправился добровольцем в достопамятную экспедицию против Алжира. Карл Пятый, вернувшись в свои владения, осадил этот оплот средиземноморских корсаров. Кортес сопровождал войска, предназначенные для встречи с императором, и поднялся на борт корабля адмирала Кастилии. Но яростный шторм рассеял флот, и адмиральский корабль потерпел крушение на побережье. Кортес и его сын спаслись вплавь, но первый в суматохе происшествия потерял бесценный набор драгоценностей, о которых говорилось в предыдущей главе; “потеря, - говорит старый писатель, - из-за которой экспедиция легла большей тяжестью на маркиза Долины, чем на любого другого человека в королевстве, за исключением императора”.^[282]

Нет необходимости перечислять подробности этой катастрофической осады, в ходе которой мусульманская доблесть, подкрепленная стихией, бросила вызов объединенным силам христиан. Был созван военный совет, и было решено отказаться от предприятия и вернуться в Кастилию. Это решение было с негодованием воспринято Кортесом, который предложил, при поддержке армии, самому сократить площадь; и он лишь выразил сожаление, что рядом с ним не было горстки тех доблестных ветеранов, которые служили ему при завоевании Мексики. Но его предложения были высмеяны как предложения романтического энтузиаста. Его не пригласили принять участие в обсуждениях военного совета. Это было явное унижение; но придворные, уставшие от службы, были слишком сильно настроены на немедленное возвращение в Испанию, чтобы рисковать противодействием человека, который, однажды занеся ногу, никогда не поднимал ее снова, пока не достигал своей цели.^[283]

Прибыв в Кастилию, Кортес, не теряя времени, подал иск императору. Его прошения были приняты монархом с вежливостью — холодной вежливостью, которая не содержала уверенности в своей искренности. Его позиция существенно изменилась со времени его предыдущего визита в страну. Прошло более десяти лет, и теперь он был слишком преклонных лет, чтобы надеяться на плодотворную деятельность в будущем. Действительно, его начинания в последнее время были исключительно неудачными. Даже его прежние успехи подверглись пренебрежению, естественному для человека с убывающим состоянием. Их уже затмили великолепные достижения в Перу, которые хлынули в страну золотым приливом, составлявшим разительный контраст с потоками богатства, которые до сих пор лишь в незначительной степени поступали из серебряных рудников Мексики. Кортесу пришлось усвоить, что благодарность суда имеет гораздо большее отношение к будущему, чем к прошлому. Он находился в положении назойливого поклонника, чьи требования, какими бы справедливыми они ни были, слишком велики, чтобы их можно было

легко удовлетворить. Он обнаружил, подобно Колумбу, что можно заслужить слишком многого.^[284]

В феврале 1544 года он обратился к императору с письмом — это было последнее, что он когда-либо писал ему, - требуя его внимания к своему костюму. Он начинает с гордого упоминания о своих прошлых заслугах перед короной. “Он надеялся, что труды молодости обеспечат ему покой в старости. В течение сорока лет он проводил свою жизнь, почти не высыпаясь, плохо питаясь и постоянно держа руки вдоль тела. Он добровольно подвергал свою личность опасности и тратил все свое состояние на исследование далеких и неизвестных регионов, чтобы распространить имя своего государя по всему миру и привести под свой скипетр многие великие и могущественные нации. Все это он сделал не только без помощи из дома, но и перед лицом препятствий, воздвигнутых на его пути соперниками и врагами, которые, как пиявки, жаждали его крови. Теперь он был стар, немощен и обременен долгами. Лучше бы ему было не знать о либеральных намерениях императора, на что намекали его пожалования; поскольку тогда он посвятил бы себя заботе о своих поместьях и не был бы вынужден, как сейчас, бороться с чиновниками короны, от которых защититься было труднее, чем отвоевать землю у врага”. В заключение он умоляет своего монарха “приказать Совету Индии совместно с другими трибуналами, которые рассматривали его иски, принять решение; поскольку он был слишком стар, чтобы скитаться как бродяга, но скорее должен был в течение короткого остатка своей жизни оставаться в доме и сводить счета с Небесами, занятый заботами о своей душе, а не о своем имуществе”.^[285]

Это обращение к своему суверену, в котором есть что-то трогательное от человека с таким надменным духом, как у Кортеса, не ускорило принятие решения по его иску. Он все еще оставался при дворе из недели в неделю, из месяца в месяц, обманутый обманчивыми надеждами истца, испытывая всю ту горечь души, которая возникает из-за отложенной надежды. Еще через три года, проведенных за этим невыгодным и унижительным занятием, он решил покинуть свою неблагодарную страну и вернуться в Мексику.

Он добрался в сопровождении сына до Севильи, когда заболел несварением желудка, вызванным, вероятно, раздражением и душевным расстройством. Это закончилось дизентерией, и его силы так быстро ослабли из-за болезни, что было очевидно, что его земная карьера подходит к концу. Он подготовился к этому, приняв необходимые меры для улаживания своих дел. Некоторое время назад он составил свое завещание и теперь исполнил его. Это очень длинный документ, и в некоторых отношениях он примечателен.

Большая часть его имущества перешла к его сыну, Дону Мартину, которому тогда было пятнадцать лет. В завещании он устанавливает свое совершеннолетие в двадцать пять лет; но в двадцать лет его опекуны должны были предоставить ему весь его доход, чтобы содержать состояние, соответствующее его рангу. В документе, прилагаемом к завещанию, Кортес указал имена агентов, которым он поручил управление своими обширными поместьями, разбросанными по множеству разных провинций; и он просит своих душеприказчиков подтвердить назначение, поскольку эти агенты были выбраны им, зная об их особой квалификации. Ничто не может лучше показать тщательный надзор, который в разгар насущных общественных забот он уделял деталям своей обширной собственности.

Он щедро заботится о других своих детях и выделяет щедрое пособие нескольким старым слугам в своем доме. Другим пунктом он раздает значительные суммы на благотворительность и использует доходы от своих поместий в городе Мехико для основания и постоянного финансирования трех государственных учреждений: больницы в столице, которая должна была быть посвящена Богородице Зачатия, колледжа в Кохохуакане для обучения миссионеров для проповеди Евангелия среди местных жителей, и женского монастыря там же для монахинь. В часовню этого монастыря, расположенного в его любимом городе, он приказывает перевезти для погребения его собственное тело, в какой бы части света ему ни довелось умереть.

Заявив, что он приложил все возможные усилия, чтобы установить размер дани, ранее выплачивавшейся его индийскими вассалами своим туземным суверенам, он предписывает своему наследнику, что в случае, если будет установлено, что сумма, которую они до сих пор выплачивали, превысит правильную оценку, он восстановит ее в полном эквиваленте. В другом пункте он выражает сомнение, правильно ли требовать личной службы от туземцев, и приказывает провести строгое расследование характера и ценности таких услуг, которые он получил, и что во всех случаях за них должна быть предусмотрена справедливая компенсация. Наконец, он делает это замечательное заявление: “Долгое время стоял вопрос, можно ли сознательно владеть собственностью на индийских рабов. Поскольку этот пункт еще не определен, я предписываю моему сыну Мартину и его наследникам не жалеть усилий для точного познания истины; поскольку этот вопрос глубоко волнует совесть каждого из них не меньше, чем мою”.^[286]

Такие угрызения совести, которых нельзя было ожидать от Кортеса, еще реже встречались у испанцев более позднего поколения. Общественное мнение по великому вопросу о рабстве в шестнадцатом веке, в начале становления системы, имеет некоторое сходство с тем, что существует в наше время, когда мы можем надеяться, что оно приближается к своему завершению. Лас Касас и доминиканцы прежней эпохи, аболиционисты своего времени, разразились бескомпромиссными нападками на систему на широком основании естественного равенства и прав человека. Огромная масса собственников мало забивала себе голову вопросом права, но была удовлетворена целесообразностью этого учреждения. Другие, более внимательные и добросовестные, хотя и признавали зло, находили аргумент в пользу терпимости к нему в ссылке на необходимость, считая телосложение белого человека в условиях знойного климата неравноценным для труда по возделыванию земли.^[287] В одном важном отношении состояние рабства в шестнадцатом веке существенно отличалось от его состояния в девятнадцатом. В первом случае семена зла, посеянные недавно, можно было бы искоренить со сравнительно небольшим трудом. Но в наше время они пустили свои корни глубоко в социальную систему, и с ними нельзя грубо обращаться, не сотрясая сами основы политической структуры. Легко представить, что человек, признающий всю убогость института и его несправедливость по отношению к человечеству, может, тем не менее, колебаться в выборе лекарства, пока не убедится, что само лекарство не хуже болезни. В том, что такое средство придет со временем, может сомневаться тот, кто уверен в конечном преобладании права и прогрессивной цивилизации своего вида?

Кортес называет своими душеприказчиками и опекунами своих детей герцога Медина Сидония, маркиза Асторга и графа Агилара. В качестве своих душеприказчиков в Мексике он назначает свою жену маркизу, архиепископа Толедского и двух других прелатов. Завещание было исполнено в Севилье 11 октября 1547 года.^[288]

Чувствуя, что по мере того, как он слабел, ему очень мешало присутствие посетителей, которым он неизбежно подвергался в Севилье, он удалился в соседнюю деревню Кастильеха-дела-Куэста, где его сопровождал сын, который с сыновней заботой ухаживал за своим умирающим родителем.^[289] Кортес, похоже, размышлял о своем приближающемся конце с хладнокровием, которое не всегда можно найти у тех, кто равнодушно встречал смерть на поле боя. Наконец, благочестиво исповедавшись в своих грехах и приняв причастие, он скончался 2 декабря 1547 года на шестьдесят третьем году жизни.^[290]

Жители соседней страны стремились проявить всяческое уважение к памяти Кортеса. Его похороны были отпразднованы с должной торжественностью длинной вереницей андалузской знати и граждан Севильи, и его тело было перевезено в часовню монастыря Сан-Исидро в этом городе, где оно было положено в семейный склеп герцога Медина-Сидония.^[291] В 1562 году по приказу его сына дона Мартина оно было перевезено в Новую Испанию, но не в Кохоуакан, как было предписано его завещанием, {*} а в монастырь Святого Франциска в Тецкоко, где оно было положено рядом с дочерью и его матерью, Доньей Каталиной Писарро. В 1629 году останки Кортеса были снова вывезены; и после смерти дона Педро, четвертого маркиза Долины, власти

Мексика приняла решение перенести их в церковь Святого Франциска в этой столице. Церемония была проведена с подобающей случаю помпой. Была сформирована военно-религиозная процессия во главе с архиепископом Мексики. Его сопровождали великие сановники церкви и государства, различные ассоциации с их соответствующими знаменами, несколько религиозных братств и присутствующие. Гроб с мощами Кортеса был покрыт черным бархатом, и его поддерживали судьи королевских трибуналов. По обе стороны от него стояли люди в полном вооружении, державшие справа белоснежный штандарт с гербом Кастилии, вышитым золотом, а слева знамя из черного бархата, украшенное таким же образом гербовыми знаками дома Кортесов. За трупом следовал вице-король и многочисленный эскорт испанских кавалеристов, а тыл замыкал батальон пехоты, вооруженный пиками и аркебузами, со своими знаменами, волочащимися по земле. С этой похоронной помпой, под звуки заунывной музыки и медленный бой приглушенного барабана процессия размеренным шагом двинулась вперед, пока не достигла столицы, где ворота были распахнуты, чтобы принять бранные останки героя, который столетием ранее проявил здесь такую чудеса доблести.

{*} [Это может быть объяснено тем фактом, что его намерение основать монастырь в Кайоакане, как теперь называется это место, по словам Аламана, так и не было осуществлено.— К.]

Однако его костям не позволили покоиться здесь в нетронутым виде, и в 1794 году они были перевезены в больницу Иисуса Назаретского. Это было более подходящее место, поскольку это было то же самое учреждение, которое под названием “Богородица Зачатия” было основано и одарено Кортесом и которое, несмотря на судьбу, не слишком частую в подобных благотворительных организациях, по сей день управляется на благородных принципах своего основания. Истлевшие мощи воина, ныне помещенные в хрустальный гроб, укрепленный решетками и серебряными пластинами, были положены в часовню, а над ними был воздвигнут простой памятник с изображением фамильного герба и увенчанный бюстом Завоевателя, выполненным из бронзы Толсой, скульптором, достойным лучшего периода искусства. [\[292\]](#)

К несчастью для Мексики, история на этом не заканчивается. В 1823 году толпа патриотов столицы, в своем рвении почтить память об эпохе национальной независимости и своей ненависти к “старым испанцам”, приготовилась вскрыть гробницу, в которой покоился прах Кортеса, и развеять его по ветру! Власти отказались вмешиваться в это дело; но друзья семьи, как обычно сообщают, проникли ночью в склеп и, тайно вынув реликвии, предотвратили совершение святотатства, которое, должно быть, оставило пятно, которое нелегко стереть, на гербе прекрасного города Мехико. [\[293\]](#) Гумбольдт сорок лет назад заметил, что “мы можем пересечь Испанскую Америку от Буэнос-Айреса до Монтеррея и нигде не встретим национального памятника, воздвигнутого в знак общественной благодарности Христофору Колумбу или Эрнандо Кортесу”. [\[294\]](#) Замысел нарушить покой мертвых и надругаться над их останками был оставлен за нашим веком! Однако люди, замышлявшие это злодеяние, не были потомками Монтесумы, мстившими за обиды своих отцов и отстаивавшими свое собственное законное наследие. Они были потомками старых завоевателей и их соотечественниками, в зависимости от права завоевания получавших свое окончательное право на землю. [\[295\]](#)

У Кортеса не было детей от первого брака. Вторым он оставил четверых: сына, Дона Мартина, — наследника своих почестей и преследований, еще более суровых, чем у его отца, [\[296\]](#) — и трех дочерей, которые заключили великолепные союзы. Он оставил также пятерых внебрачных детей, которых он особо упоминает в своем завещании и достойно обеспечивает. Двое из них, дон Мартин, сын Марины, и дон Луис Кортес, достигли значительных успехов и были созданы *комендадорами* ордена Святого Яго. [\[297\]](#)

Мужская линия маркизов Долины вымерла в третьем поколении. Титул и поместья перешли к женщине, и благодаря ее браку были объединены с титулами дома Терранова, потомков “Великого капитана” Гонсалво де Кордовы. [\[298\]](#) В результате последующего брака они перешли в

семью герцога Монтелеоне, неаполитанского дворянина. Нынешний обладатель этих княжеских почестей и обширных владений как в Старом, так и в Новом Свете живет на Сицилии и может похвастаться происхождением, каким могут похвастаться немногие принцы, от двух самых прославленных военачальников шестнадцатого века, “Великого полководца” и Завоевателя Мексики.

.....

Личная история Кортеса была так подробно описана в предыдущем повествовании, что необходимо будет лишь коснуться наиболее выдающихся черт его характера. Действительно, история Завоевания, как я уже имел случай отметить, обязательно повествует о Кортесе, который, если можно так выразиться, является не просто душой, но и телом предприятия, присутствуя повсюду лично, в гуще сражения или на строительстве укреплений, со своим мечом или мушкетом, иногда руководя своими солдатами, а иногда руководя своим маленьким флотом. Переговоры, интриги, переписка - все это ведется им; и, подобно Цезарю, он писал свои собственные комментарии в разгар волнующих сцен, которые составляют их тему. Его характер отмечен самыми противоположными чертами, охватывающими качества, по-видимому, самые несовместимые. Он был скуп, но либеральен; смел до отчаяния, но осторожен и расчетлив в своих планах; великодушен, но очень хитер; учтив и приветлив в своем поведении, но неумолимо суров; расплывчат в своих представлениях о морали, но (что не редкость) печальный фанатик. Замечательной чертой его характера было постоянство цели; постоянство, которое не пугало ни перед опасностью, ни перед разочарованием, ни перед тем, как устать от препятствий и отсрочек.

Он был странствующим рыцарем в буквальном смысле этого слова. Из всей шайки отважных кавалеров, которых Испания в шестнадцатом веке отправила на путь открытий и завоеваний, не было никого, кто был бы так глубоко проникнут духом романтической предприимчивости, как Эрнандо Кортес. Опасности и трудности, вместо того чтобы отпугивать, казалось, обладали в его глазах очарованием. Они были необходимы, чтобы пробудить в нем полное осознание своих сил. Он боролся с ними с самого начала и, если можно так выразиться, казалось, предпочитал подходить к своим предприятиям с самой трудной стороны. В первый момент своего прибытия в Мексику он задумал план ее завоевания. Когда он увидел силу ее цивилизации, он не отказался от своей цели. Когда на него напали превосходящие силы Нарваэса, он все еще упорствовал в этом; и когда он был изгнан в разорении из столицы, он все еще лелеял свою первоначальную идею. Мы видели, насколько успешно он привел это в исполнение. После нескольких лет покоя, последовавших за Завоеванием, его дух авантюриста толкнул его на этот унылый переход через болота Чьяпы, а после еще одного перерыва - искать счастья в бушующем Калифорнийском заливе. Когда он обнаружил, что ему не осталось другого континента для завоевания, он сделал серьезные предложения императору снарядить флот за свой счет, с которым он отправится на Молуккские острова и покорит острова Пряностей для короны Кастилии!^[299]

Этот дух странствующего рыцаря может заставить нас недооценивать его таланты как полководца и рассматривать его просто как удачливого авантюриста. Но это было бы несправедливо по отношению к нему, ибо Кортес, безусловно, был великим полководцем, если этот человек добивается великих свершений с помощью ресурсов, созданных его собственным гением. Вероятно, в истории нет примера, когда столь масштабное предприятие было достигнуто средствами, на первый взгляд столь неадекватными. Можно с уверенностью сказать, что он осуществил Завоевание своими собственными силами. Если своим успехом он был обязан сотрудничеству индейских племен, то именно сила его гения позволила ему овладеть такими материалами. Он остановил руку, занесенную, чтобы ударить его, и заставил ее сражаться за себя. Он разбил тлашкаланцев и сделал их своими верными союзниками. Он разбил солдат Нарваэса и благодаря этому удвоил свои эффективные силы. Когда его собственные люди покинули его, он не дезертировал сам. Он постепенно отвлекал их назад и заставлял действовать по его воле, пока все они не стали как один человек. Он собрал самую разношерстную группу наемников, которые

когда—либо сражались под одним знаменем: авантюристов с Кубы и Островов, жаждущих золота; идалго, приехавших из старой родины, чтобы снискать лавры; разорившихся кавалеристов, надеявшихся поправить свое состояние в Новом Свете; бродяг, скрывающихся от правосудия; алчных последователей Нарваэса и его собственных безрассудных ветеранов - людей, которых почти не связывали общие узы и которые горели духом зависти и фракционности; дикие племена туземцев со всех концов страны, которые были убиты. заклятые враги с пеленок, которые встречались только для того, чтобы перерезать друг другу глотки и добыть жертвы для жертвоприношения; короче говоря, люди, отличающиеся по расе, языку и интересам, между которыми почти нет ничего общего. И все же это разношерстное собрание было собрано в одном лагере, вынужденное подчиниться воле одного человека, жить вместе в гармонии, дышать, так сказать, одним духом и руководствоваться общим принципом действия! Именно в этой удивительной власти над несогласованными массами, собравшимися таким образом под его знаменем, мы признаем гений великого полководца не меньше, чем в мастерстве его военных операций.

Его власть над умами солдат была естественным результатом их уверенности в его способностях. Но это также следует приписать его популярным манерам — тому счастливому союзу власти и товарищества, который позволил ему командовать бандой бродячих авантюристов. Ему не следовало бы огораживаться величественной сдержанностью командующего регулярными войсками. Он был вовлечен вместе со своими людьми в обычное приключение и почти на равных условиях, поскольку занимал свой пост без каких-либо законных оснований. Но, хотя он и потворствовал этой свободе и фамильярности со своими солдатами, он никогда не позволял этому мешать их строгому повиновению или ослаблять суровость дисциплины. Когда он достиг более высокого положения, хотя и больше влиял на государство, он все еще поддерживал со своими ветеранами ту же близость. “Он предпочитал, - говорит Диас, - чтобы мы называли его ”Кортес“, а не каким-либо другим титулом; и не без оснований, - продолжает восторженный старый кавалерист, - ибо имя Кортеса в наши дни так же известно, как имя Цезаря у римлян или Ганнибала у карфагенян”.^[300] Он проявил такое же доброе отношение к своим старым товарищам в самом последнем поступке своей жизни. Ибо своим завещанием он выделил определенную сумму на проведение двух тысяч месс за упокой душ тех, кто сражался вместе с ним в кампаниях в Мексике.^[301]

Его характер бессознательно прорисован рукой мастера:

И часто *вождь*

соизволил прийти на помощь

И окунуться в вызванное ими веселье;

Ибо, хотя и с людьми высокого положения

Гордейшим из гордых был он,

Тем не менее, обученный в лагерях, он владел этим искусством

Завоевать отважные сердца солдат.

Они любят, когда капитану подчиняются,

Шумный, как март, но свежий, как май;

С открытой рукой и таким же свободным челом,

Любитель вина и менестрелей;

Когда-либо первым взбиравшийся на башню,

Как отважный в дамской беседке;—

Такой пышнотелый вождь должен вести свое войско

От индийских пожаров до морозов Земблы”.

Кортес, не прибегая к особому насилию, мог бы позировать для этого портрета Мармион.

Кортес не был вульгарным завоевателем. Он побеждал не из простого стремления к завоеванию. Если он разрушил древнюю столицу ацтеков, то лишь для того, чтобы построить на ее руинах еще более великолепную столицу. Если он опустошил страну и разрушил ее существующие институты, то использовал короткий период своего правления для обдумывания планов по внедрению там более совершенной культуры и более высокой цивилизации. Во всех своих экспедициях он тщательно изучал ресурсы страны, ее социальную организацию и физические возможности. Он приказал своим капитанам уделять особое внимание этим объектам. Если он и был жаден до золота, как большинство испанских кавалеров в Новом Свете, то не для того, чтобы копить его или просто расточать на поддержку королевского истеблишмента, а для того, чтобы получить средства для продолжения своих славных открытий. Станьте свидетелем его дорогостоящих экспедиций в Калифорнийский залив. Его предприятия предпринимались не только из корыстных побуждений; как показывают различные экспедиции, которые он предпринимал для открытия сообщения между Атлантикой и Тихим океаном. В своих честолюбивых планах он проявлял уважение к интересам науки, что отчасти объясняется природным превосходством его ума, но отчасти, без сомнения, влиянием раннего образования. В самом деле, едва ли возможно, чтобы человек с его своенравным и переменчивым нравом смог улучшить свои преимущества в университете; но он привнес оттуда налет учености, редко встречающийся среди кавалеров того времени, и который оказал свое влияние на расширение его собственных представлений. Его знаменитые письма написаны с простой элегантностью, которая, как я уже имел случай отметить, заставила сравнить их с военным повествованием цезаря. Нелегко будет найти в хрониках того периода более краткое, но всеобъемлющее изложение не только событий его кампаний, но и обстоятельств, наиболее достойных внимания в характере завоеванных стран.

Кортес не был жестоким; по крайней мере, не жестоким по сравнению с большинством тех, кто занимался его торговлей железом. Путь завоевателя обязательно отмечен кровью. На самом деле он был не слишком щепетилен в осуществлении своих планов. Он сметал препятствия, стоявшие на его пути; и его слава омрачена совершением более чем одного поступка, который его самым смелым апологетам будет трудно оправдать. Но он не был бессмысленно жесток. Он не позволял себе оскорблять своих сопротивляющихся врагов. Это может показаться незначительной похвалой, но это исключение из обычного поведения его соотечественников в их завоевательных походах, и это то, что нужно опережать свое время. Можно добавить, что он был суров, добиваясь подчинения своим приказам для защиты их личности и имущества. Со своей распушенной командой он иногда поступал так не без риска. После завоевания он санкционировал систему *репартименто*; но то же самое сделал и Колумб. Он пытался регулировать это с помощью самых гуманных законов и продолжал предлагать множество важных изменений для улучшения

положения туземцев. Лучшим комментарием к его поведению в этом отношении является уважение, которое проявляли к нему индейцы, и доверие, с которым они обращались к нему за защитой во всех своих последующих бедствиях. В личной жизни он, по-видимому, обладал способностью тепло привязывать к себе тех, кто был рядом с ним. Влияние его привязанности проявляется на каждой странице Берналя Диаса, хотя его работа была написана для того, чтобы оправдать притязания солдат в противовес притязаниям генерала. Судя по всему, он вел счастливую жизнь со своей первой женой в их скромном уединении на Кубе и относился ко второй, судя по выражениям в его завещании, с доверием и любовью. И все же он не может быть освобожден от обвинения в той распушенной галантности, которая слишком часто входила в характер военного авантюриста того времени. Судя также по частым судебным процессам, в которых он был замешан, он отличался раздражительным и склочным характером. Но следует делать большую скидку на раздражительность человека, который слишком долго привык к независимому правлению, терпеливо сносить проверки и контроль мелких личностей, неспособных понять благородный характер его предприятий. “Он думал, ” говорит выдающийся писатель, - заставить замолчать своих врагов блестящей новой карьерой, на которую он вступил. Он не задумывался о том, что эти враги были воспитаны самим величием и быстротой его успеха”.^[302] Он был вознагражден за свои усилия неправильным толкованием его мотивов; клеветническими обвинениями в разбазаривании государственных доходов и стремлении к независимому суверенитету. Но, хотя мы можем признать обоснованность многих претензий, заявленных Кортесом, все же, когда мы рассматриваем ворчливый тон его переписки и частоту судебных разбирательств, у нас может возникнуть естественное подозрение, что его гордый дух был слишком чувствителен к мелким обидам и слишком ревниво относился к воображаемым обидам.

Остается отметить еще одну черту в характере этого замечательного человека; это его фанатизм, недостаток эпохи, — ибо, несомненно, это следует называть только недостатком.^[303] Когда мы видим руку, красную от крови несчастного туземца, поднятую, чтобы призвать благословение Небес на дело, которое она отстаивает, мы испытываем нечто вроде чувства отвращения к этому поступку и сомнения в его греховности. Но это несправедливо. Мы должны вернуться назад (это нельзя повторять слишком часто), в эпоху Крестовых походов. Ибо каждый испанский кавалерист, какими бы грязными и эгоистичными ни были его личные мотивы, чувствовал себя солдатом Креста. Многие из них погибли бы, защищая его. Тот, кто читал переписку Кортеса или, тем более, обращал внимание на обстоятельства его карьеры, вряд ли усомнится в том, что он был бы одним из первых, кто отдал бы свою жизнь за Веру. Он не раз подвергал опасности жизнь, состояние и успех всего своего предприятия из-за того, что преждевременно и самым невежливым образом принуждал туземцев к обращению в христианство.^[304] Более рациональному духу наших дней, просвещенному более чистым христианством, может показаться трудным примирить грубые отклонения от морали с такой преданностью делу религии. Но религия, которой учили в те дни, была формальной и тщательно продуманной церемонией. Из-за педантичного внимания к дисциплине духу христианства было позволено испариться. Ум, занятый формами, мало думает о содержании. В богослужении, которое адресовано исключительно чувствам, часто бывает так, что мораль отделяется от религии, и мера праведности определяется вероучением, а не поведением.

В предыдущей части Истории я дал описание личности Кортеса.^[305] Возможно, будет неплохо завершить этот обзор его характера рассказом о его манерах и личных привычках, оставленным нам Берналем Диасом, старым хронистом, который сопровождал нас на протяжении всего нашего повествования и который теперь может достойно завершить его. Никто не знал своего командира лучше; и, если общепризнанная цель его работы могла естественным образом привести к пренебрежению к Кортесу, это более чем уравнивается теплотой его личной привязанности и тем *корпусным духом*, который заставляет его гордиться славой своего генерала.

“Всем своим видом и осанкой, ” говорит Диас, - в своих речах, за столом, в одежде, короче говоря, во всем он производил впечатление великого лорда. Его одежда соответствовала моде того времени; он мало ценил шелк, дамаст или бархат, но одевался просто и чрезвычайно опрятно;^[306] он носил не массивные золотые цепи, а просто изящную, изысканной работы, на которой был подвешен драгоценный камень с изображением Богоматери Девы Марии и ее драгоценного Сына с вырезанным на нем латинским девизом. На пальце у него было великолепное кольцо с бриллиантом, а на его фуражке, которая, по моде того времени, была бархатной, висела медаль, устройства которой я не помню. Ему, как и подобает человеку его ранга, великолепно прислуживали камергеры, мажордомы и множество пажей; сервировка его стола была великолепной, с большим количеством золотой и серебряной посуды. В полдень он от души поужинал, выпив около пинты вина, смешанного с водой. Он хорошо поужинал, хотя и не был привередлив в еде, мало заботясь о деликатесах на столе, если, конечно, не обращал внимания на эти важные дела.^[307]

“ Он был знаком с латынью и, как я понял, получил степень бакалавра права; и когда он беседовал с учеными людьми, которые обращались к нему на латыни, он отвечал им на том же языке. Он также был в некотором роде поэтом; его беседа была приятной, и он обладал приятной речью. Посещая церковные службы, он был очень пунктуален, благочестив в своих манерах и проявлял милосердие к бедным.^[308]

Когда он ругался, он обычно говорил: "На моей совести", а когда он был раздосадован на кого-либо, ‘С вами случилось несчастье’. Со своими людьми он был очень терпелив, а они иногда бывали дерзкими и даже наглостными. Когда он был очень зол, вены на его горле и лбу вздувались, но он не высказывал упреков ни в адрес офицера, ни в адрес солдата.

“Он любил карты и кости, а когда играл, всегда был в хорошем настроении, свободно отпускал шутки и остроумные замечания. Он был приветлив со своими последователями, особенно с теми, кто приехал с ним с Кубы. В своих походах он уделял строгое внимание дисциплине, часто сам совершал обход ночью и следил, чтобы часовые выполняли свой долг. Он без церемоний входил в расположение своих солдат и пожурил тех, кого застал без оружия и амуниции, говоря: "Это была паршивая овца, которая не могла сама нести свою шерсть’. Во время похода в Гондурас он приобрел привычку ложиться спать после еды, чувствуя недомогание, если пропускал ее; и какой бы душной или ненастной ни была погода, он приказывал бросить ковер или свой плащ под дерево и некоторое время крепко спал. Он был откровенен и чрезвычайно либерален по своему характеру до последних нескольких лет своей жизни, когда его обвинили в скупости. Но мы должны учитывать, что его средства были потрачены на крупные и дорогостоящие предприятия, и что ни одно из них, после Завоевания, ни его экспедиция в Гондурас, ни его путешествия в Калифорнию, не увенчались успехом. Возможно, предполагалось, что он получит свое воздаяние в лучшем мире; и я полностью верю в это; ибо он был хорошим кавалером, самым искренним в своей преданности Пресвятой Деве, апостолу Святому Петру и всем другим Святым ”.^[309]

Таков портрет Эрнандо Кортеса, Завоевателя Мексики, оставленный нам верной рукой, наиболее способной проследить его.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОРИГИНАЛЫ ДОКУМЕНТОВ

№ 1.—См. том і, стр. 166

СОВЕТ АЦТЕКСКОЙ МАТЕРИ СВОЕЙ ДОЧЕРИ; ПЕРЕВОД ИЗ КНИГИ СААГУНА “ИСТОРИЯ НОВОЙ Испании”, LIB. VI. CAP. XIX

[Я подумал, что лучше всего сделать этот перевод максимально буквальным, чтобы читатель мог составить правильное представление о странной смеси простоты, приближающейся к детскости, и моральной возвышенности, которая присуща оригиналу. Это продукт заката цивилизации.]

Моя любимая дочь, очень дорогая голубка, ты уже слышала слова, которые сказал тебе твой отец, и прислушалась к ним. Это драгоценные слова, которые редко произносятся или к которым прислушиваются и которые исходят из недр и сердца, в которых они хранились; и твой возлюбленный отец хорошо знает, что ты его дочь, рожденная от него, его кровь и его плоть; и Бог, Господь наш, знает, что это так. Хотя ты женщина и *являешься копией своего отца*, что еще я могу сказать тебе, кроме того, что уже было сказано? Что еще ты можешь услышать, кроме того, что ты слышал от своего господина и отца? который полностью рассказал вам, что вам следует делать и чего следует избегать; и не осталось ничего, что касалось бы вас, чего бы он не затронул. Тем не менее, чтобы я мог выполнить по отношению к вам свой долг в полном объеме, я скажу вам несколько слов. Первое, о чем я убедительно прошу вас, это соблюдать и не забывать то, что сейчас сказал вам ваш отец, поскольку все это очень ценно; а люди его положения редко публикуют подобные вещи; ибо это слова, принадлежащие благородным и мудрым, ценные, как драгоценные камни. Тогда смотри, чтобы ты взял их и положил в свое сердце, и записал их в своем кишечнике. Если Бог даст вам жизнь, этими же словами вы будете учить своих сыновей и дочерей, если Бог даст вам их. — Второе, что я хочу тебе сказать, это то, что я очень люблю тебя, что ты моя дорогая дочь. Помни, что девять месяцев я вынашивала тебя в своем чреве, что ты родилась и воспитывалась у меня на руках. Я положила тебя в колыбель, к себе на колени и вскормила своим молоком. Это я говорю вам для того, чтобы вы могли знать, что я и ваш отец - источник вашего бытия; именно мы сейчас наставляем вас. Следите за тем, чтобы вы принимали наши слова и хранили их в своей груди. — Позаботьтесь о том, чтобы ваша одежда была такой, какая подобает приличию; и обратите внимание, что вы не украшаете себя большим количеством нарядов, поскольку это признак тщеславия и безрассудства. Так же не подобает, чтобы ваша одежда была очень убогой, грязной или рваной, поскольку лохмотья - это признак низости и тех, кого презирают. Пусть ваша одежда будет подходящей и опрятной, чтобы вы не казались ни фантастическими, ни подлыми. Когда вы говорите, не торопите слова из-за неловкости, а говорите обдуманно и спокойно. Не повышайте свой голос очень высоко и не говорите очень тихо, но умеренным тоном. Не стесняйся, ни когда говоришь, ни когда отдаешь честь, ни говори в нос; но пусть твои слова будут правильными, хорошо звучащими, а голос мягким. Не будьте любезны в выборе своих слов. При ходьбе, дочь моя, следи, чтобы ты вела себя подобающе, не двигаясь ни поспешно, ни слишком медленно; поскольку слишком медленная ходьба свидетельствует о высокомерии, а поспешная ходьба вызывает порочную привычку к беспокойству и неустойчивости. Поэтому не ходите ни очень быстро, ни очень медленно; все же, когда будет необходимо идти поспешно, делайте это - в этом используйте свое благоразумие. И когда вам, возможно, придется перепрыгнуть через лужу с водой, делайте это пристойно, чтобы не показаться неуклюжим или легким. Когда вы находитесь на улице, не наклоняйте сильно голову и не сгибайте туловище; также не ходите с сильно поднятой головой, так как это признак дурного воспитания; ходите прямо и со слегка наклоненной головой. Не прикрывайте рот или лицо от стыда, не ходите с видом близорукого человека и по пути не совершайте фантастических движений ногами. Идите по улице спокойно и соблюдая приличия. Еще одна вещь, на которую ты должна обратить внимание, дочь моя, это то, что, когда ты находишься на улице, ты не ходишь, оглядываясь туда-сюда, и не поворачиваешь голову, чтобы посмотреть туда-то; ходи, не глядя ни на небо, ни на землю. Не смотрите на тех, кого вы встречаете, глазами оскорбленного человека и не делайте вид, что вам неловко; но того, кто смотрит на всех с безмятежным выражением лица; делая это, вы никому не дадите повода обидеться на вас. Проявите подобающее выражение лица, чтобы вы не казались ни угрюмыми, ни, с другой стороны, слишком покладистыми. Смотри, дочь моя, чтобы ты не беспокоилась о словах, которые можешь услышать, проходя по улице, и не обращала на них никакого внимания, пусть те, кто приходит и уходит, говорят, что хотят. Следите за тем, чтобы вы не отвечали и не говорили, но действовали так, как будто вы их не слышали и не поняли; поскольку, поступая таким образом, никто не сможет с уверенностью сказать, что вы сказали что-то не то. Смотри также, дочь моя, чтобы ты никогда не красила свое лицо и не подкрашивала его или губы красками, чтобы хорошо выглядеть; поскольку это признак мерзких и нецеломудренных женщин. Краски и раскрашивание — это то, чем пользуются плохие женщины, нескромные, потерявшие всякий стыд и даже здравый смысл, которые подобны глупцам и пьяницам и называются *raderas* [проститутки]. Но, чтобы вы не понравились вашему мужу, украсьте себя, умойтесь и почистите свою одежду; и пусть это будет сделано умеренно; поскольку, если вы будете каждый день мыть себя и свою одежду, о вас скажут, что вы чересчур хорошенькая - слишком деликатная; вас будут называть *тапепецон тинемаксох*. — Дочь моя, это тот курс, которым ты должна следовать, поскольку таким образом воспитали нас предки, от которых ты происходишь. Эти благородные и почтенные дамы, ваши бабушки, рассказали нам не так много, как я рассказал вам, — они

сказали всего несколько слов и говорили так: “Послушайте, дочери мои; в этом мире необходимо жить с большим благоразумием и осмотрительностью. Выслушайте эту аллегорию, которую я сейчас вам расскажу, и сохраните ее, и извлеките из нее предостережение и пример для правильной жизни. Здесь, в этом мире, мы путешествуем по очень узкой, крутой и опасной дороге, которая подобна высокому горному хребту, по вершине которого проходит узкая тропинка; по обе стороны от нас огромная пропасть без дна; и если вы свернете с пути, вы упадете в нее. Поэтому необходимо проявлять большую осмотрительность при выборе пути.” Моя нежно любимая дочь, моя маленькая голубка, храни эту иллюстрацию в своем сердце и смотри, чтобы ты ее не забыла, — она будет для тебя светильником и маяком до тех пор, пока ты будешь жить в этом мире. Остается сказать только одно, и я это сделал. Если Бог даст вам жизнь, если вы проживете несколько лет на земле, смотрите, чтобы вы тщательно берегли себя, чтобы на вас не попало пятно; если вы утратите свое целомудрие и впоследствии вас попросят выйти замуж, и вы выйдете замуж за кого угодно, вам никогда не повезет и у вас не будет настоящей любви, — он всегда будет помнить, что вы не были девственницей, и это станет причиной большого горя и огорчения; вы никогда не будете спокойны, потому что ваш муж всегда будет относиться к вам с подозрением. О моя нежно любимая дочь, если ты будешь жить на земле, следи, чтобы к тебе не приближалось больше одного мужчины; и соблюдай то, что я сейчас тебе скажу, как строгий приказ. Когда Богу будет угодно, чтобы вы получили мужа и оказались под его властью, освободитесь от высокомерия, следите за тем, чтобы вы не пренебрегали им и не позволяли своему сердцу быть против него. Не проявляйте к нему неуважения. Будьте осторожны, чтобы ни в коем случае не совершить против него измену, называемую прелюбодеянием. Смотри, чтобы ты не оказывала одолжения другому, потому что это, моя дорогая и горячо любимая дочь, значит упасть в яму без дна, из которой не будет выхода. По обычаю этого мира, если об этом станет известно, за это преступление они убьют тебя, они выбросят тебя на улицу, в назидание всем людям, где твою голову раздавят и будут волочить по земле. О них гласит пословица: “Тебя побьют камнями и будут волочить по земле, а другие услышат предупреждение о твоей смерти”. Из-за этого возникнет пятно и бесчестие на наших предках, знати и сенаторах, от которых мы произошли. Ты запятнаешь их блестящую славу и их величие грязью и нечистотой своего греха. Вы также потеряете свою репутацию, свое благородство и честь рождения; ваше имя будет забыто и внушит отвращение. О вас будут говорить, что вы были похоронены в пыли своих грехов. И помни, дочь моя, что, хотя ни один мужчина не увидит тебя, ни твой муж никогда не узнает, что происходит, *Бог, который находится повсюду, видит тебя*, разгневается на тебя, а также возбудит против тебя негодование людей и отомстит тебе так, как сочтет нужным. По его приказу ты либо будешь искалечена, либо ослепнешь, либо твое тело иссохнет, либо ты дойдешь до крайней нищеты за то, что посмела причинить вред своему мужу. Или, может быть, он предаст тебя смерти и положит себе под ноги, отправив на место мучений. Наш Господь сострадательен; но если вы совершите измену своему мужу, Бог, который повсюду, отомстит за ваш грех и не позволит вам иметь ни довольства, ни покоя, ни мирной жизни; и он побудит вашего мужа всегда быть недобрым к вам и всегда говорить с вами с гневом. Моя дорогая дочь, которую я нежно люблю, позаботься о том, чтобы ты жила в мире, безмятежности и довольстве все дни, которые тебе предстоит прожить. Смотри, чтобы ты не опозорил себя, чтобы ты не запятнал свою честь и не осквернил блеск и славу своих предков. Смотри, чтобы ты почитал меня и своего отца и прославлял нас своей хорошей жизнью. Пусть Бог благословит тебя, мой первенец, и пусть ты придешь к Богу, который есть везде.

№ II.—См. том i, стр. 188

ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЯ, ВЛАДЫКИ ТЕЦКОКО, На КАСТИЛЬСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ ОБ ИЗМЕНЧИВОСТИ ЖИЗНИ

[Это стихотворение, к счастью, было спасено от участи слишком многих индийских рукописей шевалье Ботурини и стало частью его ценного *музея*. Впоследствии он был включен в обширную коллекцию документов, составленную отцом Мануэлем де ла Вегой в Мексике в 1792 году. Эта великолепная коллекция была составлена в соответствии с просвещенным приказом испанского правительства, “согласно которому все рукописи, которые можно найти в Новой Испании и которые иллюстрируют древности, географию, гражданскую, церковную и естественную историю Америки, должны быть скопированы и переданы в Мадрид”. Этому приказу подчинились, и результатом стало собрание из тридцати двух томов *in folio*, которое, помимо многого тривиального и малоценного, содержит также массу оригинальных материалов, имеющих неоценимую ценность для историка Мексики и различных рас, населявших страну Новая Испания.]

Un rato cantar quiero,

pues la ocasion y el tiempo se ofrece;

ser admitido espero,

si intento lo merece;

y comienzo mi canto,

aunque fuera mejor llamarle llanto.

Y tú, querido Amigo,

goza la amenidad de aquestas flores,

alégrate conmigo;

desechemos de pena los temores,

que el gusto trae medida,

por ser al fin con fin la mala vida.

Io tocaré cantando

el músico instrumento sonoro,

tú de flores gozando

danza, y festeja á Dios que es Poderoso,

gocemos de esta gloria,

porque la humana vida es transitoria.

De Ocblehacan pusiste

en esta noble Corte, y siendo tuyo,

tus sillas, y quisiste

vestirlas; donde arguyo,

que con grandeza tanta

el Imperio se aumenta y se levanta.

Ойойотзин пруденте,

famoso Rey y singular Monarca,

goza del bien presente,

que lo presente lo florido abarca;

porque vendrá algun día

que busques este gusto y alegría.

Entonces tu Fortuna

te ha de quitar el Cetro de la mano,

ha de menguar tu Luna,

no te verás tan fuerte y tan ufano;

entonces tus criados

de todo bien serán desamparados.

Y en tan triste suceso

los nobles descendientes de tu nido,

de Príncipes el peso,

los que de nobles Padres han nacido,

faltando tú Cabeza,

gustarán la armargura de pobreza.

Y traerán á la memoria

quien fuiste en pompa de todos envidiada

tus triunfos y victoria;

y con la gloria y Magestad pasada

cotejando pesares,

de lágrimas harán crecidas Mares.

Y estos tus descendientes,

que te sirven de pluma y de corona

de tí viéndose ausentes,

de Culhuacan estrañarán la cuna,

y tenidos por tales

con sus desdichas crecerán sus males.

Y de esta grandeza rara,

digna de mil coronas y blasones,

será la fama avara;

solo se acordarán en las naciones,

lo bien que gobernaron,

las tres Cabezas que el imperio honraron.

En México famosa

Moctezumá, valor de pecho Indiano;

á Culhuacan dichosa

de Neçahualcoyotl rigió la mano;

Acatlapan la fuerte

Totoquilhuastli le salió por suerte.

Y ningun olvido temo

de lo bien que tu reyno dispusiste,

estando en le supremo

lugar, que de la mano recibiste

de aquel Señor del Mundo,

factor de aquestas cosas sin segundo.

Y goza pues muy gustoso,

O Neçahualcoyotl, lo que agora tienes

con flores de este hermoso

jardin corona tus ilustres sienes;

oye mi canto, y lira

que á darte gustos y placeres tira.

Y los gustos de esta vida,

sus riquezas, y mandos son prestados,

son sustancia fingida,

con apariencias solo matizados;

y es tan gran verdad esta,

que á una pregunta me has de dar respuesta,

¿Y que es de Cihuapan,

y Quantzintecomtzin el valiente,

и Конауацин;

que es de toda esa gente?

sus voces; ¡agora acaso!

ya están en la otra vida, este es el caso.

¡Ojala los, que agora

juntos los tiene del amor el hilo,

que amistad atesora,

vieramos de la muerte el duro filo!

porque no hay bien seguro,

que siempre trae mudanza á lo futuro.

Теперь я бы спел, учитывая время и место

Мои, — и о! с тобой

Пусть эта моя песня обретет благодать

Моя цель говорит сама за себя.

Я пробуждаю эти ноты в замысле песни,

Но назовите это скорее плачем.

Наслаждайся же теперь, возлюбленный,

В этих моих цветах, чистых и ярких,

Радуйся с другом твоим;

Теперь давайте изгоним боль и страх,

Ибо, если наши радости измеряются здесь,

Печали жизни пришел конец.

И я нанесу удар, чтобы поддержать свой голос,

Глубокий, звучный аккорд;

Ты, танцующий, радуешься этим цветам

И пир могущественного Владыки Земли;

Воспользуемся мы славой сегодняшнего дня,

Ибо флоты жизни смертных быстро улетают.—

В Окблхакане, все твое,

Твоя рука установила благородный трон.

Которую ты богато одел;

Откуда я утверждаю, что твое влияние

Будет увеличиваться день ото дня,

В восходящем величии благословен.

Мудрый Ойойоцин! благоразумный король!

Непревзойденный принц и великий!

Наслаждайтесь ароматными весенними цветами

Вокруг твоего царственного состояния;

Настанет день, который разрушит

Твое нынешнее блаженство, —твоя нынешняя радость,—

Когда судьба держит скипетр власти

Вырвусь из твоей царственной руки,—

Твоя луна уменьшила восход;

И, когда твоя гордость и сила угаснут,

От твоих приверженцев будут избавлены

Все, что они любят или ценят.

Когда печаль подтвердит мою истину,

И это падение трона твоего,—

Птицы из гнезда твоих предков,

Принцы твоего рода,—

Могущественные представители твоего рода — увидят

Горькие муки бедности;—

И тогда память вспомнит

Твоему завидному величию, и на всех

Пребывают твои блистательные триумфы;

И, вспоминая прошедшие годы,

По сравнению с нынешним стыдом, их слезы

Превратится в океанскую зыбь.

И те, кто, хоть и королевский оркестр,

Служить тебе в качестве короны или плюмажа,

Вдали от земель Кулхуакана

Обретет судьбу изгнанника.

Лишенные тебя, —свой ранг забыли,

Несчастье постигнет их участь.

Тогда слава неохотно уйдет

Она стремилась к величию, которое издавна

Выставлены гербы и короны;

Народ останется один

Воспоминание об этом *тройном троне*

Которому подчинилась эта наша земля.

Индийская земля храброго Монтесумы

Была ли Мексика великой,

И рука Несауалькойотля

Благословенный штат Кулхуакан,

Пока Тотоквил набирал свою порцию

В Акатлапане, сильный и верный;

Но я не могу бояться забвения,

О добре, совершенном тобою здесь,

Находясь высоко на твоём троне;

То положение, которое, чтобы соответствовать твоему достоинству,

Был дан Владыкой Земли,

Создатель добра в одиночку.

Тогда, Незауалькойотль, —сейчас,

Наслаждайся тем, что у тебя *есть*;

И обвей венком своё царственное чело

Сад жизни ярко расцветает;

Прислушайся к моей лире и моему пению,

Которые стремятся угождать тебе и повиноваться.

Удовольствия, которые дарит наша жизнь —

Скипетры Земли и её богатства — одолжены,

Это мимолетные тени;

Внешность окрашивает все наше блаженство;

Истина настолько великая, что теперь к этому

Один вопрос, ответьте.

Что стало с Чихуапаном,

Квантовый компьютерщик храбрый,

И Конауацин, могучий человек;

Где они? В могиле!

Их имена сохранились, но они бежали,

Навеки причисленный к мертвым.

Хотелось бы, чтобы те, кто сейчас связан дружбой,

Мы, кого обвивает нить Любви,

Жестокий край Смерти можно увидеть!

Поскольку добро на земле ненадежно,

И все должно претерпевать изменения

В темном будущем!

№ III.—См. том i, стр. 196

ОПИСАНИЕ РЕЗИДЕНЦИИ НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЯ В ТЕСКОТЦИНКО, ИЗВЛЕЧЕННОЕ ИЗ “ИСТОРИИ ЧИЧИМЕКОВ” ИКСТЛИЛЬШОЧИТЛЯ, ср., загл. XLII

De los jardines el mas ameno y de curiosidades fué el Bosque de Tezcoztzinco; porque demas de la cerca tan grande que tenia, para subir á la cumbre de él, y andarlo todo, tenia sus gradas, parte de ellas de argamasa, parte labrada en la misma peña; y el agua que se trahia para las Fuentes, Pilas, y Baños, y los caños que se repartian para el riego de las Flores y arboledas de este Bosque, para poderla traer desde su Nacimiento, fué menester hacer fuertes y altísimas murallas de argamasa desde unas sierras á otras, de increíble grandeza; sobre la qual hizo una Fargea hasta venir á dar á la mas alta del Bosque, y á las espaldas de la cumbre de él. En el primer Estanque de Agua estaba una Peña esculpida en ella en circunferencia los años desde que havia nacido el Rey Nezahualcoiotzin hasta la edad de aquel tiempo; y por la parte de afuera los años en fin de cada uno de ellos, así mismo esculpidas las cosas mas memorables que hizo; y por dentro de la rueda esculpidas sus Armas, que eran una casa, que estaba ardiendo, en llamas y desaciéndose; otra que estaba muy ennoblecida de edificios; y en medio de las dos un pie de venado, atada en él una piedra preciosa, y salian del pie unos penachos de plumas preciosas, y así mismo una cierva, y en ella un Brazo asido de un Arco con unas Flechas, y como un Hombre armado con su Morrion y oregeras, coselete, y dos tigres á los Lados, de cuias bocas salian agua y fuego, y por orla, doce cabezas de Reyes y Señores, y otras cosas que el primer Arzobispo de México, Don Fray Juan de Zumarraga, mandó hacer pedazos, entendiendo ser algunos Idolos; y todo lo referido era la etimología de sus Armas. Y de allí se partia esta agua en dos partes, que la una iba cercando y rodeando el Bosque por la parte del Norte, y la otra por la parte del Sur. En la cumbre de este Bosque estaban edificadas unas casas á manera de torre, y por remate y Chapitel estaba hecha de cantería una como á manera de Mazeta, y dentro de ella salian unos Penachos y plumeros, que era la etimología del nombre del Bosque; y luego mas abajo, hecho de una Peña, un Leon de mas de dos brazas de largo con sus alas y plumas: estaba hechado y mirando á la parte del Oriente, en cuiá boca asomaba un rostro, que era el mismo retrato del Rey, el qual Leon estaba de ordinario debajo de un palio hecho de oro y plumería. Un poquito mas abajo estaban tres Albercas de agua, y en la de en medio estaban en sus Bordos tres Damas esculpidas y labradas en la misma Peña, que significaban la gran Laguna y las Ramas las cabezas del Imperio; y por un lado (que era hacia la parte del Norte) otra Alberca, y en una Peña esculpido el nombre y Escudo de Armas de la Ciudad de Tolan, que fué cabecera de los Tultecas; y por el lado izquierdo, que caia hacia la parte del Sur, estaba la otra Alberca, y en la peña esculpido el Escudo de Armas y nombre de la Ciudad de Tenaioacan, que fué la cabecera del Imperio de los Chichimecas; y de esta Alberca salia un caño de Agua, que saltando sobre unas peñas salpicaba el Agua, que iba á caer á un Jardín de todas flores olorosas de Tierra caliente, que parecia que llovía con la precipitacion y golpe que daba el agua sobre la peña. Tras este jardín se seguian los Baños hechos y labrados de peña viva, que con dividirse en dos Baños eran de una pieza; y por aquí se bajaba por una peña grandísima de unas gradas hechas de la misma peña, tan bien gravadas y lizas, que parecian Espejos; y por el pretil de estas gradas estaba esculpido el dia, mes, y año, y hora, en que se le dió aviso al Rey Nezahualcoiotzin de la muerte de un Señor de Huexotzinco, á quien quisó y amó notablemente, y le cojió esta nueva quando se estaban haciendo estas gradas. Luego consecutivamente estaba el Alcazar y

Palacio que el Rey tenia en el Bosque, en los quales havia, entre otras muchas salas, aposentos, y retretes, una muy grandísima, y delante de ella un Patio, en la qual recibia á los Reyes de México y Tlacopan, y á otros Grandes Señores, quando se iban á holgar con él, y en el Patio se hacian las Damas, y algunas representaciones de gusto y entretenimiento. Estaban estos alcazares con tan admirable y maravillosa hechura, y con tanta diversidad de piedras, que no parecian ser hechos de industria humana. El Aposento donde el Rey dormia era redondo; todo lo demas de este Bosque, como dicho tengo, estaba plantado de diversidad de Árboles, y flores odoríferas, y en ellos diversidad de Aves, sin las que el Rey tenia en jaulas, traídas de diversas partes, que hacian una armonia, y canto, que no se oian las Gentes. Fuera de las florestas, que las dividia, una Pared entraba la Montaña, en que havia muchos venados, conejos, y liebres, que si de cada cosa muy particular se describiese, y de los demas Bosques de este Reyno, era menester hacer Historia muy particular.

№ IV.—См. том i, стр. 215

ПЕРЕВОДЫ ИЗ “ИСТОРИИ ЧИЧИМЕКОВ” ИКСТЛИЛЬШОЧИТЛЯ, ср., загл. LXIV О НЕОБЫЧАЙНОЙ СУРОВОСТИ, С КОТОРОЙ КОРОЛЬ НЕСАУАЛЬПИЛЛИ НАКАЗАЛ МЕКСИКАНСКУЮ КОРОЛЕВУ ЗА ЕЕ СУПРУЖЕСКУЮ ИЗМЕНУ

Когда Аксайакин, король Мексики, и другие лорды послали своих дочерей к королю Несауальпилли, чтобы он выбрал ту, которая станет его королевой и законной женой, чей сын мог бы унаследовать наследство, той, у кого были самые высокие притязания среди них, по знатности происхождения и ранга, была Чачиуненецин, дочь мексиканского короля. Но, будучи в то время очень юной, она воспитывалась монархом в отдельном дворце, с большой помпой и многочисленными слугами, как и подобало дочери столь великого короля. Число слуг, прикрепленных к ее дому, превышало две тысячи. Несмотря на свою молодость, она была все же чрезвычайно хитра и порочна; так что, оказавшись в одиночестве и видя, что ее люди боятся ее из-за ее ранга и важности, она начала давать волю безграничному потаканию своей похоти. Всякий раз, когда она видела молодого человека, который нравился ее воображению, она отдавала тайные приказы привести его к ней и, удовлетворив свои желания, приказывала предать его смерти. Затем она приказала изготовить статую или изображение его персоны и, украсив его богатой одеждой, золотом и драгоценностями, поместила в квартире, в которой жила. Количество статуй тех, кого она таким образом предала смерти, было так велико, что почти заполнило всю квартиру. Когда король пришел навестить ее и спросил об этих статуях, она ответила, что это ее боги; и он, зная, как строги мексиканцы в поклонении своим ложным божествам, поверил ей. Но поскольку никакое преступление не может долго совершаться в полной тайне, в конце концов ее разоблачили таким образом. Трех молодых людей по той или иной причине она оставила в живых. Их звали Чихукоатль, Уицилимитцин и Макстла, один из которых был лордом Тесоюкана и одним из вельмож королевства; а двое других - дворяне высокого ранга. Случилось так, что однажды король узнал на одном из них очень драгоценный камень, который он подарил королеве; и, хотя он не боялся измены с ее стороны, это вызвало у него некоторое беспокойство. Придя навестить ее в ту ночь, ее слуги сказали ему, что она спит, предполагая, что затем король вернется, как он делал в другое время. Но история с драгоценным камнем заставила его настоять на том, чтобы войти в комнату, в которой она спала; и, решив разбудить ее, он нашел в постели только статуэтку, украшенную ее волосами и очень похожую на нее. Увидев это, а также то, что слуги вокруг были в большом трепете и тревоге, он позвал свою стражу и, собрав всех людей в доме, устроил всеобщий розыск королевы, которую вскоре нашли на приеме с тремя молодыми лордами, которые также были арестованы вместе с ней. Король передал дело судьям своего двора, чтобы они могли провести расследование по этому делу и опросить вовлеченные стороны. Они обнаружили многих людей, слуг королевы, которые так или иначе были соучастниками ее преступлений, рабочих, которые были заняты изготовлением и украшением статуй, других, которые помогали вводить молодых людей во дворец, и снова других, которые казнили их и прятали их тела. Когда дело было достаточно расследовано, он отправил послов к королям Мексики и Тлакопана, сообщив им об этом событии и указав день, в который должно было состояться наказание королевы и ее сообщников; и он также разослал по империи призывы ко всем лордам привести своих жен и дочерей, какими бы молодыми они ни были, чтобы они были свидетелями наказания, которое он задумал в качестве великого примера. Он также заключил перемирие со всеми врагами империи, чтобы они могли свободно приходить посмотреть на это. Когда пришло время, по этому случаю собралось такое большое скопление людей, что, каким бы большим ни был город Тецкоко, все они едва могли в нем уместиться. Казнь происходила публично, на виду у всего города. Королеве была применена *гаррота* [метод удушения с помощью веревки, намотанной на палку], а также трем ее кавалерам; и, поскольку они были лицами высокого происхождения, их тела были сожжены вместе с вышеупомянутыми изображениями. Другие участники преступления, которых было более двух тысяч человек, также были *удавлены* гарротой и похоронены в яме, вырытой специально для этой цели в виноградной лозе ра, в районе храма Идола Прелюбодеев. Все приветствовали столь суровое и образцовое наказание, за исключением мексиканских лордов, родственников королевы, которые были очень разгневаны таким публичным примером и, хотя пока скрывали свое негодование, обдумывали

будущую месть. Король недаром подвергся этому позору в своем доме, поскольку таким образом был наказан за недостойные средства, использованные его отцом для получения его матери в жены.

№ V.—См. том i, стр. 316

ИНСТРУКЦИИ, ДАННЫЕ ВЕЛАСКЕСОМ, ГУБЕРНАТОРОМ КУБЫ, КОРТЕСУ При
ПРИНЯТИИ ИМ КОМАНДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИЕЙ; ДАТИРОВАНЫ В ФЕРНАДИНЕ 23
октября 1518 г.

[Инструмент является частью коллекции Муньоса.]

Por quanto yo Diego Velasquez, Alcalde, capitan general, é repartidor de los caciques é yndios de esta isla Fernandina por sus Altezas, &c., embié los días pasados, en nombre é servicio de sus Altezas, aver é bojar la ysla de Yucatan Sta María de los remedios, que nuevamente habia descubierto, é á descubrir lo demas que Dios N^{ro} S^{or} fuese servido, y en nombre de sus Altezas tomar la posesion de todo, una armada con la gente necesaria, en que fué é nombre por capitan della á Juan de Grijalva, vezino de la villa de la Trinidad desta ysla, el qual me embió una caravela de las que llevaba, porque le facia mucha agua, é en ella cierta gente, que los Indios en la dicha Sta María de los remedios le habian herido, é otros adolecido, y con la razon de todo lo que le habia ocurrido hasta otras yslas é tierras que de nuebo descubrió; que la una es una ysla que se dice Cozumel, é le puso por nombre Sta Cruz; y otra es una tierra grande, que parte della se llama Ulua, que puso por nombre Sta María de las Niebes; desde donde me embió la dicha caravela é gente, é me escribió como iba siguiendo su demanda principalmente á saber si aquella tierra era Isla, ó tierra firme; é ha muchos días que de razon habia de haber sabido nueva dél, de que se presume, pues tal nueva dél fasta oy no se sabe, que debe de tener ó estar en alguna ó extrema necesidad de socorro: é así mesmo porque una caravela, que yo embié al dicho Juan de Grijalva desde el puerto desta cibdad de Santiago, para que con él é la armada que lleva se juntase en el puerto de Sⁿ Cristóbal de la Havana, porque muy mas proveido de todo é como al servicio de sus Altezas convenia fuesen, quando llegó donde pensó fallarle, el d^{ho} Juan de Grijalva se habia fecho á la bela é hera ido con toda la dicha armada, puesto que dejó abiso del viage que la d^{ha} carabela habia de llebar; é como la d^{ha} carabela, en que iban ochenta, ó noventa hombres, no falló la d^{ha} armada, tomó el dicho aviso, y fué en seguimiento del d^{ho} Juan de Grijalva; y segun paresze é se ha sabido por informacion de las personas feridas é dolientes, que el d^{ho} Juan de Grijalva me embió, no se habia juntado con él, ni della habia habido ninguna nueva, ni los d^{hos} dolientes ni feridos la supieron á la buelta, puesto que viniéron mucha parte del biage costa á costa de la ysla de Sta M^a de los remedios por donde habian ydo; de que se presume que con tiempo forzoso podria de caer acia tierra firme, ó llegar á alguna parte donde los dichos ochenta ó noventa ombres españoles corran detrimento por el nabio, ó por ser pocos, ó por andar perdidos en busca del d^{ho} Juan de Grijalva, puesto que iban muy bien pertrechados de todo lo necesario; ademas de esto porque despues que con el d^{ho} Juan de Grijalva embié la dicha armada he sido informado de muy cierto por un yndio de los de la d^{ha} ysla de Yucatan Sta María de los remedios, como en poder de ciertos Caciques principales della están seis cristianos cautibos, y los tienen por esclavos, é se sirben dellos en sus haciendas, que los tomaron muchos días ha de una carabela que con tiempo por allí diz que aportó perdida, que se cree que alguno dellos deve ser Nicuesa capitan, que el católico Rey Dⁿ Fernando de gloriosa memoria mandó ir á tierra firme, é redimirlos seria grandísimo servicio de Dios N^{ro} S^{or} é de sus Altezas: por todo lo qual pareciéndome que al servicio de Dios N^{ro} S^{or} é de sus Altezas convenia inhiar así en seguimiento é socorro de la d^{ha} armada quel d^{ho} Juan de Grijalva llebó, y busca de la carabela que tras él en su seguimiento fué como á redimir si posible fuese los d^{hos} cristianos que en poder de los d^{hos} Indios están cabtivos; acordé, habiendo muchas veces pensado, é pesado, é platicádolo con personas cuerdas, de embiar como embié otra armada tal, é también bastecida é aparejada así de nabíos é mantenimientos como de gente é todo lo demas para semejante negocio necesario; que si por caso á la gente de la otra primera armada, ó de la d^{ha} carabela que fué en su seguimiento hallase en alguna parte cerca de infieles, sea bastante para los socorrer ó descercar; é si así no los hallare, por sí sola pueda seguramente andar é calar en su busca todas aquellas yslas tierras, é saber el secreto dellas, y faser todo lo demas que al servicio é de Dios N^{ro} S^{or} cumpla é al de sus Altezas combenga: é para ello he acordado de la encomendar á vos Fernando Cortés, é os imbiar por capitan della, por la esperiencia que de vos tengo del tiempo que ha que en esta ysla en mi compañía habeis servido á sus Altezas, confiando que soys persona cuerda, y que con toda pendencia é zelo de su real servicio daréis buena razon é quenta de todo lo que por mí en nombre de sus Altezas os fuere mandado acerca de la dicha negociacion, y la guiaréis ó encaminaréis como mas al servicio de Dios N^{ro} S^{or} é de sus Altezas combenga; y porque mejor guiada la negociacion de todo vaya, lo que habeis de fazer, y mirar, é con mucha vigilancia y diligencia ynquirir é saber, es lo siguiente.

1. Hágase el servicio de Dios en todo, y quien saltará castiga con rigor.
2. Castigaréis en particular la fornicacion.
3. Proibiréis dados y naipes, ocasion de discordias y otros excesos.
4. Ya salido la armada del p^{to} desta ciud^d de Santiago en los otros, dotaréis desta esta cuidado no se haga agravio á Españoles ni Indios.
5. Tomados los bastimentos necesarios en d^{hos} puertos, partiréis á v^{ro} destino, haciendo antes alarde de gente ó armas.

6. No consentiréis vaya ningun Indio ni India.
7. Salido al mar y metidas las barcas, en la de v^{ro} navío visitaréis los otros, y reconoceréis otra vez la gente con las copias [las listas] de cada uno.
8. Apercibiréis á los capitanes y Maestres de los otros navíos que jamas se aparten de v^{ra} conserva, y haréis quanto convenga para llegar todos juntos á la ysla de Cozumel Santa Cruz, donde será vuestra derecha derrota.
9. Si por algun caso llegaren antes que vos, les mandaréis que nadie sea osado á tratar mal á los Indios, ni les diga la causa porque vais, ni les demande ó interroge por los cristianos captivos en la Isla de Sta María de los remedios: digan solo que vos hablaréis en llegando.
10. Llegado á d^{ha} ysla de Sta Cruz veréis y sondearéis los puertos, entradas, y aguadas, así della como de Sta María de los remedios, y la punta de Sta María de las Nieves, para dar cumplida relacion de todo.
11. Diréis á los Indios de Cozumel, Sta Cruz, y demas partes, que vais por mandado del Rey á visitarles; hablaréis de su poder y conquistas, individuando las hechas en estas Islas y Tierra firme, de sus mercedes á quantos le servin; que ellos se vengan á su obediencia y den muestras dello, regalándole, como los otros han hecho, con oro, perlas, &c., para que eche de ver su buena voluntad y les favorezca y defienda: que yo les aseguro de todo en su nombre, que me pesó mucho de la batalla que con ellos ovo Francisco Hernandez, y os embió para darles á entender como Su Alteza quiere que sean bien tratados, &c.
12. Tomaréis entera informacion de las cruces que diz se hallan en d^{ha} Isla Sta Cruz adoradas por los Indios, del origen y causas de semejante costumbre.
13. En general sabréis quanto concierne á la religion de la tierra.
14. Y cuidad mucho de doctrinarlos en la verdadera fee, pues esta es la causa principal porque sus Altezas permiten estos descubrimientos.
15. Inquirid de la armada de Juan de Grijalva, y de la caravela que llevó en su seguimiento Cristóv. de Olid.
16. Caso de juntaros con la armada, búsquese la caravela, y concertad donde podréis juntaros otra vez todos.
17. Lo mismo haréis si 1° se halla la caravela.
18. Iréis por la costa de la Isla de Yucatan Sta María de los remedios, do están seis cristianos en poder de unos caciques á quienes dice conocer Melchor Indio de allí, que con vos llevais. Tratadlo con mucho amor, para que os le tenga y sirva fielmente. No sea que os suceda algun daño, por que los Indios de aquella tierra en caso de guerra son mañosos.
19. Donde quiera, trataréis muy bien á los Indios.
20. Quantos rescates hicieredes meteréis en arca de tres llaves de que tendréis vos una, las otras el Veedor y el Tesorero que nombraredes.
21. Quando se necesite hacer agua, ó leña, &c., embiaréis personas cuerdas al mando dél de mayor confianza, que ni causen escándalo ni se pongan en peligro.
22. Si adentro la tierra viereis alguna poblacion de Indios que ofrecieren amistad, podréis ir á ella con la gente mas pacífica y bien armada, mirando mucho en que ningun agravio se les haga en sus bienes y mugeres.
23. En tal caso dejaréis á mui buen recabdo los navíos; estaréis mui sobre aviso que no os engañen ni se entrometan muchos Indios entre los Españoles, &c.
24. Aviso que placiendo á Dios N. S. ayais los X^{nos} que en la d^{ha} Isla de Sta M^a de los remedios están captivos, y buscado que por ella ayais la d^{ha} armada é la d^{ha} caravela, seguiréis vuestro viage á la punta llana ques el principio de la tierra grande que agora nuevamente el d^{ho} J. de Grijalva descubrió, y correréis en su busca por la costa della adelante buscando todos los rios é puertos della fasta llegar á la baia de S. Juan, y Sta M^a de los Nieves, que es desde donde el d^{ho} J. de Grijalva me embió los heridos é dolientes, é me escribió lo que hasta allí le habia ocurrido; é si allí hallaredes, juntaros é ir con el J.; porque entre los Españoles que llevais ó allá están no haya diferencias, ... cada uno tenga cargo de la gente que consigo lleva, ... y entramos mui conformes, consultaréis lo que mas convenga conforme á esta instruccion, y á la que Grijalva llevó de sus Paternidades y mías; en tal caso los rescates todos se harán en presencia de Francisco de Peñalosa, veedor nombrado por sus Paternidades.
25. Inquiriréis las cosas de las tierras á do llegareis, así morales como físicas, si hai perlas, especiería, oro, &c., part^{te} en Sta M^a de las Nieves, de donde Grijalva me embió ciertos granos de oro por fundir é fundidos.
26. Quando salteis en tierra sea ante v^{ro} S^{no} y muchos testigos, y tomaréis posesion della con las solemnidades usadas: inquirid la calidad de las gentes: porque diz que hay gentes de orejas grandes y anchas, y otras que tienen las caras como perros, ... á que parte están las Amazonas, que dicen estos Indios que con vos llevais, que están cerca de allí.

27. Las demas cosas dejo á v^{ra} prudencia, confiando de vos que en todo tomeis el cuidadoso cuidado de hacer lo que mas cumpla al servicio de Dios y de SS. AA.

28. En todos los puertos de esta ysla do hallareis Españoles que quieran ir con vos, no lleveis á quien tuviere deudas, si antes no las paga ó da fianzas suficientes.

29. Luego en llegando á Sta M^a de las Nieves, me embiaréis en el navío que menos falta hiciere, quanto hubieredes rescatado y hallado de oro, perlas, especería, animales, aves, &c., con relacion de lo hecho y lo que pensais hacer, p^a que yo lo mande y diga al Rey.

30. Conoceréis conforme á derecho de las causas civiles y criminales que ocurran, como Capitan desta armada con todos los poderes, &c. &c. F^{ha} en esta cibdad de Santiago puerto desta isla Fernandina, á 23 Oct., 1518.

№ VI.—См. том i, стр. 338

ВЫДЕРЖКА ИЗ “ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИНДИИ” ЛАС КАСАСА, СР., LIB. III. CAP. CXVI

[Немногие испанские ученые имели доступ к трудам Лас Касаса; и я сделал эту короткую выдержку из оригинала как образец бессвязного, но энергичного стиля работы, известность которой была значительно усилена ревнивой сдержанностью, с которой она была удержана от публикации.]

Esto es uno de los errores y disparates que muchos han tenido y echo en estas partes; porque simprimero por mucho tiempo aver á los yndios y á qualquiera nacion ydolatria dotrinado es gran desvario quitarles los ydolos; lo qual nunca se hace por voluntad sino contra de los ydólatras; porque ninguno puede dexar por su voluntad é de buena gana aquello que tiene de muchos años por Dios y en la leche mamado y autorizado por sus mayores, sin que primero tenga entendido que aquellos que les dan ó en que les comutan su Dios, sea verdadero Dios. Mirad que doctrina les podian dar en dos ó en tres ó en quatro ó en diez dias, que allí estuviéron, y que mas estuvieran, del verdadero Dios, y tampoco les supieran dar para desarraygalles la opinion erronea de sus dioses, que en yéndose, que se fuéron, no tornáron á ydoлатrar. Primero se han de rraer de los corazones los y dolos, conviene á saber el concepto y estima que tienen de ser aquellos Dios los ydólatras por diuturna y deligente é continua dotrina, y pintalles en ellos el concepto y verdad del verdadero Dios, y despues ellos mismos viendo su engaño y error an de derrocar é destruir, con sus mismas manos y de toda su voluntad, los ydolos que veneraban por Dios é por dioses. Y así lo enseña San Agustin en el sermon, *De puero centurionis, de verbis Domini*. Pero no fué aqueste el postrero disparate que en estas yndias cerca desta materia se a hecho poner cruces, ynduciendo á los yndios á la rreverencia dellas. Si ay tiempo para ello con sinificacion alguna del fruto que pueden sacar dello, si se lo pueden dar á entender para hacerse y bien hacerse, pero no aviendo tiempo ni lengua ni sazon, cosa superflua é ynútil parece. Porque pueden pensar los yndios que les dan algún ydolo de aquella figura que tienen por Dios los christianos, y así lo arán ydólatra adorando por Dios aquel palo. La mas cierta é conveniente regla é dotrina que por estas tierras y otras de ynfieles semejantes á estos los christianos deben dar é tener, quando van de pasada como estos yvan, é quando tambien quisieren morar entre ellas, es dalles muy buen exemplo de hobras virtuosas y christianas, para que, como dice nuestro Redemptor, viéndolas alaben y den gloria al Dios é padre de los cristianos, é por ellas juzguen que quien tales cultores tiene no puede ser sino bueno é verdadero Dios.

№ VII.—См. том ii, стр. 28

ПОКАЗАНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ АЛОНСО ЭРНАНДЕСА ДЕ ПУЭРТО-КАРРЕРО, Г-жи

[Пуэрто-Карреро и Монтехо были двумя офицерами, отправленными Кортесом домой с Вилья-Рики снашивками правительства. Эмиссары были допрошены под присягой достопочтенным доктором Карбахалем, одним из членов Совета Индии, в отношении действий Веласкеса и Кортеса; и ниже приведены показания Пуэрто-Карреро. Он был человеком из хорошей семьи, превосходившим в этом отношении большинство участников экспедиции. Оригинал находится в архивах Симанкаса.]

En la cibdad de la Coruña, á 30 días del mes de Abril, de 1520 años, se tomó el d^{ho} é deposicion de Alonso Hernandez Puerto-Carrero por mí, Joan de Samano, del qual haviendo jurado en forma so cargo del juramento dijo lo sig^{te}.

Primeramente dijo, que en ell armada que hizo Fran^{co} Hernández de Cordova é Caycedo é su compañero él no fué en ella; de la qual armada fué el d^{ho} Fran^{co} Hernandez de Cordova por Capitan General é principal armador; é que ha oido decir como estos descubrieron la Isla que se llama de Yucatan.

Item: dijo que en ell armada de que fué Capⁿ General Joan de Grijalva este testigo no fué; pero que vido un Capⁿ, que se dice Pedro de Alvarado, que embió Joan de Grijalva en una caravela con cierto oro é joyas á Diego Velasquez; é que oyó decir, que des que Diego Velasquez vido que traian tan poco oro, é el Capitan Joan de Grijalva se queria luego bolver é no hacer mas rescate, acordó de hablar á Hernandez Cortés para que hiciesen esta armada, por que al presente en Santiago no havia persona que mejor aparejo tuviese, i que mas bien quisto en la isla fuese, por que al presente tenia tres navíos: fuéle preguntado, como savia lo susod^{ho}; respondió, que porque lo avia oido decir á muchas personas de la isla.

Dice mas que se pregonó en el pueblo don este testigo vivia, que todas las personas que quisiesen ir en ell armada, de todo lo que se oviese ó rescátase habria la una tercera parte, é las otras dos partes eran para los armadores i navíos.

Fuéle preguntado, quien hizo dar el d^{ho} pregun, é en cuyo nombre se hacia, é quien se decia entonces que hacia la d^{ha} armada; respondió, que oyó decir, que Hernando Cortés havia escripto una carta á un Alc^e de aquel pueblo para que hiciese á pregonarlo; é que oyó decir, que Diego Velasquez habló con Hern^{do} Cortés para que juntam^{te} con él hiciesen la d^{ha} armada, por que al presente no havia otra persona que mejor aparejo en la dicha isla para ello tuviese, porque al presente tenia tres navíos, é era bien quisto en la isla; é que oyó decir, que si él no fuera por Capitan, que no fuera la tercera parte de la gente que con él fué; é que no sabe el concierto que entre sí tienen, mas de que oyó decir, que amvos hacían aquella armada, é que ponía Hern^{do} Cortés mas de las dos partes della, é que la otra parte cree este testigo que la puso Diego Velasquez, porque lo oyó decir, e despues que fué en la d^{ha} armada vido ciertos navíos que puso Hern^{do} Cortés, en lo que gastaba con la gente, que le pareció que ponía las dos partes ó mas, é que de diez navíos que fueron en ell armada los tres puso Diego Velasquez, é los siete Cortés suyos é de sus amigos.

Dijo que le dijéron muchas personas que ivan en ell armada como Hern^{do} Cortés hizo pregonar, que todos los que quisiesen ir en su compañía, si tovesen nescésida de dineros así para comprar vestidos como provisiones ó armas para ellos, que fuesen á él, é que él les socoreria é les daría lo que hoviesen menester, é que á todos los que á él acodian que lo dava, é que esto sabe, porque muchas personas á quien el socorría con dineros que lo dijéron; é que estando en la villa de la Trenidad, vió que él é sus amigos davan á toda la gente que allí estaba todo lo que havian menester; é así mesmo estando en la villa de Sant Cristobal en la Havana, vió hacer lo mismo, é comprar muchos puercos é pan, que podian ser tres ó cuatro meses.

Fuéle preguntado, á quien tenian por principal armador desta armada, é quien era público que la hacia; dijo que lo que oyó decir é vido, que Hern^{do} Cortés gastava las dos partes, é que los d^{hos} Diego Velasquez é Hern^{do} Cortés la hiciéron como d^{ho} tiene, é que no sabe mas en esto de este artículo.

Fuéle preguntado, si sabia quel d^{ho} Diego Velasquez fuese el principal por respecto de ser Gobernador por su Al. en las tierras é islas que por su industria se descubriesen; que no lo sabe, por que no le eran entonces llegados Gonzalo de Guzman é Narvaez.

Fuéle preguntado, si sabe el d^{ho} Diego Velasquez sea lugar teniente de Gobernador é capitan de la isla de Cuba; dijo que ha oido decir, ques teniente de Almirante.

Fuéle preguntado, si sabia dellasi^{to} é capitulacⁿ que el dicho Diego Velasquez tomó con los Frailes Gerónimos en nombre de S. M., é de la instruccion que ellos para el descubrimiento le diéron; dijo que oyó decir, que les havia f^{ho} relacion que havia descovierto una t^{rra} que era mui rica, é les embió á pedir le diesen lic^a para vojallá é para rescatar en ella, é los Padres Gerónimos que la diéron, é que esto sabe por que lo oyó decir: fuéle preguntado, si vió este asiento ó poderes algunos de los d^{hos} Padres ó la d^{ha} instruccion; dijo que bien los puede haver visto, mas lo que en ellos iva, no se acuerda mas que lo arriva d^{ho}.

Fuéle preguntado, si vió ó oyó decir, que los dichos poderes é capitulacⁿ de los d^{hos} Padres Gerónimos fuese nombrado Diego Velasquez ó el d^{ho} Cortés; dijo que en los poderes que los P^{res} Gerónimos embiáron á Diego Velasquez que á él seria, é no há Hernando Cortés, por que el d^{ho} Diego Velasquez lo embió á pedir.

Fuéle preguntado, como é porque causa obedecia á Hern^{do} Cortés por Capⁿ General de aquella armada; dijo que porque Diego Velasquez le dió su poder en nombre de su Al. para ir hacer aquel rescate; é que lo sabe, porque vió el poder é lo oyó decir á todos ellos.

Fuéle preguntado, que fué la causa por que no usáron con el d^{ho} Hern^{do} Cortés de los poderes que llevaba del d^{ho} Diego Velasquez; dijo que esta armada iva en achaque de buscar á Juan de Grijalva; que oyó decir, que no tenia poder Diego Velasquez de los P^{res} Gerónimos para hacer esta armada; é con este achaque que arriva dice hiciéron esta armada, é que él usó del poder que Diego Velasquez le dió, é allí rescató.

Fuéle preguntado, qué fué la causa porque, quando quisiéron poblar, le nombráron ellos por Capitan General é justicia mayor de nuevo; dijo que Hernando Cortés, desque havia rescatado é vido que tenia pocos vastim^{tos}, que no havia mas de para bolver tasadamente á la isla de Cuba, dijo que se queria bolver; é entonces toda la gente se juntaron é le requirieron qué poblase, pues los Yndios les tenian buena voluntad é mostravan que holgaban con ellos, é la t^{ra} era tan aparejada para ello, é S. M. seria dello mui servido; é respondió, que él no fraia poder para poblar, que él responderia; é respondió, que pues era servicio de S. M. poblar, otejava que poblasen; é hiciéron Alc^s é Rexidores, é se juntáron en su cabildo, é le proveyéron de Xusticia mayor é Capitan General en nombre de S. M.

Fuéle preguntado, que se hiciéron los navíos que llebáron; dijo que desque pobláron venian los maestres de los navíos, á decir al capitan que todos los navíos se ivan á fondo, que no los podian tener encima dell agua; i el d^{ho} Capitan mandó á ciertos maestres é pilotos que entrasen en los navíos é viesen los que estavan para poder navegar, é ver si se podiesen remediar; é los d^{hos} maestres é pilotos digéron, que no havia mas de tres navíos que pudiesen navegar é remediarse, é que havia de ser con mucha costa; é que los demas que no havia medio ninguno en ellos, é que alguno dellos se undió en la mar, estando echada el ancla; é que con los demas que no esta van para poder navegar é remediarse, los dejáron ir al traves; é que esta es la verdad, é firmólo de su nombre.

Dijo que se acuerda que oyó decir, que Hernando Cortés havia gastado en esta armada cinco mill ducados ó castellanos; é que Diego Velasquez oyó decir, que havia gastado mill é setecientos, poco mas ó menos; é que esto que gastó fué en vinos é aceites é vinagre é ropas de vestir, las que les vendió un factor que allá está de Diego Velasquez, en que les vendia el arroba de vino á cuatro castellanos que salia al respecto por una pipa cient. castellanos, el arroba del aceite á seis castellanos, é alomesmo la arrova del vinagre, é las camisas á dos pesos, y el par de los alpargates á castellano, é un mazo de cuentas de valoria á dos castellanos costándole á él á dos reales, é á este respecto fuéron todas las otras cosas; é que esto que gastó Diego Velasquez lo sabe, porque lo vido vender, é este testigo se le vendió hasta parte dello.—Alonso Hernandez Portocarrero declaró ante mí, Johan de Samano.

№ VIII.—См. том ii. стр. 31

ВЫДЕРЖКА ИЗ “ХАРТИИ ВЕРЫ КРУС”, СР.

[Следующий отрывок из этого знаменитого письма муниципалитета Ла-Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус императору дает краткое представление об основании первой колонии в Мексике и о назначении этим органом Кортеса верховным судьей и генерал-капитаном. Оригинал хранится в Императорской библиотеке в Вене.]

Despues de se aver despedido de nosotros el dicho Caçique, y buuelto á su casa, en mucha conformidad, como en esta armada venimos, personas nobles, cavalleros, hijos dalgo, zelosos del servicio de n^{ro} Señor y de V^{ras} Reales Altezas, y deseosos de ensalzar su Corona Real, de acrecentar sus Señoríos, y de aumentar sus rentas, nos juntámos y platicámos con el dicho capitan Fernando Cortés, diciendo que esta tierra era buena, y que segun la muestra de oro que aquel Caçique avia traído, se creia que debia de ser mui rica, y que segun las muestras que el dicho Caçique avia dado, era de creer que él y todos sus Indios nos tenian muy buena voluntad; portante que nos pareçia que nos convenia al servicio de V^{ras} Magestades, y que en tal tierra se hiziese lo que Diego Velasquez avia mandado hacer al dicho Capitan Fernando Cortés, que era rescatar todo el oro que pudiese, y rescatado bolverse con todo ello á la Isla Fernandina, para gozar solamente de ello el dicho Diego Velasquez y el dicho Capitan; y que lo mejor que á todos nos parecia era, que en nombre de V^{ras} Reales Altezas se poblase y fundase allí un pueblo en que huviese justicia, para que en esta tierra tuviesen Señorío, como en sus Reinos y Señoríos lo tienen; porque siendo esta tierra poblada de Españoles, de mas de acreçentar los Reinos y Señoríos de V^{ras} Magestades, y sus rentas, nos podrian hacer mercedes á nosotros y á los pobladores que de mas allá viniesen adelante; y acordado esto, nos juntámos todos en concordés de un ánimo y voluntad, y hizímos un requerimiento al dicho capitan, en el qual dixímos, que pues él veia quanto al servicio de Dios n^{ro} Señor y al de V^{ras} Magestades convenia, que esta tierra estuviese poblada, dándole las causas de que arriba á V^{ras} Altezas se ha hecho relaçion, que le requerimos que luego cesase de hacer rescates de la manera que los venia á hacer, porque seria destruir la tierra en mucha manera, y V^{ras} Magestades serian en ellos muy desservidos; y que así mismo le pedímos y requerimos que luego nombrase para aquella villa, que se avia por nosotros de hacer y fundar, Alcaldes y Regidores, en nombre de V^{ras} Reales Altezas, con ciertas protestaciones, en forma que contra él protestámos si así no lo hiziesen; y hecho este requerimiento al dicho Capitan, dixo que daria su respuesta el dia siguiente; y viendo pues el dicho Capitan como convenia al servicio de V^{ras} Reales Altezas lo que le pediamos, luego otro dia nos respondió diciendo, que su voluntad estava mas inclinada al servicio de V^{ras} Magestades que á otra cosa alguna, y que no mirando al interese que á él se le siguiese, si prosiguiera en el rescate que traia propuesto de rehacer los grandes gastos que de su hacienda avia hecho en aquella armada juntamente con el dicho Diego Velasquez, antes poniéndolo todo le placia y era contento de hacer lo que por nosotros le era pedido, pues que tanto convenia al servicio de V^{ras} Reales Altezas; y luego comenzó con gran diligencia á poblar y á fundar una villa la qual puso por nombre la rica Villa de Vera Cruz, y nombrónos á los que lá delantes subscribimos, por Alcaldes y Regidores de la dicha Villa, y en nombre de V^{ras} Reales Altezas recibió de nosotros el juramento y solendidad que en tal caso se acostumbra y suele hacer; despues de lo qual otro dia siguiente entrámos en nuestro cabildo y ajuntamiento, y

estando así juntos embiamos á llamar al dicho Capitan Fernando Cortés, y le pedímos en nombre de V^{ras} Reales Altezas que nos mostrase los poderes y instrucciones que el dicho Diego Velasquez le avia dado para venir á estas partes, el qual embió luego por ellos y nos los mostró; y vistos y leídos por nosotros, bien examinados segun lo que pudimos mejor entender, hallámos á nuestro parecer que por los dichos poderes y instrucciones no tenia mas poder el dicho capitan Fernando Cortés, y que por aver ya espirado no podia usar de justicia ni de Capitan de allí adelante; pareciéndonos, pues, mui Excellentísimos Príncipes! que para la pacificacion y concordia de entre nosotros, y para nos gobernar bien, convenia poner una persona para su Real servicio, que estuviese en nombre de V^{ras} Magestades en la dicha villa y en estas partes por justicia mayor y capitan y cabeza, á quien todos acatasemos hasta hacer relacion de ello á V^{ras} Reales Altezas para que en ello proveyesen lo que mas servidos fuesen, y visto que á ninguna persona se podria dar mejor el dicho cargo que al dicho Fernando Cortés, porque demas de ser persona tal qual para ello conviene, tiene muy gran zelo y deseo del servicio de V^{ras} Magestades, y así mismo por la mucha experiencia que de estas partes y Islas tiene, de causa de los quales ha siempre dado buena cuenta, y por haver gastado todo quanto tenia por venir como vino con esta armada en servicio de V^{ras} Magestades, y por aver tenido en poco, como hemos hecho relacion, todo lo que podia ganar y interese que se le podia seguir si rescatare como traia concertado, y le proveimos en nombre de V^{ras} Reales Altezas de justicia y Alcalde mayor, del qual recibímos el juramento que en tal caso se requiere, y hecho como convenia al Real servicio de V^{ra} Magestad, lo recibímos en su Real nombre en n^{ro} ajuntamiento y cabildo por Justicia mayor y capitan de V^{ras} Reales armas, y así está y estará hasta tanto que V^{ras} Magestades provean lo que mas á su servicio convenga: hemos querido hacer de todo esto relación á V^{ras} Reales Altezas, porque sepan lo que acá se ha hecho, y el estado y manera en que quedamos.

№ IX.—См. том ii. стр. 108

ВЫДЕРЖКА ИЗ “ИСТОРИИ ТЛАСКАЛЫ” КАМАРГО, ср.

[Этот отрывок из индийского хрониста относится к церемонии вступления в должность Текухтле, или рыцаря-купца, в Тлашкале. Можно представить себя читающим страницы Сен-Пале или любого другого историка европейского рыцарства.]

Esta ceremonia de armarse caballeros los naturales de México y Tlaxcalla y otras provincias de la Laguna Mejicana es cosa muy notoria; y así no nos detendrémos en ella, mas de pasar secuntamente. Es de saber, que cualquier Señor, ó hijos de Señores, que por sus personas habian ganado alguna cosa en la guerra, ó que hubiesen hecho ó emprendido cosas señaladas y aventajadas, como tubiese indicios de mucho valor, y que fuese de buen consejo y aviso en la república, le armaban caballero; que como fuesen tan ricos que por sus riquezas se enoblecian y hacian negocios de hijos y dalgo y caballero, los armaban caballeros por dos, diferentemente que los caballeros de linea recta, porque los llamaban Tepilhuan: Al Mercader que era armado caballero, y á los finos que por descendencia lo eran, llamaban Tecuhtles. Estos Tecuhtles se armaban caballeros con muchas ceremonias. Ante todas cosas, estaban encerrados 40 ó 60 dias en un templo de sus Ídolos, y ayunaban todo este tiempo, y no trataban con gente mas que con aquellos que les servian, y al cabo de los cuales eran llevados al templo mayor, y allí se les daban grandes doctrinas de la vida que habian de tener y guardar; y antes de todas estas cosas les daban grandes bejamenes con muchas palabras afrentosas y satíricas, y les daban de puñadas con grandes reprensiones, y aun en su propio rostro, segun atrás dejámos tratado, y les horadaban las narices y labios y orejas; y la sangre que de ellos salia la ofrecian á sus Ídolos. Allí les daban publicamente sus arcos y flechas y macanas y todo género de armas usadas en su arte militar. Del templo era llevado por las calles y plazas acostumbradas con gran pompa y regocijo y solemnidad: poníanles en las orejas orejeras de oro, y bezotes de lo mismo, llevando adelante muchos truhanes y chocarreros que decian grandes donaires, con que hacian reir las gentes; pero como vamos tratando, se ponian en las narices piedras ricas, oradábanles las orejas y narices y bezos, no con yerros ni cosa de oro ni plata, sino con guesos de Tigres y leones y águilas agudos. Este armado caballero hacia muy solemnnes fiestas y costosas, y daban muy grandes presentes á los antiguos Señores caballeros así de ropas como de esclavos, oro y piedras preciosas y plumerías ricas, y divisas, escudos, rodela y arcos y flechas, á manera de propinas cuando se doctoran nuestros letrados. Andan de casa en casa de estos Tecuhtles dándoles estos presentes y dadivas, y lo propio hacen con estos armados caballeros despues que lo eran, y se tenia cuenta con todos ellos. Y era república; y así no se armaban muchos caballeros hidalgos pobres, por su poca posibilidad, sino eran aquellos que por sus nobles y loables hechos lo habian merecido, que en tal caso los caciques cabeceros y los mas supremos Señores Reyes, pues tenian meromixto imperio con sus tierras, y orca y cuchillo para ejecutar los casos de justicia, como en efecto era así. Finalmente, que los que oradaban las orejas, bezos, y narices de estos, que así se armaban caballeros, eran caballeros ancianos y muy antiguos, los cuales estaban dedicados para esto; y así como para en los casos de justicia y consejos de guerra. Servian estos caballeros veteranos en la república, los cuales eran temidos, obedecidos, y reverenciados en muy gran veneracion y estima. Y como atras dejámos dicho, que al cabo de los 40 ó 60 dies de ayuno de los caballeros nobles los sacaban de allí para llevarlos al templo mayor donde tenian sus simulacros; no les oradaban entonces las orejas, narices, ni labios, que son los labios de la parte de abajo, sino que cuando se ponian en el ayuno, entonces; y ante todas cosas les hacian estos bestiales espectáculos; y en todo el tiempo de ayuno estaba en cura, para que el dia de la mayor ceremonia fuese sano de las heridas, que pudiesen ponerle las orejeras y bezotes sin ningun

detrimento ni dolor; y en todo este tiempo no se lavaban, antes estaban todo tiznados y embiajados de negro, y con muestras de gran humildad para conseguir y alcanzar tan gran merced y premio, velando las armas todo el tiempo del ayuno segun sus ordenanzas, constituciones, y usos y costumbres entre ellos tan celebrados. Tambien usaban tener las puertas donde estaban ayunando cerradas con ramos de laurel, cuyo árbol entre los naturales era muy estimado.

№ X.—См. том ii. стр. 300.

ВЫДЕРЖКА ИЗ “ИСТОРИИ ИНДИИ” ОВЬЕДО, СР., LIV. XXXIII. ГЛАВА. XLVI

[Эта глава, которая снабдила меня многими подробностями для повествования, содержит подробный отчет о домашнем хозяйстве и образе жизни Монтесумы, собранный автором, как он говорит нам, по свидетельствам различных авторитетных лиц, располагавших наилучшими средствами получения информации. Это хороший образец манеры историка и может представлять интерес для кастильских ученых, поскольку оригинал никогда не публиковался и, судя по внешнему виду, вряд ли будет опубликован.]

Quando este gran Príncipe Montezuma comia, estaba en una gran sala encalada é mui pintada de pinturas diversas; allí tenia enanos é chocarreros que le decian gracias é donaires, é otros que jugaban con vn palo puesto sobre los pies grande, é le traian é meneaban, con tanta facilidad é ligereza, que parecia cosa imposible; e otros hacian otros juegos é cosas de mucho para se admirar los hombres. A la puerta de la sala estaba vn patio mui grande, en que habia cien aposentos de 25 ó 30 pies de largo, cada uno sobre sí, en torno de dicho patio, é allí estaban los Señores principales aposentados como guardas del palacio ordinarias, y estos tales aposentos se llaman galpones, los quales á la continua ocupan mas de 600 hombres, que jamas se quitaban de allí, é cada vno de aquellos tenian mas de 30 servidores, de manera que á lo menos nunca faltaban 3000 hombres de guerra en esta guarda cotidiana del palacio. Quando queria comer aquel príncipe grande, daban le agua á manos sus Mugerres, é salian allí hasta 20 dellas las mas queridas é mas hermosas é estaban en pie en tanto que él comia; É traíale vn Mayordomo ó Maestre-sala 3000 platos ó mas de diversos manjares de gallinas, codornices, palomas, tórtolas, é otras aves, é algunos platos de muchachos tiernos guisados á su modo, é todo mui lleno de axi, é el comia de lo que las mugeres le trahian ó queria. Despues que habia acabado de comer se tornaba á labar las manos, é las Mugerres se iban á su aposento dellas, donde eran mui bien servidas; É luego ante el señor allegábanse á sus burlas é gracias aquellos chocarreros é donosos, é mandaba les dar de comer sentados á vn cabo de la sala; é todo lo restante de la comida mandaba dar á la otra gente que se ha dicho que estaban en aquel gran patio; y luego venian 3000 Xicalos i cantaros ó ánforas de breva, é despues que el señor habia comido ó bebido, é labándose las manos, íbanse las Mugerres, é acabadas de salir de la sala, entraban los negociantes de muchas partes, así de la misma cibdad como de sus señoríos; é los que le habian de hablar incábanse de rodillas quatro varas de medir ó mas, apartados dél é descalzos, é sin manta de algodón que algo valiesse; é sin mirarle á la cara decian su razonamiento; é él proveia lo que le parecia; é aquellos se levantaban é tornaban atrás retraiéndose sin volver las espaldas vn buen tiro de piedra, como lo acostumbraban hacer los Moros de Granada delante de sus señores é príncipes. Allí habia muchos jugadores de diversos juegos, en especial con vnos fesoles á manera de habas, é apuntadas como dados, que es cosa de ver; é juegan cuanto tienen los que son Tahures entrellos. Ivan los Españoles á ver á Montezuma, é mandábales dar duchos, que son vnos banquillos ó escabeles, en que se sentasen, mui lindamente labrados, é de gentil madera, é decíanles que querian, que lo pidiesen é dársele han. Su persona era de pocas carnes, pero de buena gracia é afabil, é tenia cinco ó seis pelos en la barba tan luengos como un gemo. Si le parecia buena alguna ropa que el Español tubiese, pedíasela, é si se la dada liberalmente sin le pedir nada por ella, luego se la cobria é la miraba mui particularmente é con placer la loaba; mas si le pedian precio por ella hacíalo dar luego, é tomaba la ropa é tornábasela á dar á los christianos sin se la cubrir é como descontento de la mala crianza dél que pedia el precio, decia: Para mí no ha de haber precio alguno, porque yo soy señor, é no me han de pedir nada deso; que yo lo daré sin que me den alguna cosa; que es mui gran afrenta poner precio de ninguna cosa á los que son señores, ni ser ellos Mercaderes. Con esto concuerdan las palabras que de Scipion Africano, que de sí decian aquella contienda de prestancia, que escribe Luciano, entre los tres capitanes mas excelentes de los antiguos, que son Alexandro Magno, é Anibal, é Scipion: Desde que nascí, ni vendí ni compré cosa ninguna. Así que decia Montezuma quando así le pedian precio: Otro dia no te pediré cosa alguna, porque me has hecho mercader; vete con Dios á tu casa, é lo que obieses menester pídelo, é dársete ha: É no tornes acá, que no soy amigo desos tratos, ni de los que en ellos entienden, para mas de dexárselos vsar con otros hombres en mi Señorío. Tenia Montezuma mas de 3000 señores que le eran subgetos, é aquellos tenian muchos vasallos cada uno dellos; É cada qual tenia casa principal en Temixtitan, é habia de residir en ella ciertos meses del año; É quando se habian de ir á su tierra con licencia de Montezuma, habia de quedar en la casa su hijo ó hermano hasta quel señor della tornase. Esto hacia Montezuma por tener su tierra segura, é que ninguno se le alzase sin ser sentido. Tenia vna seña, que trahian sus Almozarifes é Mensageros quando recogian los tributos, é él que erraba lo mataban á él é á quantos dél venian. Dábanle sus vasallos en tributo ordinario de tres hijos uno, é él que no tenia hijos habia de dar vn Indio ó India para sacrificar á sus Dioses, é sino lo daban, habian de sacrificarle á él: Dábanle tres hanegas de mahiz vna, é de todo lo que grangeaban, ó comian, ó bebian; En fin, de todo se le daba el tercio; É

él que desto faltaba pagaba con la cabeza. En cada pueblo tenían Mayordomo con sus libros del número de la gente é de todo lo demás asentado por tales figuras é caracteres aquellos se entendían sin discrepancia, como entre nosotros con nuestras letras se entendería una cuenta muy bien ordenada. É aquellos particulares Mayordomos daban cuenta á aquellos que residían en Temixtitan, é tenían sus alholies é magazenes é depósitos donde se recogían los tributos, é oficiales para ello, é ponían en cárceles los que á su tiempo no pagaban, é dábanles término para la paga, é aquel pasado é no pagado, justificaban al tal deudor, ó le hacían esclavo.

.....

Dexemos esta materia, é volvamos á este gran Príncipe Montezuma, el qual en una gran sala de 150 pies de largo, é de 50 de ancho, de grandes vigas é postes de madera que lo sostenían, encima de la qual, era todo un terrado é azuteca, é tenía dentro desta sala muchos géneros de aves, é de animales. Había 50 águilas caudales en jaolas, tigres, lobos, culebras, tan gruesas como la pierna, de mucho espanto, é en sus jaolas así mismo, é allí se les llevaba la sangre de los hombres é mugeres é niños que sacrificaban, é cebaban con ella aquellas bestias; é había un suelo hecho de la misma sangre humana en toda la dicha sala, é si se metía un palo ó vara temblaba el suelo. En entrando por la sala, el hedor era mucho é aborrecible é asqueroso; las culebras daban grandes é horribles silvos, é los gemidos é tonos de los otros animales allí presos era una melodía infernal, é para poner espanto; tenían 500 gallinas de ración cada día para la sustentación de esos animales. En medio de aquella sala había una capilla á manera de un horno grande, é por encima chapada de las minas de oro é plata é piedras de muchas maneras, como ágatas é cornesinas, nides, topacios, planas desmeraldas, é de otras suertes muchas é muy bien engastadas. Allí entraba Montezuma é se retrahía á hablar con el Diablo, al qual nombraban Atezcatēpoca, que aquella gente tienen por Dios de la guerra, y él les daba á entender, que era Señor y criador de todo, y que en su mano era el vencer; é los Indios en sus arreitos y cantares é hablas le dan gracias y lo invocan en sus necesidades. En aquel patio é sala había continuamente 5000 hombres pintados de cierto betún ó tinta, los quales no llegan á mugeres é son castos; llámanlos papas, é aquestos son religiosos.

.....

Tenía Montezuma una casa muy grande en que estaban sus Mugeres, que eran mas de 4000 hijas de señores, que se las daban para ser sus Mugeres, é él lo mandaba hacer así; é las tenía muy guardadas y servidas; y algunas veces él daba algunas dellas á quien quería favorecer y honrar de sus principales: Ellos las recibían como un don grandísimo. Había en su casa muchos jardines é 100 vaños, ó mas, como los que usan los Moros, que siempre estaban calientes, en que se bañaban aquellas sus Mugeres, las quales tenían sus guardas, é otras mugeres como Prioras que las gobernaban: É á estas mayores, que eran ancianas, acataban como á Madres, y ellas las trataban como á hijas. Tuvo su padre de Montezuma 150 hijos é hijas, de los quales los mas mató Montezuma, y las hermanas casó muchas dellas con quien le pareció; y él tubo 50 hijos y hijas, ó mas; y acaeció algunas veces tener 50 mugeres preñadas, y las mas dellas mataban las criaturas en el cuerpo, porque así dicen que se lo mandaba el Diablo, que hablaba con ellas y decíales que se sacrificasen ellas las orejas y las lenguas y sus naturas, é se sacasen mucha sangre é se la ofreciesen, é así lo hacían en efeto. Parecía la casa de Montezuma una cibdad muy poblada. Tenía sus porteros en cada puerta. Tenía 20 puertas de servicio; entraban muchas calles de agua á ellas, por las quales entraban é salían las canoas con mahiz, é otros bastimentos, é leña. Entraba en esta casa un caño de agua dulce, que venía de dos leguas de allí, por encima de una calzada de piedra, que venía de una fuente, que se dice chapictepeque, que nace en un peñón, que está en la Laguna salada, de muy excelente agua.

№ XI.—См. том iii, стр. 90, и алиби

ДИАЛОГ ОВЬЕДО С ДОНОМ ТОАНОМ КАНО, АП. "ИСТОРИЯ ИНДИИ", ср., LIV. XXXIII. КОЛПАЧОК. ЛИВ.

[Самым замечательным, в некоторых отношениях, из сочинений Овьедо является его "*Квинкуагена*", сборник воображаемых диалогов с самыми выдающимися личностями своего времени, часто основанных, без сомнения, на личном общении, которое он поддерживал с ними. В своей "Истории Индии" он также ввел диалог, который, по его словам, на самом деле имел место с доном Тоаном Каном, кастильским идадьго, женившимся на вдове Гватемальозина, прелестной дочери Монтесумы. Первоначально он прибыл в страну вместе с Нарваэсом; и поскольку, по словам Овьедо, он был человеком умным, а его особое положение как до, так и после Завоевания открыло ему лучшие источники информации, его свидетельство имеет высочайшую ценность. Как таковой, я часто использовал его на предыдущих страницах, и теперь я переписываю его полностью, в оригинале, как важный документ для истории Завоевания.]

DIÁLOGO DEL ALCAYDE DE LA FORTALEZA DE LA CIBDAD É PUERTO DE SANTO DOMINGO DE LA ISLA ESPAÑOLA, AUTOR Y CHRONISTA DESTAS HISTORIAS, DE LA UNA PARTE, É DE LA OTRA, UN CABALLERO VECINO DE LA GRAND CIBDAD DE MÉXICO, LLAMADO THOAN CANO

ALC. Señor, ayer supe que Vm. vive en la grand cibdad de México, y que os llamais Thoan Cano; y porque yo tube amistad con vn caballero llamado Diego Cano, que fué criado del serenísimo Príncipe Don Thoan, mi señor, de gloriosa memoria, deseo saber si es vivo, é donde sois señor natural, é como quedásteis avecindado en estas partes, é rescibiré merced, que no rescibais pesadumbre de mis preguntas; porque tengo necesidad de saber algunas cosas de la Nueva España, y es razon, que para mi satisfaccion yo procure entender lo que deseo de tales personas é hábito que merezcan crédito; y así, Señor, recibiré mucha merced de la vuestra en lo que digo.

TOAH KAHU. Señor Alcayde, yo soy él que gano mucho en conoceros; y tiempo ha que deseaba ver vuestra persona, porque os soi aficionado, y querria que mui de veras me tubiesedes por tan amigo é servidor como yo os lo seré. É satisfaciendo á lo que Vm. quiere saber de mí, digo, que Diego Cano, Escribano de Cámara del Príncipe Don Thoan, y camarero de la Tapicería de su Alteza, fué mi tio, é ha poco tiempo que murió en la cibdad de Caceres, donde vivia é yo soy natural: Y quanto á lo demas, yo, Señor, pasé desde la Isla de Cuba á la Nueva España con el capitan Pámphilo de Narvaez, é aunque mozo é de poco edad, yo me hallé cerca dél quando fué preso por Hernando Cortés é sus mañas; é en ese trance le quebráron vn ojo, peleando él como mui valiente hombre; pero como no le acudió su gente é con él se halláron mui pocos, quedó preso é herido, é se hizo Cortes señor del campo, é truxo á su devocion la gente que con Pámphilo habia ido, é en rencuentros é en batallas de manos en México; y todo lo que ha sucedido despues yo me he hallado en ello. Mandais que diga como quedé avecindado en estas partes, y que no reciba pesadumbre de vuestras preguntas; satisfaciendo á mi asiento, digo, Señor, que yo me casé con una Señora hija legítima de Montezuma, llamada doña Isabel, tal persona, que aunque se hobiera criado en nuestra España, no estobiera mas enseñada é bien dotrina é Católica, é de tal conversacion é arte, que os satisfaria su manera é buena gracia; y no es poco útil é provechosa al sosiego é contentamientos de los naturales de la tierra; porque, como es Señora en todas sus cosas é amiga de los christianos, por su respecto é exemplo mas quietud é reposo se imprime en los ánimos de los Mexicanos. En lo demas que se me preguntare, é de que yo tenga memoria, yo, Señor, diré lo que supiere conforme á la verdad.

ALC. Io acepto la merced que en eso recibiré; y quiero comenzar á decir lo que me ocurre, porque me acuerdo, que fuí informado que su padre de Montezuma tubo 150 hijos é hijas, ó mas, é que le acaeció tener 50 mugeres preñadas; É así escrebí esto, é otras cosas á este propósito en el capítulo 46, lo qual si así fué, queria saber, ¿como podeis vos tener por legítima hija de Montezuma a la S^{ra} Doña Isabel vuestra Muger, é que forma tenia vuestro suegro para que se conociesen los hijos bastardos entre los legítimos ó espurios é quales eran mugeres legítimas é concubinas?

MORV. Fué costumbre vsada y guardada entre los Mexicanos, que las mugeres legítimas que tomaban, era de la manera que agora se dirá. Concertados el hombre é muger que habian de contraer matrimonio, para le efectuar se juntaban los parientes de ambas partes é hacian vn areito despues que habian comido ó cenado; é al tiempo que los Novios se habian de acostar é dormir en vno, tomaban la halda delantera de la camisa de la Novia é atábanla á la manta de algodón que tenia cubierto el Novio. É así ligados tomábanlos de las manos los principales parientes de ambos, é metian los en una cámara, donde los dejaban solos é oscuros por tres dias contiguos sin que de allí saliesen él ni ella, ni allá entraba mas de vna India á los proveer de comer é lo que habian menester; en el qual tiempo deste encerramiento siempre habia bailes ó areitos, que ellos llaman mitote; é en fin de los tres dias no hai mas fiesta. É los que sin esta cerimonia se casan no son habidos por matrimonios, ni los hijos que proceden por legítimos, ni heredan. Así como murió Montezuma, quedáronle solamente por hijos legítimos mi Muger é vn hermano suio, é muchachos ambos; á causa de lo qual fué elegido por Señor vn hermano de Montezuma, que se decia Cuitcavaci, Señor de Iztapalapa, el qual vivió despues de su eleccion solos 60 dias, y murió de viruelas; á causa de lo qual vn sobrino de Montezuma, que era Papa ó sacerdote maior entre los Indios, que se llamaba Guatimuci, mató al primo hijo legítimo de Montezuma, que se decia Asupacaci, hermano de padre é madre de doña Isabel, é hizose señor, é fué mui valeroso. Este fué él que perdió á Mexico, é fué preso, é despues injustamente muerto con otros principales Señores é Indios; pues como Cortés é los christianos fuéron enseñoreados de México, ningun hijo quedó legítimo sino bastardos de Montezuma, ecepto mi Muger, que quedaba viuda, porque Guatimuci señor de México, su primo, por fixar mejor su estado, siendo ella mui muchacha, la tubo por muger con la cerimonia ya dicha del atar la camisa con la manta; é no obiéron hijos, ni tiempo para procreallos; é ella se convirtió á nuestra santa fee católica, é casóse con vn hombre de bien de los conquistadores primeros, que se llamaba Pedro Gallego, é ovo vn hijo en ella, que se llama Thoan Gallego Montezuma; é murió el dicho Pedro Gallego, é yo casé con la dicha doña Isabel, en la qual me ha dado Dios tres hijos é dos hijas, que se llaman Pedro Cano, Gonzalo Cano de Saavedra, Thoan Cano, doña Isabel, é doña Catalina.

ALC. Señor Thoan Cano, suplicoos que me digais porque mató Hernando Cortés á Guatimuci: ¿revelóse despues, ó que hizo para que muriese?

MORV. Habeis de saber, que así á Guatimuci, como al Rey de Tacuba, que se decia Tetepanquezal, é al Señor de Tezcucó, el capitan Hernando Cortés les hizo dar muchos tormentos é crudos, quemádoles los pies, é untádoles las plantas con aceite, é poniéndoselas cerca de las brasas, é en otras diversas maneras, porque les diesen sus tesoros; é teniéndolos en contiguas fatigas, supo como el capitan Cristóval de Olit se le habia alzado en puerto de Caballos é Honduras, la qual provincia los Indios llaman Guaimuras, é determinó de ir á buscar é castigar

el dicho Christóval de Olit, é partió de México por tierra con mucha gente de Españoles, é de los naturales de la tierra, é llevóse consigo aquellos tres principales ya dichos, y despues los ahorcó en el camino; é así enviudó doña Isabel, é despues ella se casó de la manera que he dicho con Pedro Gallego, é despues conmigo.

ALC. Pues en cierta informacion, que se envió al Emperador Nuestro Señor, dice Hernando Cortés, que habia sucedido Guatimuci en el Señorío de México tras Montezuma, porque en las puentes murió el hijo é heredero de Montezuma, é que otros dos hijos que quedáron vivos, el vno era loco ó mentecapto, é el otro paralítico, é inútiles por sus enfermedades: É yo lo he escripto así en el capítulo 16, pensando quello seria así.

MORY. Pues escriba Vm. lo que mandare, y el Marques Hernando Cortés lo que quisiere, que yo digo en Dios y en mi conciencia la verdad, y esto es mui notorio.

ALC. Señor Thoan Cano, dígame Vm. ¿de que procedió el alzamiento de los Indios de México en tanto que Hernando Cortés salió de aquella cibdad é fué á buscar á Pámphilo de Narvaez, é dexó preso á Montezuma en poder de Pedro de Alvarado? Porque he oido sobre esto muchas cosas, é mui diferentes las vnas de las otras; é yo querria escrebir verdad, así Dios salve mi ánima.

MORY. Señor Alcayde, eso que preguntais es vn paso en que pocos de los que hai en la tierra sabrán dar razon, aunque ello fué mui notorio, é mui manifesta la sinrazon que á los Indios se les hizo, y de allí tomáron tanto odio con los Christianos que no fiáron mas dellos, y se siguiéron quantos males ovo despues, é la rebellion de México, y pienso desta manera: Esos Mexicanos tenian entre las otras sus idolatrías ciertas fiestas del año en que se juntaban á sus ritos é cerimonias; y llegado el tiempo de vna de aquellas, estaba Alvarado en guarda de Montezuma, é Cortés era ido donde habeis dicho, é muchos Indios principales juntáronse é pidiéron licencia al capitan Alvarado, para ir á celebrar sus fiestas en los patios de sus mezquitas ó qq. maiores junto al aposento de los españoles, porque no pensasan que aguel aiuntamiento se hacia á otro fin; É el dicho Capitan les dió la licencia. É así los Indios, todos Señores, mas de 600, desnudos, é con muchas joyas de oro, é hermosos penachos, é muchas piedras preciosas, é como mas aderezados é gentiles hombres se pudiéron é supiéron aderezar, é sin arma alguna defensiva ni ofensiva, bailaban é cantaban é hacian su areito é fiesta segund su costumbre; é al mejor tiempo que ellos estaban embebecidos en su regocijo, movido de cobdicia el Alvarado hizo poner en cinco puertas del patio cada 15 hombres, é en él entró con la gente restante de los Españoles, é comenzáron á acuchillar é matar los Indios sin perdonar á vno ni á ninguno, hasta que á todos los acabáron en poco espacio de hora. I esta fué la causa porque los de México, viendo muertos é robados aquellos sobre seguro, é sin haber merecido que tal crueldad en ellos hobiese fecho, se alzaron é hiciéron la guerra al dicho Alvarado, é á los christianos que con él estaban en guarda de Montezuma, é con mucha razon que tenian para ello.

ALC. ¿Montezuma, como murió? porque diversamente lo he entendido, y así lo he yo escripto diferenciadamente.

MORY. Montezuma murió de vna pedrada que los de fuera tiráron, lo qual no se hiciera, si delante dél no se pusiera vn rodadero, porque como le vieran ninguno tirara; y así por le cubrir con la rodela, é no creer que allí estaba Montezuma, le diéron vna pedrada de que murió. Pero quiero que sepais, Señor Alcayde, que desde la primera revelion de los Indios hasta que el Marques volvió á la cibdad despues de preso Narvaez, non obstante la pelea ordinaria que con los christianos tenian, siempre Montezuma les hacia dar de comer; é despues que el Marques tornó se le hizo grand recebimiento, é le diéron á todos los Españoles mucha comida. Mas habeis de saber, que el capitan Alvarado, como le acusaba la conciencia, é no arrepentido de su culpa, mas queriéndole dar color, é por aplacar el ánimo de Montezuma, dixo á Hernando Cortés, que fingiese que le queria prender é castigar, porque Montezuma le rogase por él, é que se fuesen muertos por muertos; lo qual Hernando Cortés no quiso hacer, antes mui enojado dixo, que eran vnos perros, é que no habia necesidad de aquel cumplimiento; é envió á vn principal á que hiciesen el Franquez ó Mercado; el qual principal enojado de ver la ira de Cortés y la poca estimacion que hacia de los Indios vivos, y lo poco que se le daba de los muertos, desdeñado el principal é determinado en la venganza fué el primero que renovó la guerra contra los Españoles dentro de vna hora.

ALC. Siempre oí decir que es buena la templanza, é sancta la piedad, é abominable la soberbia. Dicen que fué grandísimo el tesoro que Hernando Cortés repartió entre sus milites todos, quando determinó de dexar la cibdad é irse fuera della por consejo de vn Botello, que se preciaba de pronosticar lo que estaba por venir.

MORY. Bien sé quien era ese, y en verdad que él fué de parecer que Cortés y los Christianos se saliesen; y al tiempo del efectuarlo no lo hizo saber á todos, antes no lo supiéron, sino los que con él se halláron á esa plática; é los demas que estaban en sus aposentos é cuarteles se quedáron, que eran 270 hombres; los quales se defendiéron ciertos dias peleando hasta que de hambre se diéron á los Indios, é guardáronles la palabra de la manera que Alvarado la guardó á los que es dicho; é así los 270 Christianos, é los que dellos no habian sido muertos peleando todos, quando se rindiéron, fuéron cruelmente sacrificados: pero habeis, Señor, de saber, que desa liberalidad que Hernando Cortés vsó, como decis, entre sus milites, los que mas parte alcanzáron della; é mas se cargáron de oro é joyas, mas presto los matáron; porque por salvar el albarda murió el Asno que mas pesado la tomó; é los que no la quisiéron, sino sus espaldas é armas, pasáron con menos ocupacion, haciéndose el camino con el espada.

ALC. Grand lástima fué perderse tanto Thesoro y 154 Españoles, é 45 yeguas, é mas de 2000 Indios, é entrellos al Hijo é Hijas de Montezuma, é á todos los otros Señores que trahian presos. Io así lo tengo escripto en el capítulo 14 de esta Historia.

MORY. Señor Alcayde, en verdad quien tal os dixo, ó no lo vidó, ni supo ó quiso callar la verdad. Io os certifico, que fuéron los Españoles muertos en eso, con los que como dixe de suso que quedáron en la cibdad y en los que se perdiéron en el camino siguiendo á Cortés, y continuándose nuestra fuga, mas de 1170; é así pareció por alarde; é de los Indios nuestros amigos de Tascaltecle, que decis 2000, sin dubda fuéran mas de 8000.

ALC. Maravillome como despues que Cortés se acogió, é los que escapáron á la tierra de Tascaltecle, como no acabáron á él é á los christianos dexando allá muertos á los amigos; y aun así diz, que no les daban de comer sino por rescate los de Guaulip, que es ya término de Tascaltecle, é el rescate no le querian sino era oro.

MORY. Tenedlo, Señor, por falso todo eso; porque en casa de sus Padres no pudiéron hallar mas buen acogimiento los Christianos, é todo quanto quisiéron, é aun sin pedirlo, se les dió gracioso é de mui buena voluntad.

ALC. Para mucho ha sido el Marques é digno es de quanto tiene, é de mucho mas. É tengo lástima de ver lisiado vn cavallero tan valeroso é manco de dos dedos de la mano izquierda, como lo escrebí é saqué de su relacion, é puse en el capítulo 15. Pero las cosas de la guerra así son, é los honores, é la palma de la victoria no se adquieren durmiendo.

MORY. Sin dubda, Señor, Cortés ha sido venturoso é sagaz capitan, é los principales suelen hacer mercedes á quien los sirve, y es bien las hagan á todos los que en su servicio real trabajan; pero algunos he visto yo que trabajan é sirven é nunca medran, é otros que no hacen tanto como aquellos son gratificados é aprovechados; pera así fuesen todos remunerados como el Marques lo ha sido en lo de sus dedos de lo que le habeis lástima. Tubo Dios poco que hacer en sanarlo; y salid, Señor, de ese cuidado que así como los sacó de Castilla, quando pasó la primera vez á estas partes, así se los tiene agora en España; porque nunca fué manco dellos, ni le faltan; y así, ni hubo menester cirujano ni milagro para guarecer de ese trabajo.

ALC. Señor Thoan Cano, ¿es verdad aquella crueldad que dicen que el Marques vsó con Chulula, que es vna Cibdad por donde pasó la primera vez que fué á México?

MORY. Mui grand verdad es, pero eso yo no lo ví, porque aun no era yo ido á la tierra; pero supe lo despues de muchos que los viéron é se halláron en esa cruel hazaña.

ALC. ¿Como oístes decir que pasó?

MORY. Lo que oí por cosa mui notoria es, que en aquella cibdad pidió Hernando Cortés 3000 Indios para que llevasen el fardage, é se los diéron, é los hizo todos poner á cuchillo sin que escapase ninguno.

ALC. Razon tiene el Emperador Nuestro Señor de mandar quitar los Indios á todos los Christianos.

MORY. Hágase lo que S. M. mandare é fuese servido, que eso es lo que es mejor; pero yo no querria que padeciesen justos por pecadores: ¿quien hace crueldades paguelas, mas él que no comete delicto porque le han de castigar? Esto es materia para mas espacio; y yo me tengo de envarcar esta noche, é es ya quasi hora del Ave María. Mirad, Señor Alcayde, si hay en México en que pueda yo emplearme en vuestro servicio, que yo lo haré con entera voluntad é obra. Y en lo que toca á la libertad de los Indios, sin dubda á vnos se les habia de rogar con ellos á que los tuviesen é governasen, é los industrasen en las cosas de nuestra sancta fee Católica, é á otros se debian quitar: Pero pues aquí está el Obispo de Chiapa, Fr. Bartolomé de las Casas, que ha sido el movedor é inventor destas mudanzas, é va cargado de frailes mancebos de su órden, con él podeis, Señor Alcayde, desenvolver esta materia de Indios. É yo no me quiero mas entremeter ni hablar en ella, aunque sabria decir mi parte.

ALC. Sin duda, Señor Thoan Cano, Vmd. habla como prudente, y estas cosas deben ser así ordenadas de Dios, y es de pensar, que este reverendo Obispo de Cibdad Real en la provincia de Chiapa, como celoso del servicio de Dios é de S. M., se ha movido á estas peregrinaciones en que anda, y plega á Dios que él y sus Frailes acierten á servirles; pero él no está tan bien con migo como pensais, antes se ha quejado de mí por lo que escrebí cerca de aquellos Labradores é nuevos cavalleros que quiso hacer, y con sendas cruces, que querian parecer á las de Calatrava, seiendo labradores é de otras mezclas é género de gente baja, quando fué á Cubagua é á Cumaná, é lo dixo al Señor Obispo de S. Joan, don Rodrigo de Bastidas, para que me lo dixese, y así me lo dixo; y lo que yo respondí á su quexa no lo hice por satisfacer al Obispo de San Joan, é su sancta intencion; fué que le supliqué que le dixese, que en verdad yo no tube cuenta ni respecto, quando aquello escreví, á le hacer pesar ni placer, sino á decir lo que pasó; y que viese vn Libro, que es la primera parte destas Historias de Indias, que se imprimió el año de 1535, y allí estaba lo que escrebí; é que holgaba porque estabamos en parte que todo lo que dixe y lo que dexé de decir se provaria fácilmente; y que supiese que aquel Libro estaba ya en Lengua Toscana y Francesa é Alemana é Latina é Griega é Turca é Aráviga, aunque yo le escreví en Castellana; y que pues él continuaba nuevas empresas, y yo no habia de cesar de escrebir las materias de Indias en tanto que S. S. M. M. desto fuesen servidos, que yo tengo esperanza en Dios que le dexara mejor acertar en lo porvenir

que en lo pasado, y así adelante le parecería mejor mi pluma. Y como el Señor Obispo de San Joan es tan noble é le consta la verdad, y quan sin pasion yo escribo, el Obispo de Chiapa quedó satisfecho, aun yo no ando por satisfacer á su paladar ni otro, sino por cumplir con lo que debo, hablando con vos, Señor, lo cierto; y por tanto quanto á la carga de los muchos Frailes me parece en verdad que estas tierras manan, ó que llueven Frailes, pero pues son sin canas todos y de 30 años abajo, plega á Dios que todos acierten á servirle. Ya los ví entrar en esta Cibdad de dos en dos hasta 30 dellos, con sendos bordones, é sus sayas é escapularios é sombreros é sin capas, é el Obispo detras dellos. É no parecia vna devota farsa, é agora la comienzan no sabemos en que parará; el tiempo lo dirá, y esto haga Nuestra Señor al propósito de su sancto servicio. Pero pues van hacia aquellos nuevos vulcanes, decidme, Señor, ¿que cosa son, si los habeis visto, y que cosa es otro que teneis allá en la Nueva España, que se dice Guaxocingo?

MORV. El Vulcan de Chalco ó Guaxocingo todo es vna cosa, é alumbraba de noche 3 ó 4 leguas ó mas, é de dia salia continuo humo é á veces llamas de fuego, lo qual está en vn escollo de la sierra nevada, en la qual nunca falta perpetua nieve, é está á 9 leguas de México; pero este fuego é humo que he dicho turó hasta 7 años, poco mas ó menos, despues que Hernando Cortés pasó á aquellas partes, é ya no sale fuego alguno de allí; pero ha quedado mucho azufre é mui bueno, que se ha sacado para hacer pólvora, é hai quanto quisiéron sacar dello: pero en Guatimala hai dos volcanes é montes fogosos, é echan piedras mui grandísimas fuera de sí quemadas, é lanzan aquellas bocas mucho humo, é es cosa de mui horrible aspecto, en especial como lo viéron quando murió la pecadora de doña Beatriz de la Cueva, Muger del Adelantado Don Pedro de Alvarado. Plega á nuestro Señor de quedar con Vmd., Señor Alcaide, é dadme licencia que atiende la Barca para irme á la Nao.

ALC. Señor Thoan Cano, el Espiritu Sancto vaya con Vm., y os dé tan próspero viage é navegacion, que en pocos dias y en salvamento llegueis á Vuestra Casa, y halleis á la S^{ma} doña Isabel y los hijos é hijas con la salud que Vmd. y ellos os deseais.

ПОЖАЛОВАНИЕ КОРТЕСА ДОНЬЕ ИСАБЕЛЬ МОНТЕСУМА, ДОЧЕРИ ИМПЕРАТОРА МОНТЕСУМЫ; ДАТИРОВАНО
В МЕКСИКЕ 27 июня 1526 г.

[Монтесума на смертном одре поручил, как мы видели в Истории, покровительству Кортеса трех любимых дочерей. После смерти отца они были крещены, а после завоевания вышли замуж за испанцев из благородной семьи, и от них произошли несколько благородных домов в Испании. Кортес даровал в качестве приданого старшей дочери, донье Исабель, город Такуба и несколько других мест, охватывающих обширный и очень густонаселенный район. Я привел здесь документ, содержащий этот грант, который представляет особый интерес благодаря содержащимся в нем заметкам о последних минутах Монтесумы и убедительному свидетельству его непоколебимой дружбы к испанцам. Читатель должен принять во внимание очевидное стремление Кортеса представить поведение Монтесумы в столь выгодном свете для кастильского правительства, чтобы оно могло санкционировать выделение обширной субсидии его дочери.

Инструмент из коллекции Муньоса был взят со старинного экземпляра из библиотеки дона Рафаэля Флоранеса из Вальядолида.]

PRIVILEGIO DE DOÑA ISABEL, MOTEZUMA, HIJA DEL GRAN MOTEZUMA, ÚLTIMO REY
INDIO DEL GRAN REYNO Y CIBDAD DE MÉXICO, QUE BAUTIZADA Y SIENDO CHRISTIANA
CASÓ CON ALONSO GRADO, NATURAL DE LA VILLA DE ALCANTARA, HIDALGO, Y
CRIADO DE SU MAGESTAD, QUE HABIA SERVIDO Y SERVIA EN MUCHOS OFFICIOS EN
AQUEL REYNO

OTORGADO POR DON HERNANDO CORTÉS, CONQUISTADOR DEL DICHO REYNO, EN
NOMBRE DE SU MAGESTAD, COMO SU CAPITAN GENERAL Y GOVERNADOR DE LA
NUEVA ESPAÑA

Por quanto al tiempo que yo, Don Hernando Cortés, capitan general é Governador desta nueva España é sus provincias por S. Mag^d, pasé á estas partes conciertos Navíos é gente para las pacificar é poblar y traher las gentes della al dominio y servidumbre de la Corona Imperial de S. M. como al presente está, y despues de á ellos benido tuve noticia de un gran Señor, que en esta gran cibdad de Tenextitan residió, y hera Señor della, y de todas las demas provincias y tierras á ella comarcanas, que se llamaba Moteçuma, al qual hize saber mi venida, y como lo supo por los Mensageros que le envié para que me obedeciese en nombre de S. M. y se ofreciese por su vasallo: Tuvo por bien la dicha mi venida, é por mejor mostrar su buen celo y voluntad de servir á S. M., y obedecer lo que por mí en su Real nombre le fuese mandado, me mostró mucho amor, é mandó, que per todas las partes que pasasen los Españoles hasta llegar á esta Cibdad se nos hiciese mui buen acogimiento, y se nos diese todo lo que hubiesemos menester, como siempre se hizo, y mui mejor despues que á esta cibdad llegámos, donde fuímos mui bien recevidos, yo y todos los que en mi compañía benímos; y aun mostró haberle pesado mucho de algunos recuentros y batallas que en el camino se me ofreciéron antes de la llegada á esta dicha cibdad, queriéndose él disculpar dello; y que de lo demas dicho para efetuar y mostrar mejor su buen deseo, hubo por bien el dicho Moteçuma de estar debajo de la obediencia de S. M., y en mi poder á manera de preso asta que yo hiciese relacion á S. M., y del estado y cosas destas partes, y de la voluntad del dicho Moteçuma; y que estando en esta paz y sosiego, y teniendo yo pacificada esta dicha tierra docientas leguas y mas hacia una parte y otra con el sello y seguridad del dicho señor Moteçuma, por la voluntad y amor que siempre mostró al servicio de S. M., y complacerme á mi en su real nombre, hasta mas de un año, que se ofreció la venida de Pánfilo de Narvaez, que los alborotó y escandalizó con sus dañadas palabras y temores que les puso; por cuyo respeto se levantó contra el dicho señor Moteçuma un hermano suyo, llamado Auit Lavaci, Señor de Iztapalapa, y con mucha gente que traxo assí hizo mui cruda guerra al dicho Moteçuma y á mí y á los Españoles que en mi compañía estavan, poniéndonos mui recio cerco en los aposentos y casas donde estavamos; y para quel dicho su hermano y los principales que con él venian cesasen la dicha guerra y alzasen el cerco, se puso de una ventana el dicho Moteçuma, y estándoles mandando y amonestando que no lo hiciesen, y que fuesen vasallos de S. M. y obedeciesen los mandamientos que yo en su real nombre le mandaba, le tiráron con muchas hondas, y le diéron con una piedra en la cabeza, que le hiciéron mui gran herida; y temiendo de morir della, me hizo ciertos razonamientos, trayéndome á la memoria que por el entrañable amor que tenia al servicio de S. M. y á mí en su Real nombre y á todos los Españoles, padecia tantas heridas y afrentas, lo qual dava por bien empleado; y que si él de aquella herida fallecia, que me rogava y encargaba muy afetuosamente, que aviendo respeto á lo mucho que me queria y deseava complacer, tuviese por bien de tomar á cargo tres hijas suyas que tenia, y que las hiciese bautizar y mostrar nuestra doctrina, porque conocia que era mui buena; á las quales, despues que yo gané esta dicha cibdad, hize luego bautizar, y poner por nombres á la una que es la mayor, su legítima heredera, Doña Isabel, y á las otras dos, Doña María y Doña Marina; y estando en finamiento de la dicha herida me tornó á llamar y rogar mui ahincadamente, que si él muriese, que quirase por aquellas hijas, que eran las mejores joyas

que él me daba, y que partiese con ellas de lo que tenia, por que no quedasen perdidas, especialmente á la mayor, que esta queria él mucho; y que si por ventura Dios le escapaba de aquella enfermedad, y le daba Victoria en aquel cerco, que él mostraria mas largamente el deseo que tenia de servir á S. M. y pagarme con obras la voluntad y amor que me tenia; y que demas desto yo hiciese relacion á su Magestad de como me dexaba estas sus hijas, y le suplicase en su nombre se sirviese de mandarme que yo mirase por ellas y las tuviese so mi amparo y administracion, pues él hera tan servidor y vasallo de S. M. y siempre tuvo mui buena voluntad á los Españoles, como yo havia visto y via, y por el amor que les tenia le havian dado el pago que tenia, aunque no le pesaba dello. Y aun en su lengua me dixo, y entre estos razonamientos que encargaba la conciencia sobre ello.—Por ende acatando los muchos servicios que el dicho Señor Moteçuma hizo á S. M. en las buenas obras que siempre en su vida me hizo, y buenos tratamientos de los Españoles que en mi compañía yo tenia en su real nombre, y la voluntad que me mostró en su real servicio; y que sin duda él no fué parte en el levantamiento desta dicha cibdad, sino el dicho su hermano; antes se esperaba, como yo tenia por cierto, que su vida fuera mucha ayuda para que la tierra estuviera siempre mui pacífica, y vinieran los naturales della en verdadero conocimiento, y se sirviera S. M. con mucha suma de pesos de oro y joyas y otras cosas, y por causa de la venida del dicho Narvaez y de la guerra que el dicho su hermano Auit Lavaci levantó, se perdiéron; y considerando así mismo que Dios nuestro señor y S. M. son mui servidos que en estas partes planté nuestra santíssima Religion, como de cada dia la en crecimiento: Y que las dichas hijas de Moteçuma y los demas Señores y principales y otras personas de los naturales desta Nueva España se les dé y muestre toda la mas y mejor Dotrina que fuere posible, para quitarlos de las idolatrías en que hasta aquí han estado, y traerlos al verdadero conocimiento de nuestra sancta fee cathólica, especialmente los hijos de los mas principales, como lo era este Señor Moteçuma, y que en esto se descargava la conciencia de S. M. y la mia; en su real nombre tuve por bien de azetar su ruego, y tener en mi casa á las dichas tres sus hijas, y hacer, como he hecho, que se les haga todo el mejor tratamiento y acogimiento que ha podido, haciéndoles administrar y enseñar los mandamientos de nuestra santa fe cathólica y las otras buenas costumbres de Christianos, para que con mejor voluntad y amor sirvan á Dios nuestro Señor y conozcan y los Articulos della, y que los demas naturales tomen exemplo. Me pareció que segun la calidad de la persona de la dicha Doña Isabel, que es la mayor y legítima heredera del dicho Señor Moteçuma, y que mas encargada me dejó, y que su edad requeria tener compañía, le he dado por marido y esposo á una persona de honra, Hijo-Dalgo, y que ha servido á S. M. en mi compañía dende el principio que á estas partes pasó, teniendo por mí y en nombre de S. M. cargos y oficios mui honrosos, así de Contador y mi lugarteniente de Capitan Gobernador como de otras muchas, y dado dellas mui buena cuenta, y al presente está á su administracion el cargo y oficio de visitador general de todos los Indios desta dicha Nueva España, el qual se dice y nombre Alonso Grado, natural de la villa de Alcantara. Con la qual dicha Doña Isabel le prometo y doi en dote y arras á la dicha Doña Isabel y sus descendientes, en nombre de S. M., como su Gobernador y Capitan General destas partes, y porque de derecho le pertenece de su patrimonio y legítima, el Señorío y naturales del Pueblo de Tacuba, que tiene ciento é veinte casas; y Yeteve, que es estancia que tiene quarenta casas; y Izqui Luca, otra estancia, que tiene otras ciento y veinte casas; y Chimalpan, otra estancia, que tiene quarenta casas; y Chapulma Loyan, que tiene otras quarenta casas; y Escapucaltango, que tiene veinte casas; é Xiloango, que tiene quarenta casas; y otra estancia que se dice Ocoiacaque, y otra que se dice Castepeque, y otra que se dice Talanco, y otra estancia que se dice Goatrizco, y otra estancia que se dice Duotepeque, y otra que se dice Tacala, que podrá haver en todo mil y docientas y quarenta casas; las quales dichas estancias y pueblos son sujetos al pueblo de Tacuba y al Señor della. Lo qual, como dicho es, doy en nombre de S. M. en dote y arras á la dicha Doña Isabel para que lo haya y tenga y goce por juro de heredad, para agora y para siempre jamas, con título de Señora de dicho Pueblo y de lo demas aquí contenido. Lo qual le doy en nombre de S. M. por descargar su Real conciencia y la mia en su nombre.—Por esta digo; que no le será quitado ni removido por cosa alguna, en ningun tiempo, ni por alguna manera; y para mas saneamiento prometo y doy mi fe en nombre de S. M., que si se lo escribiese, le haré relacion de todo, para que S. M. se sirva de confirmar esta Merced de la dicha Doña Isabel y á los dichos sus herederos y subcesores del dicho Pueblo de Tacuba y lo demas aquí contenido, y de otras estancias á él sujetas, que están en poder de algunos Españoles, para que S. M. asimismo se sirva demandárselas dar y confirmar juntamente con las que al presente le doy; que por estar, como dicho es, en poder de Españoles, no se las dí hasta ver si S. M. es dello servido; y doy por ninguna y de ningun valor y efeto qualquier cédula de encomienda y depósito que del dicho pueblo de Tacuba y de las otras estancias aquí contenidas y declaradas yo aya dado á qualquiera persona; por quanto yo en nombre de S. M. las revoco y lo restituyo y doi á la dicha Doña Isabel, para que lo tenga como cosa suya propia y que de derecho le pertenece. Y mando á todas y qualesquier personas, vecinos y moradores desta dicha Nueva España, estantes y habitantes en ella, que hayan y tengan á la dicha Doña Isabel por Señora del dicho pueblo de Tacuba con las dichas estancias, y que no le impidan ni estorven cosa alguna della, so pena de quinientos pesos de oro para la cámara y fino de S. Mag^d.—Fecho á veinte y siete dias del mes de Junio de mil y quinientos y veinte y seis años.—Don Hernando de Cortés.—Por mandado del Gobernador mi señor.—Алонсо Бальенте.

№ XIII.—См. том iii. стр. 257.

ВОЕННЫЙ КОДЕКС: ДАТИРОВАН В ТЛАШКАЛЕ 22 декабря 1520 г.

[Эти Правила, провозглашенные Кортесом в Тласкале накануне последнего похода против Мексики, показывают тщательную дисциплину, установленную в его лагере, и, в некоторой степени, характер его военной политики. Кодекс является частью коллекции Муньоса.]

ORDENANZAS MILITARES

Este día á voz de pregonero publicó sus Ordenanzas, cuyo proemio es este.

Porque por muchas escrituras y crónicas auténticas nos es notorio é manifiesto quanto los antiguos que siguiéron el exercicio de la guerra procuráron é travaxáron de introducir tales y tan buenas costumbres y ordenaciones, con las cuales y con su propia virtud y fortaleza pudiesen alcanzar y conseguir victoria y próspero fin en las conquistas y guerras, que hobiesen de hacer é seguir; é por el contrario vemos haber sucedido grandes infortunios, desastres, é muertes á los que no siguiéron la buena costumbre y órden que en la guerra se debe tener; e les haber sucedido semejantes casos con poca pujanza de los enemigos, segun parece claro por muchos exemplos antiguos é modernos, que aquí se podrian espresar; é porque la órden es tan loable, que no tan solamente en las cosas humanas mas aun en las divinas se ama y sigue, y sin ella ninguna cosa puede haber cumplido efecto, como que ello sea un principio, medio, y fin para el buen reximiento de todas las cosas: Por ende yo, H. C. Capitan general é Justicia mayor en esta Nueva España del mar occéano por el mui alto, mui poderoso, é mui católico D. Cárlos nuestro Señor, electo Rey de Romanos, futuro Emperador semper Augusto, Rey de España é de otros muchos grandes reynos é Señoríos, considerando todo lo suso dicho, y que si los pasados falláron ser necesario hacer Ordenanzas é costumbres por donde se rigiesen é gobernasen aquellos que hubiesen de seguir y exercer el uso de la guerra, á los Españoles que en mi compañía agora están é estubiesen é á mí nos es mucho mas necesario é conveniente seguir y observar toda la mejor costumbre y órden que nos sea posible, así por lo que toca al servicio de Dios nuestro Señor y de la sacra Católica Magestad, como por tener por enemigos y contrarios á la mas belicosa y astuta gente en la guerra é de mas géneros de armas que ninguna otra generacion, especialmente por ser tanta que no tiene número, é nosotros tan pocos y tan apartados y destituidos de todo humano socorro; viendo ser mui necesario y cumplidero al servicio de su Cesarea Magestad é utilidad nuestra, Mandé hacer é hicemas Ordenanzas que de yuso serán contenidas é irán firmadas de mi nombre é del infrascrito en la manera siguiente.

PRIMERAMENTE, por quanto por la experiencia que habemos visto é cada dia vemos quanta solicitud y vigilancia los naturales de estas partes tienen en la cultura y veneracion de sus ídolos, de que á Dios nuestro Señor se hace gran deservicio, y el demonio por la ceguedad y engaño en que los trae es de ellos muy venerado; y en los apartar de tanto error é idolatría y en los reducir al conocimiento de nuestra Santa Fe católica nuestro Señor será muy servido, y demas de adquirir gloria para nuestras ánimas con ser causa que de aquí adelante no se pierdan ni condenen tantos, acá en lo temporal seria Dios siempre en nuestra ayuda y socorro: por ende, con toda la justicia que puedo y debo, exhorto y ruego á todos los Españoles que en mi compañía fuesen á esta guerra que al presente vamos, y á todas las otras guerras y conquistas que en nombre de S. M. por mi mandado hubiesen de ir, que su principal motivo é intencion sea apartar y desarraigar de las dichas idolatrías á todos los naturales destas partes, y reducirlos, ó á lo menos desear su salvacion, y que sean reducidos al conocimiento de Dios y de su Santa Fe católica; porque si con otra intencion se hiciese la dicha guerra, seria injusta, y todo lo que en ella se oviese Onoloxio é obligado á restitution, é S. M. no ternia razon de mandar gratificar á los que en ellas sirviesen. É sobre ello encargo la conciencia á los dichos Españoles, é desde ahora protesto en nombre de S. M. que mi principal intencion é motivo en facer esta guerra é las otras que ficiese por traer y reducir á los dichos naturales al dicho conocimiento de nuestra Santa Fe é creencia; y despues por los sozjugar é supeditar debajo del yugo é dominio imperial é real de su Sacra Magestad, á quien juridicamente el Señorío de todas estas partes.

Yt. En por quanto de los reniegos é blasfemias Dios nuestro Señor es mucho deservido, y es la mayor ofensa que á su Santísimo nombre se puede hacer, y por eso permite en las gentes recios y duros castigos; y no basta que seamos tan malos que por los inmensos beneficios que de cada dia dél recibimos no le demos gracias, mas decimos mal é blasfemamos de su santo nombre; y por evitar tan aborrecible uso y pecado, mando que ninguna persona, de qualquiera condicion que sea, no sea osado decir, No creo en Dios, ni Pese, ni Reniego, ni Del cielo, ni No ha poder en Dios; y que lo mismo se entienda de Nuestra Señora y de todos los otros Santos: sopena que demas de ser executadas las penas establecidas por las leyes del reyno contra los blasfemos, la persona que en lo susodicho incurriese pague 15 castellanos de oro, la tercera parte para la primera Cofradía de Nuestra Señora que en estas partes se hiciese, y la otra tercera parte para el fisco de S. M., y la otra tercera parte para el juez que lo sentenciase.

Yt. Porque de los juegos muchas y las mas veces resultan reniegos y blasfemias, é nacen otros inconvenientes, é es justo que del todo se prohiban y defiendan; por ende mando que de aquí adelante ninguna persona sea osada de jugar á naypes ni á otros juegos vedados dineros ni preseas ni otra cosa alguna; sopena de perdimiento de todo lo que jugase é de 20 pesos de oro, la mitad de todo ello para la Cámara, é la otra mitad para el juez que lo sentenciase. Pero por quanto en las guerras es bien que tenga la gente algun exercicio, y se acostumbra y permítase que jueguen por que se eviten otros mayores inconvenientes; permítase que en el aposento donde estubiese se jueguen naypes é otros juegos moderadamente, con tanto que no sea á los dados, porque allí es curarse han de no de decir mal, é á lo menos si lo dixesen serán castigados.

Yt. Que ninguno sea osado de echar mano á la espada ó puñal ó otra arma alguna para ofender á ningun Español; sopena que él que lo contrario hiciese, si fuese hidalgo, pague 100 pesos de oro, la mitad para el fisco de S. M., y la otra mitad para los gastos de la Xusticia; y al que no fuese hidalgo se le han de dar 100 azotes publicamente.

Yt. Por quanto acaese que algunos Españoles por no valar é hacer otras cosas se dexan de apurar en las copias de los Capitanes que tienen gente: por ende mando que todos se alistén en las Capitanías que yo tengo hechas é hiciese, excepto los que yo señalaré que queden fuera dellas, con apercibimiento que dende agora se les face, que él que así no lo hiciese, no se le dará parte ni partes algunas.

Otrosí, por quanto algunas veces suele acaecer, que en burlas é por pasar tiempo algunas personas que están en una capitania burlan é porfian de algunos de las otras Capitanías, y los unos dicen de los otros, y los otros de los otros, de que se suelen recrecer quisiones é escándalos: por ende mando que de aquí adelante ninguno sea osado de burlar ni decir mal de ninguna Capitanía ni la perjudicar; sopena de 20 pesos de oro, la mitad para la Cámara, y la otra mitad para los gastos de Xusticia.

Otrosí, que ninguno de los dichos Españoles no se aposente ni pose en ninguna parte, exepto en el lugar é parte donde estubiese aposentada su capitan; supena de 12 pesos de oro, aplicados en la forma contenida en el capítulo antecedente.

Yt. Que ningun capitan se aposente en ninguna poblacion ó villa ó ciudad, sino en el pueblo que le fuese señalado por el Maestro de Campo, sopena de 10 pesos de oro, aplicados en la forma suso dicha.

Yt. Por quanto cada Capitan tenga mejor acaudillada su gente, mando que cada uno de los dichos Capitanes tenga sus cuadrillas de 20 en 20 Españoles, y con cada una quadrilla un quadrillero ó cabo de escuadra, que sea personas hábil y de quien se deba confiar; so la dicha pena.

Otrosí, que cada uno de los dichos quadrilleros ó cabos desquadra rondén sobre las velas todos los quartos que les cupiese de velar, so la dicha pena; é que la vela que hallasen durmiendo, ó ausente del lugar donde debiese velar, pague cuatro Castellanos, aplicados en la forma suso dicha, y de mas que esté atado medio dia.

Otrosí, que los dichos quadrilleros tengan cuidado de avisar y avisen á las velas que hubiesen de poner, que puesto que recaudo en el Real no desamparen ni dexen los portillos ó calles ó pasos donde les fuese mandado velar y se vayan de allí á otra parte por ninguna necesidad que digan que les constriñó hasta que sean mandado; sopena de 50 castellanos, aplicados en la forma suso dicha al que fuese hijo dalgo; y sino lo fuese, que le sean dados 100 azotes publicamente.

Otrosí, que cada Capitan que por mí fuese nombrado tenga y traiga consigo su tambor é bandera para que rija y acaudille mejor la gente que tenga á su cargo; sopena de 10 pesos de oro, aplicados en la forma suso dicha.

Otrosí, que cada Español que oyese tocar el atambor de su compañía sea obligado á salir é salga á acompañar su bandera con todas sus armas en forma y á punto de guerra; sopena de 20 castellanos, aplicados en la forma arriba declarada.

Otrosí, que todas las veces que yo mandase mover el Real para alguna parte cada Capitan sea obligado de llevar por el camino toda su gente junta y apartada de las otras Capitanías, sinque se entrometa en ella ningun Español de otra Capitanía ninguna; y para ello constriñan é apremien á los que así llevasen debaxo de su bandera segun uso de guerra; sopena de 10 pesos de oro, aplicados en la forma suso declarada.

Yt. Por quanto acaece que antes ó al tiempo de romper en los enemigos algunos Españoles se meten entre el fardage, demas de ser pusilanimidad, es cosa fea el mal exemplo para los Indios nuestros amigos que nos acompañan en la guerra: por ende mando que ningun Español se entremeta ni vaya con el fardage, salvo aquellos que para ello fuesen dados é señalados: sopena de 20 pesos de oro, aplicados segun que de suso contiene.

Otrosí, por quanto acaece algunas veces que algunos Españoles fuera de órden y sin les ser mandado arremeten ó rompen en algún esquadron de los enemigos, é por se desmandar así se desbaratan y salen fuera de ordenanza, de que suele recrecerse peligro á los mas: por ende mando que ningun Capitan se desmande á romper por los enemigos sin que primeramente por mí le sea mandado; sopena de muerte. En otra persona se desmanda, si fuese hijodalgo, pena de 100 pesos, aplicados en la forma suso dicha; y si no fuese hidalgo, le sean dados 100 azotes publicamente.

Yt. Por quanto podria ser que al tiempo que entran á tomar por fuerza alguna poblacion ó villa ó ciudad á los enemigos, antes de ser del todo echados fuera, con codicia de robar, algun Español se entrase en alguna casa de los Enemigos, de que se podria seguir daño: por ende mando que ningun Español ni Españoles entren á robar ni á otra cosa alguna en las tales casas de los enemigos, hasta ser del todo echados fuera, y haber conseguido el fin de la victoria; sopena de 20 pesos de oro, aplicados en la manera que dicha es.

Yt. Si por escusar y evitar los hurtos encubiertos y fraudes que se hacen en las cosas habidas en la guerra ó fuera de ella, así por lo que toca al quinto que dellas pertenece á su católica Magestad, como porque han de ser repartidas conforme á lo que cada una sirve é merece: por ende mando que todo el oro, plata, perlas, piedras, plumage, ropa, esclavos, y otras cosas qualesquier que se adquieran, hubiesen, ó tomasen en qualquier manera, así en las dichas poblaciones, villas, ó ciudades, como en el campo, que la persona ó personas á cuyo poder viniese ó

la hallasen ó tomasen, en qualquier forma que sea, lo traigan luego incontinentemente é manifiesten ante mí ó ante otra persona que fuese sin lo meter ni llevar á su posada ni á otra parte alguna; sopena de muerte é perdimiento de todos sus bienes para la Cámara é fisco de S. M.

É por quanto lo suso dicho é cada una cosa é parte dello se guarde é cumpla segun é de la manera que aquí de suso se contiene, y de ninguna cosa de lo aquí contenida pretendan ignorancia, mando que sea apregonado publicamente, para que venga á noticia de todos: Que fuéron hechas las dichas Ordenanzas en la ciudad y provincia de Taxclatéque selado 22 dias del mes de Diciembre, año del nascimiento de nuestro Salvador Jesu Christo de 1520 años.

Pregonáronse las dichas Ordenanzas desuso contenidas en la ciudad é provincia de Taxclatecle, miércoles dia de San Estéban, que fuesen 26 dias del mes de Diciembre, año del nacimiento de nuestro Salvador Jesu Christo de 1520 años; estando presente el magnífico Señor Fernando Cortés, capitan general é Justicia mayor de esta Nueva España del mar Occéano por el Emperador nuestro Señor, por ante mí, Juan de Rivera, escribano é Notario público en todos los Reinos é Señoríos de España por las Autoridades apostólica y Real. Lo qual pregonó en voz alta Anton Garcia pregonero, en el Alarde que la gente de á caballo é de á pie que su merced mandó facer é se fizo el dicho dia. A lo qual fuéron testigos que estaban presentes, Gonzalo de Sandoval, Alguacil mayor, é Alonso de Prado, contador, é Rodrigo Alvarez Chico, veedor por S. M., é otras muchas personas. Фечо выше.—Хуан де Ривера.

№ XIV.—См. том iv. стр. 203

ПЕРЕВОД ОТРЫВКОВ ИЗ ГОНДУРАССКОГО ПИСЬМА КОРТЕСА

[Я обратил внимание на это знаменитое Письмо, *Королевскую хартию* Кортеса, настолько выделяющееся в основной части работы, что здесь о нем мало что можно сказать. Я перевел эти отрывки, чтобы показать читателю обстоятельную и в высшей степени наглядную манеру повествования генерала. Вторая половина Письма посвящена событиям, произошедшим в Мексике в отсутствие Кортеса и после его возвращения. Таким образом, это можно рассматривать как часть регулярной серии его исторических писем, публикация которых была начата архиепископом Лоренцаной. Если миру будет представлено еще одно издание Писем Кортеса, это издание, несомненно, найдет в нем свое место.]

Озеро большой ширины и пропорциональной глубины было той трудностью, с которой нам пришлось столкнуться. Напрасно мы поворачивали направо и налево; озеро было одинаково широким во всех направлениях. Мои проводники сказали мне, что бесполезно искать брод в окрестностях, так как они были уверены, что ближайший из них находится в горах, добраться до которых обязательно займет пять или шесть дней пути. Я был крайне озадачен, какую меру предпринять. Возвращаться означало верную смерть, так как, помимо нехватки провизии, дороги из-за продолжавшихся дождей были абсолютно непроходимы. Теперь наше положение было крайне опасным; со всех сторон было место для отчаяния, и ни единый луч надежды не освещал наш путь. Моим последователям надоел их постоянный труд, и они пока не извлекли никакой пользы из своих трудов. Поэтому для меня было бесполезно обращаться к ним за советом в нашем нынешнем поистине критическом положении. Помимо примитивного отряда и лошадей, в нашем обозе следовало свыше трех с половиной тысяч индейцев. На берегу стояло одинокое каноэ, в котором, несомненно, переправились те, кого я послал заранее. У входа в озеро и на другой стороне были глубокие болота, которые делали наше прохождение озера значительно более сомнительным. Один из моих товарищей забрался в каноэ и обнаружил, что глубина озера составляет двадцать пять футов, и, связав вместе несколько копий, я убедился, что ил был еще на двенадцать футов больше, то есть в целом глубина составляла почти сорок футов. В этот момент я решил, что следует построить наплавной мост, и с этой целью попросил индейцев оказать свою помощь в рубке леса, в то время как я и мои последователи займемся подготовкой моста. Предприятие, казалось, было такого масштаба, что едва ли кому-нибудь приходила в голову мысль о его завершении до того, как все наши припасы будут исчерпаны. Индейцы, однако, принялись за работу с самым похвальным рвением. Не так обстояло дело с испанцами, которые уже начали комментировать те труды, которым они подверглись, и ту малую перспективу, которая появилась в связи с их окончанием. Они продолжали делиться своими мыслями друг с другом, и теперь дух недовольства достиг такой высоты, что у некоторых хватило смелости выразить свое неодобрение моим действиям прямо мне в лицо. Тронутый за живое этим демонстративным дезертирством, которого я меньше всего ожидал, я сказал им, что не нуждаюсь в их помощи; и, повернувшись к сопровождавшим меня индейцам, объяснил им необходимость, в которой мы оказались, употребить самые напряженные усилия, чтобы добраться до другого берега, ибо, если этот пункт не будет достигнут, мы все погибнем от голода. Затем я указал в противоположном направлении, в котором находилась провинция Акалан, и подбодрил их, сообщив, что там мы в изобилии раздобудем провизию, не принимая во внимание обильные запасы, которые будут предоставлены нам каравеллами. Я также пообещал им, от имени вашего Величества, что они будут вознаграждены в полном объеме, соответствующем их желаниям, и что ни один человек, оказавший свою помощь, не останется без награды. Моя небольшая речь произвела наилучший эффект на

индейцев, которые пообещали одному человеку, что их усилия закончатся только вместе с их жизнями. Испанцы, пристыженные своим предыдущим поведением, окружили меня и просили, чтобы я простил их недавний поступок; в качестве оправдания своего проступка они ссылались на жалкое положение, в котором они оказались, вынужденные питаться отвратительными корнями, которые давала земля и которых едва хватало для поддержания их жизни. Они немедленно приступили к работе и, хотя часто были готовы упасть от усталости, больше никогда не жаловались. После четырехдневного непрерывного труда мост был закончен, и как лошадь, так и человек прошли без малейших происшествий. Мост был построен настолько прочно, что разрушить его иначе, чем огнем, было невозможно. Для его завершения было соединено более тысячи балок, и каждая из них была толще человеческого тела и шестидесяти футов в длину.

.....

На расстоянии двух лиг от этого места начинались горы. Ни из моих слов, ни из слов более одаренного человека ваше Величество не может составить адекватного представления о неровностях местности, по которой мы сейчас поднимались. Только тот, кто испытал все тяготы этого пути и кто сам был очевидцем, может в полной мере ощутить его трудность. Мне будет достаточно сказать, чтобы ваше величество могли иметь некоторое представление о труде, которому нам пришлось подвергнуться, что нам потребовалось двенадцать дней, прежде чем мы полностью освободились от него, — расстояние в общей сложности в восемь лье! Шестьдесят восемь лошадей погибли во время перехода, большая часть сорвалась в пропасти, которыми изобиловали со всех сторон; а те немногие, которым удалось спастись, казались настолько разбитыми, что мы думали, что ни одна из них впоследствии не окажется пригодной к эксплуатации. Прошло более трех месяцев, прежде чем они оправились от последствий путешествия. Дождь не переставал, ни днем, ни ночью, с того момента, как мы вошли в гору, и до тех пор, пока не покинули ее; а скала была такого свойства, что вода утекала, не собираясь ни в одном месте в достаточном количестве, чтобы мы могли пить. Таким образом, в дополнение к другим трудностям, с которыми нам пришлось столкнуться, самой острой из всех была жажда. Некоторые лошади сильно страдали от недостатка этого поистине необходимого предмета, и, если бы не кулинарные и другие приспособления, которые у нас были с собой и которые служили для отвода части дождя, ни человек, ни лошадь, возможно, не спаслись бы. Один мой племянник упал на острый камень и сломал ногу в трех или четырех местах; таким образом, наша работа увеличилась, поскольку мужчинам приходилось нести его по очереди. Теперь нам оставалось пройти всего лигу, прежде чем мы могли прибыть в Тенас, место, которое, как я упоминал, принадлежало вождю Тайко; но здесь возникло непреодолимое препятствие в виде очень широкой реки, которая вздулась из-за продолжающихся дождей. После долгих поисков был обнаружен один из самых удивительных бродов, о которых когда-либо слышали. Несколько огромных выступающих утесов останавливают течение реки, вследствие чего она простирается на значительное пространство вокруг. Между этими утесами есть узкие каналы, по которым вода несется с такой стремительностью, которая не поддается описанию. С одной из этих скал на другую мы перекидывали большие стволы деревьев, срубленных с большим трудом. К этим стволам были привязаны веревки из окуневых водорослей, и таким образом, хотя и с неминуемым риском для жизни, мы переправились через реку. Если бы у кого-то закружилась голова во время перехода, он неизбежно погиб бы. Таких перевалов было более двадцати, и нам потребовалось целых два дня, чтобы пройти этот необычный путь.

.....

Для меня было поистине трудной задачей описать вашему величеству радость, которая осветила все лица, когда был получен этот поистине вдохновляющий отчет. Быть близким к завершению путешествия, столь полного лишений и труда, каким было наше, было событием, которое нельзя было не приветствовать с восторгом. Наш последний четырехдневный переход подверг нас бесчисленным испытаниям, поскольку, помимо того, что у нас не было никакой уверенности в том, что мы движемся в правильном направлении, мы все время находились в сердце гор, изобилующих пропастями со всех сторон. По дороге пало много лошадей, а мой двоюродный брат по имени Хуан Давилос упал в пропасть и сломал руку. Если бы не доспехи, которые он носил, он был бы безошибочно разорван на куски. Как бы то ни было, помимо того, что у него была сломана рука, он был ужасно изранен. Его лошадь, на которой он сидел, не имея никакой защиты, была так изранена при падении, что мы были вынуждены оставить его. С большим трудом нам удалось вытащить моего кузена из опасного положения. Было бы бесконечной задачей рассказывать вашему Величеству о многих страданиях, которые мы перенесли; среди которых главным был голод; ибо, хотя у нас было немного свиней, которых мы привезли из Мексики, прошло более восьми дней, а мы так и не попробовали хлеба. Плоды пальмы, сваренные со свиным мясом без всякой соли, которую мы израсходовали некоторое время назад, были нашей единственной пищей. Они были точно так же лишены провизии в том месте, куда мы теперь прибыли, где они жили в постоянном страхе нападения из соседнего испанского поселения. Им не нужно было опасаться такого события, поскольку, судя по положению, в котором я застал испанцев, они были неспособны причинить ни малейшего вреда. Мы все были в таком восторге от нашего соседства с Нико, что все наши

прошлые неприятности вскоре были забыты, как и морские опасности для обветренного моряка, который по прибытии в порт больше не думает об опасностях, с которыми столкнулся. Мы все еще сильно страдали от голода, потому что даже невкусные корни доставались с величайшим трудом; и после того, как мы потратили на их сбор много часов, они были поглощены с величайшим рвением в кратчайшие сроки, какие только можно себе представить.

№ XV.—См. том iv. стр. 241

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО КОРТЕСА ИМПЕРАТОРУ

[Я привожу это Письмо Кортеса полностью, *Ультима и сентиментальная Хартия*, его "Последнее и самое трогательное письмо", как его назвал Варгас Понсе, который включил его в свою важную коллекцию из архивов Севильи.{*} Его можно назвать трогательным, если учесть его тон по сравнению с прежней перепиской его автора и мрачные обстоятельства, при которых оно было написано. И все же мы не должны воспринимать содержащиеся в нем жалобы на его бедность слишком буквально, поскольку после своей смерти, но три года спустя, он оставил огромные состояния. Но эти поместья были настолько разрушены его дорогостоящими и катастрофическими экспедициями в Южные моря, что его доходов за всю оставшуюся жизнь, по-видимому, едва хватало для покрытия его обычных расходов. Последние дни Кортеса, потраченные впустую в безрезультатных попытках добиться возмещения ущерба от суда, которому он так красноречиво служил, напоминают нам о аналогичной судьбе Колумба. История обоих может научить нас, что самая блестящая карьера слишком часто приводит только к печали и разочарованию, когда тучи собираются вокруг заходящего солнца.]

{*} [С тех пор это было напечатано в Кол. de Doc. inéd. "часть истории Испании", том i. i., дающий возможность исправить почти бесчисленные ошибки, которые искажают транскрипцию Варгаса Понсе и делают ее едва понятной. —РЕД.]

Pensé que haber trabajado en la juventud me aprovechara para que en la vejez tubiera descanso, y así ha quarenta años que me he ocupado en no dormir, mal comer, y á las veces ni bien ni mal, traer las armas á cuestras, poner la persona en peligro, gastar mi hacienda y edad, todo en servicio de Dios, trayendo obejas en su corral muy remotas de nuestro hemisferio, ignotas, y no escriptas en nuestras Escrituras, y acrecentando y dilatando el nombre y patrimonio de mi Rey, ganándole y trayéndole á su yugo y Real cetro muchos y muy grandes reynos y señoríos de muchas bárbaras naciones y gentes, ganados por mi propia persona y espensas, sin ser ayudado de cosa alguna, hantes muy estorvado por muchos émulos y invidiosos, que como sanguijuelas han reventado de artos de mi sangre. De la parte que á Dios cupo de mis trabajos y vigalias asaz estoy pagado, porque seyendo la obra suya, quiso tomarme por medio, y que las gentes me atribuyesen alguna parte, aunque quien conociere de mí lo que yo, beré claro que no sin causa la divina providencia quiso que una hobra tan grande se acabase por el mas flaco é inútil medio que se pudo hallar, porque á solo dios fuese el atributo. De lo que á mi rey quedó, la remuneracion siempre estuve satisfecho, que ceteris paribus no fuera menor por ser en tiempo de V. M., que nunca estos reynos de España, donde yo soy natural y á quien cupo este beneficio, fuéron poseydos de tan grande y Católico príncipe, magnánimo y poderoso Rey; y así V. M., la primera vez que vesé las manos y entregué los frutos de mis servicios, mostró reconocimiento dellos y comenzó á mostrar voluntad de me hacer gratificacion, honrrando mi persona con palabras y hobras, que pareciéndome á mí que no se equiparaban á mis méritos, V. M. sabe que rehusé yo de recibir. V. M. me dijo y mandó que las aceptase, porque pareciese que me comenzaba á hacer alguna merced, y que no las recibiese por pago de mis servicios; porque V. M. se queria haber con migo, como se han los que se muestran á tirar la ballesta, que los primeros tiros dan fuera del terrero, y enmendando dan en él y en el blanco y fiel; que la merced que V. M. me hacia hera dar fuera del terrero, y que iria enmendando hasta dar en el fiel de lo que yo merecia; y pues que no se me quitava nada de lo que tenia, ni se me habia de quitar, que recibiese lo que me dava; y así vesé las manos á V. M. por ello, y envolviendo las espaldas quitóseme lo que tenia todo, y no se me cumplió la merced que V. M. me hizo. Y demas destas palabras que V. M. me dijo, y obras que me prometió, que, pues tiene tan buena memoria, no se le habrán olvidado, por cartas de V. M. firmadas de su real nombre tengo otras muy mayores. Y pues mis servicios hechos hasta allí son beneméritos de las obras y promesas que V. M. me hizo, y despues acá no lo han desmerecido; antes nunca he cesado de servir y acrecentar el Patrimonio de estos reynos, con mil estorvos, que si no obiera tenido no fuera menos lo acrecentado, despues que la merced se me hizo, que lo hecho porque la merecí, no sé porque no se me cumple la promesa de las merecedes ofrecidas, y se me quitan las hechas. Y si quisieren decir que no se me quitan, pues poseo algo; cierto es que nada é inútil son una mesma cosa, y lo que tengo es tan sin fruto, que me fuera arto mejor no tenerlo, porque obiera entendido en mis grangerías, y no gastado el fruto de ellas por defenderme del fiscal de V. M., que a sido y es mas dificultoso que ganar la tierra de los enemigos; así que mi trabajo aprovechó para mi contentamiento de haber hecho el

dever, y no para conseguir el efecto dél, pues no solo no se me siguió reposa á la vejez, mas trabajo hasta la muerte; y pluguiese á Dios que no pasase adelante, sino que con la corporal se acabase, y no se estendiese á la perpetua, porque quien tanto trabajo tiene en defender el cuerpo no puede dejar de ofender al ánima. Suplico á V. M. no permita que á tan notorios servicios haya tan poco mi ramiento, y pues es de creer que no es á culpa de V. M. que las gentes lo sepan; porque como esta obra que Dios hizo por mi medio es tan grande y maravillosa, y se ha estendido la fama de ella por todos los reynos de V. M. y de los otros reyes cristianos y aun por algunos infieles, en estos donde hay noticia del pleito de entre el fiscal y mí, no se trata de cosa mas; y unos atribuyen la culpa al fiscal, otros á culpas mías; y estas no las hallan tan grandes, que si bastasen para por ellas negárseme el premio, no bastasen tambien para quitarme la vida, honrra, y hacienda; y que pues esto no se hace que no deve ser mia la culpa. A V. M. ninguna se atribuye; porque si V. M. quisiese quitarme lo que me dió, poder tiene para ejecutarlo, pues al que quiere y puede nada hay imposible; decir que se vuscan formas para colorar la obra, y que no se sienta el intento, ni caven ni pueden caber en los reyes unjidos por Dios tales medios, porque para con él no hay color que no sea transparente, para con el mundo no hay para que colorarlo, por que así lo quiero, así lo mando, es el descargo de lo que los reyes hacen. Yo supliqué á V. M. en Madrid fuese servido de aclarar la boluntad que tubo de hacerme merced en pago de mis servicios, y le traje á la memoria algunos de ellos; díjome V. M. que mandaria á los del su consejo que me despachasen; pensé que se les dejaba mandado lo que abian de hacer, porque V. M. me dijo que no queria que trajese pleyto con el fiscal: quando quise saberlo, dijéronme que me defendiese de la demanda del fiscal, porque havia de ir por tela de justicia, y por ella se habia de sentenciar: sentílo por grave, y escrebí á V. M. á Barcelona, suplicándole que pues era servido de entrar en juicio de su siervo, lo fuese en que obiese Juezes sin sospecha y V. M. mandase que con los del Consejo de las Indias se juntasen algunos de los otros, pues todos son criados de V. M., y que juntos lo determinasen; no fué V. M. servido, que no puedo alcanzar la causa, pues quantos mas lo viesen mejor alcanzarian lo que se devia hacer. Véome viejo y pobre y empeñado en este reyno en mas de veinte mil ducados, sin mas de ciento otros, que he gastado de los que traje é me han enviado, que algunos de ellos debo tambien que los an tomado prestados para enviarme, y todos corren cambios; y en cinco años poco menos que ha que salí de mi casa, no es mucho lo que he gastado, pues nunca ha salido de la Corte, con tres hijos que traygo en ella, con letrados, procuradores, y solicitadores; que todo fuera mejor empleado que V. M. se sirviera de ello y de lo que yo mas hoviera adquirido en esta tiempo; ha ayudado tambien la ida de argel. Pareceme que al cojer del fruto de mis trabajos no devia hecharlo en basijas rotas, y dejarlo en juicio de pocos, sino tornar á suplicar á V. M. sea servido que todos quantos jueces V. M. tiene en sus Consejos conozcan de esta causa, y conforme á justicia la sentenciase.—Yo he sentido del obispo de Cuenca que desea que obiese para esto otros jueces demas de los que hay; porque él y el licenciado Salmeron, nuevo Oidor en este Consejo de Indias, son los que me despojáron sin hoyrme de hecho, siendo jueces en la nueva España, como lo tengo provado, y con quien yo traigo pleito sobre el dicho despojo, y les pido cantidad de dineros de los intereses y rentas de lo que me despojáron; y está claro que no han de sentenciar contra si. No les he querido recusar en este caso, porque siempre crey que V. M. fuera servido que no llegara á estos términos; y no seyendo V. M. servido que hayan mas jueces que determinen esta causa, serme ha forzado recusar al Obispo de Cuenca y á Salmeron, y pesar mehá en el ánima porque no podrá ser sin alguna dilacion; que para mí no puede ser cosa mas dañosa, porque he sesenta años, y anda en cinco que salí de mi casa, y no tengo mas de un hijo Varon que me suceda; y aunque tengo la muger moza para poder tener mas, mi edad no sufre esperar mucho; y si no tubiera otro, y dios dispusiera de este sin dejar sucesion, ¿que me habria aprovechado lo adquirido? pues subcediendo hijas se pireda la memoria. Otra y otra vez torno á suplicar á V. M. sea servido que con los Jueces del Consejo de Indias se junten otros jueces de estos otros Consejos; pues todos son criados de V. M., y les fia la governacion de sus reynos y su real conciencia no es inconveniente fiarles que determinen sobre una escriptura de merced, que V. M. hizo á un su vasallo de una partecica de un gran todo con que el servió á V. M., sin costar trabajo ni peligro en su real persona, ni cuidado de espíritu de proveer como se hiciese, ni costa de dineros para pagar la gente que lo hizo, y que tan limpia y lealmente servió, no solo en la tierra que ganó, pero con mucha cantidad de oro y plata y piedra de los despojos que en ella ubo; y que V. M. mande á los jueces que fuere servido que entiendan en ello, que en un cierto tiempo, que V. M. les señale, lo determinen y sentencien sin que haya esta dilacion; y esta será para mí muy gran merced; porque á dilatarse, dejarlo hé perder y volvermehé á mi casa: porque no tengo ya edad para andar por mesones, sino para recogerme á aclarar mi cuenta con Dios, pues la tengo larga, y poca vida para dar los descargos, y será mejor dejar perder la acienda que el ánima. Sacra Magestad: Dios Nuestro Señor guarde la muy Real persona de V. M. con el acrecentamiento de Reynos y estados que V. M. desea. De Valladolid á tres de Febrero de quinientos quarenta y quatro años. De V. C. M. muy humilde siervo y vasallo, que sus muy reales pies y manos besa.—El Marques de Valle.

Cuvierta á la S. C. C. M., El Emperador y Rey de las Españas.

Tiene este decreto:—A su Mag. del Marques del Valle, 3 de Febrero de 44:—*Nay que responder*: parece letra de Covos.

Оригинал. Archivo de Indias.

№ XVI.—См. том iv. стр. 248

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ КОРТЕСА

[Оригинал этого документа находится в Больнице Иисуса в Мексике; и следующий буквальный перевод был сделан с копии, присланной мне из этой столицы.]

ПОГРЕБЕНИЕ МАРКИЗА ДОЛИНЫ ОАХАКА ЭРНАНА КОРТЕСА И ЕГО ПОТОМКА ДОНА ПЕДРО КОРТЕСА, КОТОРОЕ СОСТОЯЛОСЬ В ЭТОМ ГОРОДЕ МЕКСИКИ 24 февраля 1629 г.

Останки дона Эрнана Кортеса (первого маркиза долины Оахака), которые пролежали в монастыре Святого Франциска более пятидесяти лет с тех пор, как их привезли из Кастильехи-де-ла-Куэста, несли в похоронной процессии. Случилось также, что дон Педро Кортес, маркиз Долины, скончался при мексиканском дворе 30 января 1629 года. Владыка архиепископ Мексики Д. Франсиско Мансо де Суньига и его превосходительство вице-король маркиз Серральбо согласились, что похороны следует провести вместе, отдав величайшие почести праху Эрнандо Кортеса. Местом погребения была церковь Святого Франциска в Мексике. Процессия отправилась от дворца маркиза Вэлли. Впереди несли знамена различных ассоциаций; затем следовали представители различных орденов религиозных братств, всех трибуналов Мексики и присутствующие. Следующими шли архиепископ и капитул кафедрального собора. Затем в открытом гробу пронесли тело маркиза дона Педро Кортеса, за которым последовали останки дона Эрнандо Кортеса в гробу, покрытом черным бархатом. На одной стороне неслось белоснежное знамя с распятием, изображением Богородицы и святого Иоанна Богослова, вышитыми золотом. На другом был герб короля Испании, также выполненный золотом. Этот штандарт находился с правой стороны корпуса. По левую руку несли другое знамя, из черного бархата, с вышитым на нем золотом гербом маркиза Долины. Знаменосцы были вооружены. Следующими шли преподаватели богословия, скорбящие и лошадь с собольей попоной, вся процессия проходила в величайшем порядке. За ними последовали сотрудники университета. За ними следовал вице-король с большим эскортом кавалеристов, затем четыре вооруженных капитана с плюмажами и пиками на плечах. За ними последовали четыре роты солдат с аркебузами и некоторые с копьями. Позади них по земле волочились знамена, и через определенные промежутки времени глухо били барабаны. Гроб с останками Завоевателя несли королевские судьи, в то время как рыцари ордена Сантьяго поддерживали тело маркиза дона Педро Кортеса. Толпа была огромной, и на шести станциях гробы были выставлены на всеобщее обозрение, и на каждой из них члены религиозных братств скандировали в ответ.

Кости Кортеса были тайно вывезены из церкви Святого Франциска с разрешения его Превосходительства архиепископа 2 июля 1794 года в восемь часов вечера в экипаже губернатора, маркиза де Сьерра-Невада, и помещены в специально созданный для этой цели склеп в церкви Иисуса Назаретского. Кости были помещены в деревянный гроб, обтянутый свинцом, такой же, в каком они были доставлены из Кастильехи-де-ла-Куэста, недалеко от Севильи. Это было помещено в другое, из хрусталя, с его перекладинами и серебряными пластинами; а останки были завернуты в полотнище батиста, расшитого золотом, с бахромой из черного кружева глубиной в четыре дюйма.

КОНЕЦ

СНОСКИ:

[1] “Это была прекрасная победа”, - восклицает Победитель. “É entrámoslos de tal manera, que ninguno de ellos se escapó, excepto las Mujeres, y Niños; y en este combate me hiriéron veinte y cinco Españoles, pero fué muy hermosa Victoria.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 241.

[2] Около пятисот лодок, по собственным оценкам генерала (там же, local. cit.); но более четырех тысяч, по словам Берналя Диаса (Hist. de la Conquista, глава 150); который, однако, не присутствовал.

[3] “Y como yo deseaba mucho, que el primer reencuentro, que con ellos obiessemos, fuese de mucha victoria; y se hiciesse de manera, que ellos cobrasen mucho temor de los bergantines, porque la llave de toda la Guerra estaba en ellos.” Rel. Терц., А. П. Лоренцана, стр. 241, 242.

[4] “Plugo á nuestro Señor, que estándonos mirando los unos á los otros, vino un viento de la Tierra muy favorable para embestir con ellos.” Там же, стр. 242.

[5] Отн. Терк., ап. Лоренцана, лок. чит.—Овьедо, История. инд., ср., либ. 33, глава 48.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., либ. 12, глава. 32.—Возможно, меня извинят за то, что я снова процитирую несколько стихов из прекрасного описания в “Мэдоке”, столь же уместного, сколь и прекрасного:

“Их тысяча лодок и десять тысяч весел,

Из широких чаш которого падают и сверкают воды,

И дважды по десять тысяч пернатых шлемов и щитов,

Сверкающий золотом и алыми перьями.

Вперед они идут с песней и раздувающимся рогом;

... На другой стороне

Впереди лает *британский* лай; освежающий ветерок

Наполняет широкий парус; вокруг стремительного киля

Воды поют, гордо плывя вперед,

Повелители воды”.

МАДОК, Часть 2, песнь 25.

[6] “Y era tanta la multitud,” says Cortés, “que por el Agua, y por la Tierra no viamos sino Gente, y daban tantas gritas, y alaridos, que parecia que se hundia el Mundo.” Rel. Терс., стр. 245.—Овьедо, История, de las Ind., СР., lib. 33, cap. 23.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава. 95.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 32.

[7] Отн. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 246, 247.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 150.—Эррера, История, де лас Индиана, 3 декабря, библиотека 1, глава. 17.Защита, ср., глава 28.

[8] Así como fué de dia se dixo vna misa de Espiritu Santo, que todos los Christianos oyéron con mucha devocion; é aun los Indios, como simples, é no entendientes de tan alto misterio, con admiracion estaban atentos notando el silencio de los cathólicos y el acatamiento que al altar, y al sacerdote los Christianos toviéron hasta recevir la benedicion.” Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 24.

[9] [Эта улица, которая сейчас называется Калле дель Растро и пересекает весь город с севера на юг, ведя от Калле дель Релохс к дамбе Гваделупе или Тепейакак, была известна в период, непосредственно последовавший за завоеванием, как Калле де Истапалапа, это название было дано ей на всем ее протяжении. Во времена древних мексиканцев ее путь был прегражден великим храмом, главная дверь которого выходила на нее фасадом. После того, как это здание было снесено, улица была открыта от одного конца до другого. *Conquista de Méjico* (trad. de Bera), том. ii. стр. 157.]

[10] Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 32.—Икстлильхочитль, Хист. Чич., СР., загл. 95. Овьедо, История. de las Ind., СР., lib. 33, cap. 23.—Отн. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 247, 248.

[11] Отн. Терц. де Кортес, ubi выше.—Икстлильшочитль, хист. Чич., ср., загл. 95. На этом заканчивается цитируемый в последний раз труд тецуканского хрониста, который сопровождал нас с самого раннего периода нашего повествования вплоть до этого момента последней осады столицы. Были ли утеряны заключительные страницы рукописи, или же его прервала смерть, сказать невозможно. Но этот недостаток восполняется кратким очерком основных событий осады, который он оставил в другом своем сочинении. Несомненно, у него были необычные источники информации в виде его знания индийских языков и рисунков, а также устных свидетельств, которые он с большим трудом собирал у актеров, участвовавших в сценах, которые он описывает. Все эти преимущества слишком часто уравниваются исключительной неспособностью различать — я не буду говорить, между исторической правдой и ложью (ибо что такое истина?), — но между вероятным, или, скорее, возможным, и невозможным. Один из поколения примитивных новообращенных в римскую веру, он жил в состоянии сумеречной цивилизации, когда если и не так легко было творить чудеса, то, по крайней мере, в них было легко поверить.

[12] [На улице Санта-Тепеза. *Conquista de Méjico* (trad. de Bera), том ii, стр. 158.]

[13] [Которая образует то, что называется "Эль Эмпедрадильо". Там же]

[14] [Эта стена, украшенная змеями и увенчанная низинными на колья головами человеческих жертв, приносимых в жертву в храме, образовывала фасад площади с южной стороны, простираясь от угла Калле-де-Платерос на восток, к цепям, окружающим кладбище собора. Там же]

[15] "I con todo eso no se determinaban los Christianos de entrar en la Plaça; por lo qual diciendo Hernando Cortés, que no era tiempo de mostrar cansancio, ni cobardía, con vna Rodela en la mano, appellidando Santiago, arremetiò el primero." Эррера, История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава 18.

[16] Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 32.

[17] Икстлильшочитль в своем Тринадцатом Рассказе, включающем, среди прочего, краткое сообщение о захвате Мексики, издание которого было представлено миру трудолюбивым Бустаманте, приписывает этот подвиг самому Кортесу. "En la capilla mayor donde estaba Huitzilopochtli, que llegaron Cortés é Ixtlilxuchitl á un tiempo, y ambos embistiéron con el ídolo. Cortés cogió la máscara de oro que tenia puesta este ídolo con ciertas piedras preciosas que estaban engastadas en ella." *Venida de los Españoles*, p. 29.

[18] "Los de Caballo revolbian sobre ellos, que siempre alanceaban, ó mataban algunos; é como la Calle era muy larga, hubo lugar de hacerse esto quatro, ó cinco veces. É aunque los Enemigos vian que recibian daño, venian los Perros tan rabiosos, que en ninguna manera los podíamos detener, ni que nos dejassen de seguir." Rel. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 250.—Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека 1, глава 18.—Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 32.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 23.

[19] Основная масса отоми была дикой расой, которая кочевала по обширным пространствам плато далеко на севере. Но многие из них, нашедшие свой путь в Долину, смешались с тецуканами и даже с народом тлашкала, став одними из лучших солдат в их армиях.

[20] [Отоми населяли всю страну Тула на западе, где их язык хорошо сохранился. *Conquista de Méjico* (trad. de Bera), том. ii. стр. 161.]

[21] "Istrisuchil [Ixtlilxochitl], que es de edad de veinte y tres, ó veinte y quatro años, muy esforzado, amado, y temido de todos." (Отн. Терс. де Кортес, ап. Лоренцана, р. 251.) Среди историков царит величайшая неясность в отношении этого принца, которого они, по-видимому, очень часто путали с его братом и предшественником на троне Тецкоко. Редко бывает, чтобы кто-либо из них упоминался под каким-либо другим именем, кроме своего имени при крещении Эрнандо; и, если Эррера прав в утверждении, что это имя было принято обоими, это может в какой-то степени объяснить путаницу. (История. общие положения, 3 декабря, библиотека 1, глава 18.) В основном я соглашался со старым тецуканским хронистом, который собрал рассказ о своем родственнике, как он говорит нам, из записей своего народа и из устных свидетельств современников самого принца. *Venida de los Españoles*, pp. 30, 31.

[22] “Daban ocasion, y nos forzaban á que totalmente les destruyesemos. É de esta postrera tenia mas sentimiento, y me pesaba en el alma, y pensaba que forma ternia para los atemorizar, de manera, que viniessen en conocimiento de su yerro, y de el daño, que podian recibir de nosotros, y no hacia sino quemalles, y derrocalles las Torres de sus Ídolos, y sus Casas.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 254.

[23] [Руины этого здания были обнаружены в процессе закладки фундаментов домов, недавно построенных на южной стороне улицы Санта-Тереза, примыкающей к Зачатьевскому монастырю. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том. ii. стр. 162.]

[24] “Y desde las azoteas deshonrarle llamándole de traidor contra su patria y deudos, y otras razones pesadas, que á la verdad á ellos les sobraba la razon; mas Ixtlilxuchitl callaba y peleaba, que mas estimaba la amistad y salud de los Cristianos que todo esto.” Venida de los Españoles, p. 32.

[25] Там же, стр. 29.

[26] Предыдущие страницы, касающиеся этого второго нападения, см. Относительно. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 254-256, —Саагун, История. новая Испания, СР., библиотека 12, глава 33,—Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, глава 24,—Дефенса, ср., глава 28.

[27] Отн. Терц., ап. Лоренцана, стр. 259.

[28] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 151. — По словам Эрреры, Альварадо и Сандовал не скрывали своего неодобрения курса, проводимого их командиром в отношении нарушений: “Я Альварадо, я Сандовал, за партию, тамбиен ло исьерон муйбьен, виновник Эрнандо Кортеса за эстаса ретирадаса, вопрос мучосов к тому, что кведара ан ло ганадо, за то, что не поддержал тантас векас а элло”. История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава 19.

[29] “Porque como era de noche, no aguardauan mucho, y desta manera que he dicho velauamos, que ni porque llouiesse, ni vientos, ni frios, y aunque estauamos metidos en medio de grandes lodos, y heridos, allí auiamos de estar.” Хист. de la Conquista, cap. 151.

[30] [То есть более сильная часть сезона дождей, который длится, фактически, с мая или июня по октябрь. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том ii, стр. 165.]

[31] “Porque nouenta y tres dias estuuimos sobre esta tan fuerte ciudad, cada dia é de noche teniamos guerras, y combates; é no lo pongo aquí por capítulos lo que cada dia haziamos, porque me parece que seria gran proligidad, é seria cosa para nunca acabar, y pareceria á los libros de Amadis, é de otros corros de caualleros.” Хист. de la Conquista, ubi supra.

[32] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra.—Саагун, Hist. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 33.

[33] Берналь Диас, Hist. Конкиста, глава 151.—Саагун, История. Новая Испания, СР., библиотека 12, глава 34.

[34] Я припоминаю встречу, при которой не было никакой оценки их численности; да и в расплывчатой арифметике Завоевателей это многого бы не стоило. Однако они, должно быть, были очень велики, чтобы позволить им так быстро и эффективно противостоять нападавшим на каждом этапе.

[35] Defensa, ср., загл. 28.—Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 34. Основными городами были Мехикальцинко, Куитлауак, Истапалапан, Мизкис, Уицилопочко, Колуакан.

[36] “Y como aquel dia llevamos mas de ciento y cincuenta mil Hombres de Guerra.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 280.

[37] “Y vea Vuestra Magestad,” says Cortés to the emperor, “que tan ancha puede ser la Calzada, que va por lo mas hondo de la Laguna, que de la una parte, y de la otra iban estas Casas, y quedaba en medio hecha Calle, que muy á placer á pie, y á caballo ibamos, y veniamos por ella.” Rel. Терц., А. П. Лоренцана, стр. 260.

[38] По словам Диаса, самой большой трудностью, с которой сталкивались войска, было получение необходимых медикаментов для их ран. Но это было в значительной степени предотвращено каталонским солдатом, который своими молитвами и заклинаниями чудесно исцелял как испанцев, так и их союзников. Последние, как наиболее невежественные, толпами стекались к палатке этого военного эскулапа, успех которого, несомненно, находился в прямой зависимости от веры его пациентов. История. de la Conquista, ubi supra.

[39] Диас скорбит по поводу этой сомнительной диеты. (История. de la Conquista, loc. cit.) И все же индийский инжир - приятный, питательный фрукт; а *тортилья*, приготовленная из мансовой муки с небольшим добавлением лайма, хотя и не совсем *morceau friand*, может сойти за вполне сносное лагерное блюдо. По словам живого автора книги “Жизнь в Мексике”, сейчас его готовят точно так же, как это было во времена ацтеков. Если это так, то кулинарный чек - это почти единственное, что не изменилось в этой стране революций. { * }

{*} [Кукурузу кладут в воду, в которую добавляют немного лайма, и замачивают на ночь. Или оставляют тушиться на медленном огне. Затем шелуха легко отделяется, а зерна разминаются. Затем руками из пасты формируют очень тонкую лепешку, которую готовят на глиняной сковороде, поставленной на огонь. Его едят с отварной фасолью и смесью чили и свиного сала.

Еще одним распространенным продуктом диетического питания является *тамале*. Это смесь из рубленого мяса, чили и лука, покрытая кукурузной пастой, затем завернутая в листья кукурузы или подорожника и отваренная или запеченная.—М.]

[40] “Quo strages,” says Martyr, “erat crudelior, eo magis copiose ac opipare cœnabant Guazuzingui & Tascaltecani, cæterique prouinciales auxiliarii, qui soliti sunt hostes in prælio cadentes intra suos ventres sepelire; nec vetare ausus fuisset Cortesius.” (De Orbe Novo, 5 декабря, загл. 8.) “Y los otros les mostraban los de su Ciudad hechos pedazos, diciéndoles, que los habian de cenar aquella noche, y almorzar otro dia, como de hecho lo hacian.” (Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 256.) И все же кого-то вполне может поразить утверждение Овьедо о том, что плотоядные монстры вылавливали раздутые тела утонувших в озере, чтобы увеличить свой рацион! “Ni podian ver los ojos de los Christianos, é Cathólicos, mas espantable é aborrecida cosa, que ver en el Real de los Amigos confederados el continuo exercicio de comer carne asada, ó cocida de los Indios enemigos, é aun de los que mataban en las canoas, ó se ahogaban, é después el agua los echaba en la superficie de la laguna, ó en la costa, no los dexaban de pescar, é aposentar en sus vientres.” История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 24.

[41] “Я с уверенностью ожидал, что и в этот, и в предыдущий день они придут с предложениями мира, поскольку я сам, победоносный или нет, постоянно предпринимал попытки достичь этой цели. Но с их стороны мы никогда не замечали признаков такого намерения”. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 261.

[42] Таков отчет, явно предоставленный Кортесом императору. (Отн. Terc., ap. Lorenzana, стр. 264.) Берналь Диас, напротив, говорит о штурме так, как сначала задумал сам генерал. (История. de la Conquista, cap. 151.) И все же Диас не располагал лучшими средствами для получения информации, а Кортес вряд ли отправил бы домой явное искажение, которое могло быть так легко разоблачено.

[43] Это пунктуальное исполнение армией мессы в шторм и при солнечном свете, днем и ночью, среди друзей и врагов, вызывает теплую похвалу архиепископского редактора Кортеса: “En el Campo, en una Calzada, entre Enemigos, trabajando dia, y noche, nunca se omitia la Missa, páraque toda la obra se atribuyesse á Dios, y многие из нас живут в городе Лас-Агуас-де-эль-Сиело, а жители Энсимы-дель-Агуа - на малас-Тиендас”. Lorenzana, p. 266, nota.

[44] В дивизии казначея, согласно Письму генерала, было 70 испанских пеших, 7 или 8 конных и 15 000 или 20 000 индейцев; в дивизии Тапия - 80 пеших и 10 000 союзников; а в его собственной - 8 конных, 100 пехотных и “бесконечное количество союзников”. (Ibid., ubi supra.) Неточность формулировок показывает, что несколько тысяч человек больше или меньше не имели большого значения в оценке индийских сил.

[45] “Otro dia de mañana acordé de ir á su Real para le reprehender lo pasado.... Y visto, no les imputé tanta culpa, como antes parecia tener, y platicado cerca de lo que habia de hacer, yo me volví á nuestro Real aquel dia.” Rel. Терк, де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 263, 264.

[46] “Y hallé, que habian pasado una quebrada de la Calle, que era de diez, ó doce pasos de ancho; y el Agua, que por ella pasaba, era de hondura de mas de dos estados, y al tiempo que la pasáron habian echado en ella madera, y cañas de carrizo, y como pasaban pocos á pocos, y con tanto, no se habia hundido la madera y cañas.” Rel. Терк, де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 268.—См. также Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 48.

[47] Gomara, Crónica, cap. 138.—Ixtilxochitl, Venida de los Españoles, p. 37.—Oviedo, Hist. de las Ind., cp., lib. 33, cap. 26.—Por Гватемальозина звенел в ушах Берналя Диаса еще много дней после битвы. “Quatemuz, y manda tocar su corneta, q̃ era vna señal q quando aquella se tocasse, era q auian de pelear sus Capitanes de manera, q hiziessen presa, ó morir sobre ello; y retumbaua el sonido, q se metia en los oidos, y de q lo oyéro aquellos sus esquadrones, y Capitanes: saber yo aquí dezir aora, con q rabia, y esfuerço se metian entre nosotros á nos echar mano, es cosa de espanto.” Хист. de la Conquista, cap. 152.

[48] “É como el negocio fué tan de súbito, y ví que mataban la Gente determiné de me quedar allí, y morir peleando.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 268.

[49] Икстлильшочитль, который хотел бы сделать своего царственного родственника своего рода наследником всех неуместных или даже сомнительных актов героизма, в этом случае предъявляет на него серьезные претензии. Картина, по его словам, на одних из ворот монастыря Тлателолко, долгое время свидетельствовала о том, что именно вождь тецкуканцев спас жизнь Кортесу. (Venida de los Españoles, p. 38.) Но Камарго полностью отдает должное Олеа, основываясь на свидетельстве “знаменитого тлашкальского воина”, присутствовавшего при этом действии, который сообщил ему об этом. (История. де Тласкала, ср.) То же самое твердо утверждает Берналь Диас, житель Олеи, памяти которого он отдает искреннюю дань уважения как одному

из лучших людей и храбрейших солдат в армии. (Хист. de la Conquista, cap. 152, 204.) Сааведра, поэтический летописец, — скорее летописец, чем поэт, — вышедший на сцену до того, как все, кто сражался с оружием в руках, покинули ее, вручает лавр также Оле, чью судьбу он увековечивает в стихах, которые, по крайней мере, претендуют на историческую достоверность:

“Túvole con las manos abraçado,

Y Francisco de Olea el valeroso,

Vn valiente Español, y su criado

Le tiró vn tajo brauo y riguroso:

Las dos manos á cercen le ha cortado,

Y él le libró del trance trabajoso

Huuu muy gran rumor, porque dezian,

Que ya en prision amarga le tenian.

“Llegáron otros Indios arriscados,

Y á Olea matáron en vn punto,

Cercáron á Cortés por todos lados,

Y al miserable cuerpo ya difunto;

Y viendo sus sentidos recobrados,

Puso mano á la espada y daga junto.

Antonio de Quiñones llegó luego,

Capitan de la guarda ardiendo en fuego.”

EL PEREGRINO INDIANO, Canto 20.

[50] “É aquel Capitan que estaba con el General, que se decia Antonio de Quiñones, díxole: Vamos, Señor, de aquí, y salvemos vuestra Persona, pues que ya esto está de manera, que es morir desesperado atender; é sin vos, ninguno de nosotros puede escapar, que no es esfuerzo, sino poquedad, porfiar aquí otra cosa.” Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 26.

[51] Возможно, это было то самое знамя, которое, как заметил мистер Баллок, хранилось в Госпитале Иисуса, “где, “ говорит он, ” мы видели точно такой же вышитый штандарт, под которым великий полководец отвоевал эту огромную империю у несчастного Монтесумы”. Шесть месяцев в Мексике, том i, глава 10.

[52] Об этом катастрофическом деле, помимо Письма Кортеса и Хроники Диаса, которые так часто цитируются, см. Sahagun, Hist. новая Испания, СР., библиотека 12, глава 33, —Камарго, История. de Tlascala, MS.,—Gomara, Crónica, cap. 138,—Torquemada, Monarch. Инд., библиотека 4, глава 94, —Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, главы 26, 48.

[53] “El resonido de la corneta de Guatemuuz”.—Волшебный рог Астольфо не был страшнее:

“Dico che ’l corno è di sì orribil suono,

Ch’ ovunque s’ oda, fa fuggir la gente.

Non può trovarsi al mondo un cor sì buono,

Che possa non fuggir come lo sente.

Rumor di vento e di tremuoto, e ’l tuono,

A par del suon di questo, era niente.”

ОРЛАНДО ФУРИОЗО, Песнь 15, ст. 15.

[54] “Por ñ yo no lo sé aquí escriuir ñ aora ñ me pongo á pensar en ello, es como si visiblemente lo viesse, mas bueluo á dezir, y así es verdad, ñ si Dios no nos diera esfuerço, segun estauamos todos heridos: él nos saluo, ñ de otra manera no nos podiamos llegar á nuestros ranchos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 152.

[55] Этого знаменитого скакуна, который мог бы соперничать с Бабьей из Cid, звали Мотилла, и, когда кто-то безоговорочно хвалил лошадь, он говорил: “Он так же хорош, как Мотилла”. Так говорит князь хронистов Диас, который заботится о том, чтобы ни зверь, ни человек не были обманом лишены его прекрасной гердон в этих кампаниях против неверных. Кажется, он был каштанового цвета, со звездой во лбу и, к счастью для его репутации, только одна нога у него была белой. Смотрите Историю. de la Conquista, cap. 152, 205.

[56] “Кавальере” можно было бы извинить за то, что они не рисковали своими лошадьми, если бы, как утверждает Диас, их можно было заменить только за счет восьмисот или тысячи долларов за штуку: “Porque costaua en aquella sazón vn cauallito ochocientos pesos, y aun algunos costauan á mas de mil”. Хист. de la Conquista, cap. 151. См. также, *ante*, книга II, глава 3, примечание 14.

[57] “Mira pues veis que yo no puedo ir á todas partes, á vos os encomiendo estos trabajos, pues veis ñ estoy herido y coxo; ruego os pongais cobro en estos tres reales; bien sé ñ Pedro de Alvarado, y sus Capitanes, y soldados aurán batallado, y hecho como caualleros, mas temo el gran poder destos perros no les ayan desbaratado.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 152.

[58] “Vn atambor de muy triste sonido, enfin como instrumento de demonios, y retumbaua tanto, que se oia dos, ó tres leguas.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, loc. cit.

[59] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra.—Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 48.—“Sacándoles los corazones, sobre una piedra que era como un pilar cortado, tan grueso como un hombre y algo mas, y tan alto como medio estadio; allí á cada uno echado de espaldas sobre aquella piedra, que se llama Techcatl, uno le tiraba por un brazo, y otro por el otro, y tambien por las piernas otros dos, y venia uno de aquellos Sátrapas, con un pedernal, como un hierro de lanza enhaestado, en un palo de dos palmos de largo, le daba un golpe con ambas manos en el pecho; y sacando aquel pedernal, por la misma llaga metia la mano, y arrancábale el corazón, y luego fregaba con él la boca del Ídolo; y echaba á rodar el cuerpo por las gradas abajo, que serian como cinquenta ó sesenta gradas, por allí abajo iba quebrando las piernas y los brazos, y dando cabezasos con la cabeza, *hasta que llegaba abajo aun vivo*.” Саарун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 35.

[60] По крайней мере, таково честное признание капитана Диаса, такого же храброго солдата, как и любой другой в армии. Однако он утешает себя мыслью, что дрожь в его конечностях свидетельствовала скорее об избытке мужества, чем о его

недостатке, поскольку она была вызвана живым ощущением великих опасностей, в которые его готов был ввергнуть его отважный дух! The passage in the original affords a good specimen of the inimitable *naïveté* of the old chronicler: “Digan agora todos aquellos caualleros, que desto del militar entienden, y se han hallado en trances peligrosos de muerte, á que fin echarán mi temor, si es á mucha flaqueza de animo, ó á mucho esfuerço, porque como he dicho, sentia yo en mi pensamiento, que auia de poner por mi persona, batallando en parte que por fuerça auia de temer la muerte mas que otras vezes, y por esto me temblaua el coraçon, y temia la muerte.” Хист. de la Conquista, cap. 156.

[61] Эрпера, Hist. general, dec. 3, lib. 2, cap. 20.—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 41, 42.—“Y nos dezian, que de aí á ocho dias no auia de quedar ninguno de nosotros á vida, porque assí se lo auian prometido la noche antes sus Dioses.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 153.

[62] Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 36.—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 41, 42.—The Castilian scholar will see that I have not drawn on my imagination for the picture of these horrors: “Digamos aora lo que los Mexicanos hazian de noche en sus grandes, y altos Cues; y es, q̃ tañian su maldito atambor, que dixe otra vez que era el de mas maldito sonido, y mas triste q̃ se podia inuētar, y sonaua muy lexos; y tañian otros peores instrumentos. En fin, cosas diabólicas, y teniā grandes lumbres, y dauā grādíssimos gritos, y siluos, y en aquel instāte estauan sacrificando de nuestros cōpañeros, de los q̃ tomārō á Cortés, que supímos q̃ sacrificáron diez dias arreo, hasta que los acabáron, y el postrero dexárō á Christoual de Guzman, q̃ viuo lo tuuiéron diez y ocho dias, segun dixērō tres Capitanes Mexicanos q̃ prēdímos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 153.

[63] “Que no era bien, que Mugerres Castellanas dexasen á sus Maridos, iendo á la Guerra, i que adonde ellos muriesen, moririan ellas.” (Эрпера, История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава. 22.) Историк запечатлел на своих страницах имена нескольких из этих героинь, которые, несомненно, имеют полное право разделить почести Завоевания: Беатрис де Паласиос, Мария де Эстрада, Хуана Мартин, Изабель Родригес и Беатрис Бермудес.

[64] Там же, ubi выше.

[65] И все же священники были не так уж виноваты, если, как уверяет нас Солис, “дьявол в те дни действовал очень усердно, внушая в уши своей пастве то, чего не мог внушить в их сердца”. Конкиста, библиотека 5, глава 22.

[66] “Y tenemos necesidad antes de ser socorridos, que de dar socorro.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 272.

[67] “Одному Богу известно, - говорит генерал, - какая опасность грозила всем нам; пусть никто не собирается спасать исфуерцо и антимо, как нунка и морир пелеандо, дисимулабамос нуэстра флакеза асси против Друзей, пусть никто не убивает Брагов”. Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 275.

[68] Силы Тапии состояли из 10 всадников и 80 пеших; у вождя альгусила, как называли Сандовала, было 18 всадников и 100 пехотинцев. Ibid., loc. cit.—Также Овьедо, История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 26.

[69] “Pólvora y Ballestas, de que tenemos muy extrema necesidad.” (Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 278.) Вероятно, это была экспедиция, в ходе которой Понсе де Леон расстался с жизнью; экспедиция в ту самую страну, которую сам рыцарский кавалер впервые посетил в поисках Источника Здоровья. Эта история, как читатель, возможно, помнит, приятно рассказана Ирвингом в его “Спутниках Колумба”.

[70] The calm and simple manner in which the *Conquistador*, as usual, states this in his *Commentaries*, has something appalling in it from its very simplicity: “Acordé de tomar un medio para nuestra seguridad, y para poder mas estrechar á los Enemigos; y fué, que como fuessemos ganando por las Calles de la Ciudad, que fuessem derrocando todas las Casas de ellas, del un lado, y del otro; por manera, que no fuessemos un paso adelante, sin lo dejar todo asolado, y lo que era Agua, hacerlo Tierra-firme, aunque hoviesse toda la dilacion, que se pudiesse seguir.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 279.

[71] “Porque era la mas hermosa cosa del Mundo.” Там же, стр. 278.

[72] “Mas antes en el pelear, y en todos sus ardides, los hallabamos con mas ánimo, que nunca.” Там же, стр. 279.

[73] Тем не менее, мы вряд ли поверим утверждению историка Тецкукана о том, что сто тысяч индейцев стеклись в лагерь с этой целью: “Viniesen todos los labradores con sus coas para este effecto con toda brevedad: ... llegaron mas de cien mil de ellos.” Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, p. 42.

[74] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 153.

[75] Sahagun, who gathered the story from the actors, and from the aspect of the scene before the devastation had been wholly repaired, writes with the animation of an eye-witness: “La guerra por agua y por tierra fué tan porfiada y tan sangrienta, que era espanto de verla, y no hay posibilidad, para decir las particularidades que pasaban; eran tan espesas las saetas, y dardos, y piedras, y palos, que se arrojaban los unos á los otros, que quitavan la claridad del sol; era tan grande la vocería, y grita, de hombres y mugeres, y niños que voceaban y lloraban,

que era cosa de grima; era tan grande la polvareda, y ruido, en derrocar y quemar casas, y robar lo que en ellas habia, y cautivar niños y mugeres, *que parecia un juicio*.” Hist. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 38.

[76] Мясо христиан не могло обеспечить их даже обычной пищей, поскольку мексиканцы говорили, что оно было невыносимо горьким; чудо, по мнению капитана Диаса, было сотворено специально для этого случая. Хист. de la Conquista, cap. 153.

[77] Там же, *ubi* выше. — При сушке на солнце этот слизистый осадок имел вкус, мало чем отличающийся от вкуса сыра, и, по словам Клавиджеро, всегда был частью пищи беднейших слоев населения. Стор. del Messico, tom. ii. p. 222.{*}

{*} [Это был *ахуахутле*, описанный ранее. См. *ante*, том ii. стр. 290, прим. —М.]

[78] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 154.

[79] “Mas como el Guatemuz era mancebo, y *muy gentil-hombre* y de buena disposicion.” Ibid., *ubi supra*.

[80] “Mira primero lo que nuestros Dioses te han prometido, toma buen consejo sobre ello y no te fies de Malinche, ni de sus palabras, que mas vale que todos muramos en esta ciudad peleando, que no vernos en poder de quiē nos harán esclauos, y nos atormentarán.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 154.

[81] “Y entonces el Guatemuz medio enojado les dixo: Pues assi quereis que sea, guardad mucho el maiz, y bastimentos que tenemos, y muramos todos peleando: y desde aquí adelante ninguno sea osado á me demandar pazes, si no yo le mataré: y allí todos prometieron de pelear noches, y dias, y morir en la defensa de su ciudad.” Ibid., ubi supra.

[82] “Los de la Ciudad como veian tanto estrago, por esforzarse, decian á nuestros Amigos, que no ficiessen sino quemar, y destruir, que ellos se las harian tornar á hacer de nuevo, porque si ellos eran vencedores, ya ellos sabian, que habia de ser assí, y si no, que las habian de hacer para nosotros.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 286.

[83] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 282-284.—Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека 1, глава 22; библиотека 2, глава 2.—Гомара, Крона, глава 140.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 28.—Ixtilxochitl, Venida de los Españoles, p. 43.

[84] “No se entendió sino en quemar, y hallanar Casas, que era lástima cierto de lo ver; pero como no nos convenia hacer otra cosa, eramos forzado seguir aquella órden.” Rel. Terc. de Cortés, p. 286.

[85] “No tenian agua dulce para beber, ni para de ninguna manera de comer; bebian del agua salada y hedionda, comian ratones y lagartijas, y cortezas de árboles, y otras cosas no comestibles; y de esta causa enfermáron muchos, y muriéron muchos.” Саарун, История. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 39. —Также отн. Тerc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 289.

[86] “Y es verdad y juro amen, que toda la laguna, y casas, y barbacoas estauan llenas de cuerpos, y cabeças de hombres muertos, que yo no sé de que manera lo escriua.” (Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 156.) Клавиджеро считает, что это был план мексиканцев оставлять мертвых непогребенными, чтобы зловоние раздражало испанцев и отпугивало их. (История. del Messico, tom. iii. p. 231, nota.) Но такая политика нанесла бы гораздо больший ущерб осажденным, чем осаждающим, чье присутствие в столице было лишь временным. Гораздо естественнее отнести это к той же причине, которая привела к аналогичному поведению при аналогичных обстоятельствах в другом месте, будь то чума или голод.

[87] Гонсало де лас Касас, Дефенса, ср., загл. 28. —Мученик", De Orbe Novo, 5 декабря, загл. 8.—Ixtilxochitl, Venida de los Españoles, p. 45.—Rel. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 289.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 29.

[88] “Muchas cosas acaecieron en este cerco, que entre otras generaciones estobieran discantadas é tenidas en mucho, en especial de las Mugerres de Temixtitlan, de quien ninguna mencion se ha fecho. Y soy certificado, que fué cosa maravillosa y para espantar, ver la prontitud y constancia que tobiéron en servir á sus maridos, y en curar los heridos, é en el labrar de las piedras para los que tiraban con hondas, é en otros oficios para mas que mugeres.” Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 48.

[89] Овьедо, История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 29.—Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 155.—Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 287-289.

[90] Ante, vol ii. p. 312.—The *tianguetz* still continued of great dimensions, though with faded magnificence, after the Conquest, when it is thus noticed by Father Sahagun: “Entráron en la plaza ó Tianguetz de esta Tlaltitlulco (lugar muy espacioso mucho mas de lo que ahora es), el cual se podia llamar emporio de toda esta nueva España: al cual venian á tratar gentes de toda esta nueva España, y aun de los Reinos á ella contiguos, y donde se vendian y compraban todas cuantas cosas hay en toda esta tierra, y en los Reinos de Quahtimalla y Xalisco (cosa cierto mucho de ver), yo lo ví por muchos años morando en esta Casa del Señor Santiago aunque ya no era tanto como antes de la Conquista.” История. новая Испания, CP., библиотека. 12, глава. 37.

[91] “É yo miré dende aquella Torre, lo que teniamos ganado de la Ciudad, que sin duda de ocho partes teniamos ganado las siete.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 289.

[92] Торибио, История. de los Ind., MS., Parte 3, cap. 7. Остатки древних фундаментов все еще можно различить в этом квартале, в то время как в любом другом *этиам перизре руины!*

[93] Бустаманте, мексиканский редактор "Саагуна", упоминает, что сейчас в его распоряжении несколько из этих военных трофеев. “Toda la llanura del Santuario de nuestra Señora de los Ángeles y de Santiago Tlaltitlulco se ve sembrada de fragmentos de lanzas cortantes, de macanas, y flechas de piedra obsidiana, de que usaban los Mexicanos ó sea Chinapos, y yo he recogido no pocos que conservo en mi poder.” Хист. de Nueva-España, lib. 12, nota 21.

[94] “Y como comenzó á arder, levantóse una llama tan alta que parecia llegar al cielo, al espectáculo de esta quema, todos los hombres y mugeres que se habian acogido á las tiendas que cercaban todo el Tianguetz comenzáron á llorar á voz en grito, que fué cosa de espanto oírlos; porque quemado aquel delubro satánico luego entendieron que habian de ser del todo destruidos y robados.” Саарун, История. Нуэва-Испания, CP., библиотека. 12, глава. 37.

[95] Остатки работы все еще видны, по словам М. де Гумбольдта, в пределах паперти часовни Святого Яго. Essai politique, tom. ii. p. 44.

[96] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 155. —Отв. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 290.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 37.

[97] “Estaban los tristes, Mejicanos, hombres y mugeres, niños y niñas, viejos y viejas, heridos y enfermos, en un lugar bien estrecho, y bien apretados los unos con los otros, y con grandísima falta de bastimentos, y al calor del Sol, y al frio de la noche, y cada hora esperando la muerte.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 39.

[98] Торквемада слышал этот анекдот от племянника одной из индийских матрон, тогда еще очень старого человека. Монарх. Изд., библиотека 4, глава 102.

[99] Торквемада, монарх. Инд., ubi выше.—Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 156.

[100] “De los niños, no quedó nadie, que las mismas madres y padres los comían (que era gran lástima de ver, y mayormente de sufrir).” (Саагун, История. новая Испания, СР., lib. 12, cap. 39.) Историк черпал свои сведения из самих мексиканцев вскоре после этого события. Вспоминаются ужасные обличения Моисея: “На нежную и деликатную женщину среди вас, которая не отважилась бы ступить ногой на землю из деликатности и нежности, ее взгляд будет недобрым ... ее дети, которых она родит; ибо она съест их, за неимением всего, тайно, в осаде и стеснении, которыми враг твой будет стеснять тебя у ворот твоих”. Второзаконие, глава 28, стихи 56, 57.

[101] “No podíamos andar sino entre cuerpos, y cabeças de Indios muertos.” Хист. de la Conquista, cap. 156.

[102] “No tenían donde estar sino sobre los cuerpos muertos de los suyos.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 291.

[103] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra.—Herrera, Hist. генерал, 3 декабря, библиотека 2, глава. 8.—Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 41.—Gonzalo de las Casas, Defensa, MS., cap. 28.

[104] “Un torbellino de fuego como sangre embuelto en brasas y en centellas, que partía de hacia Tepeacac (que es donde está ahora Santa María de Guadalupe) y fué haciendo gran ruido, hacia donde estaban acorralados los Mejicanos y Tlaltlulcanos; y dió una vuelta para enrededor de ellos, y no dicen si los empeció algo, sino que habiendo dado aquella vuelta, se entró por la laguna adelante; y allí desapareció.” Sahagun, Hist. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 40.

[105] “Inclinatis ad credendum animis, - говорит римский историк-философ, - loco ominum etiam fortuita”. Тацит, История, книга 2, раздел 1.

[106] “Y como lo llevaron delante de Guatimucin su Señor, y él le comenzó á hablar sobre la Paz, dizque luego lo mandó matar y sacrificar.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 293.

[107] “Que pues ellos me tenían por Hijo del Sol, y el Sol en tanta brevedad como era en un día y una noche daba vuelta á todo el Mundo, que porque yo así brevemente no los acababa de matar, y los quitaba de penar tanto, porque ya ellos tenían deseos de morir, y irse al Cielo para su Ochilobus [Huitzilopochtli], que los estaba esperando para descansar.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 292.

[108] “Y yo les torné á repetir, que no sabía la causa, porque él se recelaba venir ante mí, pues veía que á ellos, que yo sabía q̃ habían sido los causadores principales de la Guerra, y que la habían sustentado, les hacía buen tratamiento, que los dejaba ir, y venir seguramente, sin recibir enojo alguno; que les rogaba, que le tornassen á hablar, y mirassen mucho en esto de su venida, pues á él le convenia, y yo lo hacía por su provecho.” Rel. Терц., А. П. Лоренцана, стр. 294, 295.

[109] Это самое яркое и недвусмысленное свидетельство этих неоднократных попыток со стороны Кортеса мирно примирить ацтеков. Помимо его собственного Письма императору, см. Берналь Диас, глава 155, —Эррера, История. генерал, глава 2, главы 6, 7, —Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 100,—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 44-48,—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, главы 29, 30.

[110] “Corrían Arroios de Sangre por las Calles, como pueden correr de Agua, quando llueve, y con ímpetu, y fuerza.” Torquemada, Monarch. Изд., библиотека 4, глава 103.

[111] “Era tanta la grita, y lloro de los Niños, y Mugeres, que no había Persona, á quien no quebrantasse el corazón.” (Отн. Терц., А. п. Лоренцана, стр. 296.) “Они были опрометчивой и упрямой расой”, - восклицает его преподобие редактор архиепископ с благотворительным комментарием! “*Gens duræ cervicis gens absque consilio.*” Nota.

[112] “Como la gente de la Cibdad se salía á los nuestros, había el general proveído, que por todas las calles estuviesen Españoles para estorvar á los amigos, que no matasen aquellos tristes, que eran sin número. É tambien dixo á todos los amigos capitanes, que no consintiesen á su gente que matasen á ninguno de los que salían.” Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 30.

[113] “La qual crueldad nunca en Generacion tan recia se vió, ni tan fuera de toda órden de naturaleza, como en los Naturales de estas partes.” Отн. Терц. de Cortés, ап. Lorenzana, p. 296.

[114] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, ubi выше. — Икстлильшочитль говорит, что 50 000 человек были убиты и взяты в плен в ходе этого ужасного нападения. Venida de los Españoles, p. 48.

[115] “Adonde estauan retraidos el Guatemuz con toda la flor de sus Capitanes, y personas mas nobles que en México auia, y le mandó que no matasse ni hiriesse á ningunos Indios, saluo si no le diessen guerra, é que aunque se la diessen, que solamente se defendiesse.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 156.

[116] “Y al fin me dijo, que en ninguna manera el Señor vernia ante mí; y antes queria por allá morir, y que á él pesaba mucho de esto, que hiciesse yo lo que quisiesse; y como ví en esto su determinacion, yo le dije; que se bolviesse á los suyos, y que él, y ellos se aparejassen, porque los queria combatir, y acabar de matar, y assí se fué.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 298.

[117] Овьедо, История. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 30.—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, p. 48.—Herrera, Hist. общие сведения, 3 декабря, библиотека 2, глава. 7.—Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 297, 298.—Gomara, Crónica, cap. 142.

[118] Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, p. 49.—“No me tiren, que yo soy el Rey de México, y desta tierra, y lo que te ruego es, que no me llegues á mi muger, ni á mis hijos; ni á ninguna muger, ni á ninguna cosa de lo que aquí traygo, sino que me tomes á mi, y me lleues á Malinche.” (Берналь Диас, Хист. de la Conquista, глава 156.) Г-н де Гумбольдт приложил немало усилий, чтобы определить место пленения Гватемальозина, — ныне ставшее сушей, — которое, по его мнению, находилось где-то между Гарита-де-Перальвилю, площадью Сантьяго, Тлателолко и мостом Амаксак. Essai politique, tom. ii. p. 76. {*}

{*} [Согласно старой традиции, это было на Пуэнте-дель-Кабильдо, который находится в пределах, обозначенных Гумбольдтом. Alaman, Conquista de Méjico (trad. de Vega), том. ii. стр. 209, примеч.—К.]

[119] Предыдущий отчет о захвате Гватемалы, рассказанный с небольшими расхождениями, хотя и с большей или меньшей детализацией, разными авторами, см. Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra,—Rel. Terc. de Cortés, p. 299,—Gonzalo de las Casas, Defensa, MS.,—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 30,—Торквемада, монарх. Инд., библиотека 4, глава 101.

[120] Генерал, по словам Диаса, упрекнул своих офицеров в их несвоевременном споре, напомнив им об ужасных последствиях аналогичной ссоры между Мариусом и Силлой в отношении Югурты. (Хист. de la Conquista, cap. 156.) Этот образец педантизма гораздо больше напоминает старого хрониста, чем его командира. Результатом всего этого — что не редкость в подобных случаях — стало то, что император не предоставил ни одной из сторон, кроме Кортеса, исключительного права увековечить взятие Гватемалы на своем гербе. Ему было разрешено носить три золотые короны на соболином поле, одну над двумя другими, в знак его победы над тремя правителями Мексики: Монтесумой, его братом Куитлауа и Гватемалосином. Копию документа, содержащего пожалование герба Кортесов, можно найти в “Исторических исследованиях” Аламана, том ii. приложение. 2.

[121] Саагун, История. Нуэва-Испания, библиотека 12, глава 40, CP.

[122] For the portrait of Guatemozin I again borrow the faithful pencil of Diaz, who knew him—at least his person—well: “Guatemuz era de muy gentil disposicion, assí de cuerpo, como de fayciones, y la cata algo larga, y alegre, y los ojos mas parecian que quando miraua, que eran con grauedad, y halagüeños, y no auia falta en ellos, y era de edad de veinte y tres, ó veinte y quatro años, y el color tiraua mas á blanco, que al color, y matiz de essotros Indios morenos.” Хист. de la Conquista, cap. 156.

[123] “Llegóse á mi, y díjome en su lengua: que ya él habia hecho todo, lo que de su parte era obligado para defenderse á sí, y á los suyos, hasta venir en aquel estado; que ahora ficiesse de él lo que yo quisiesse; y puso la mano en un puñal, que yo tenia, diciéndome, que le dicesse de puñaladas, y le matasse.” (Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 300.) Этот замечательный отчет самого Завоевателя подтверждается Диасом, который, по-видимому, не видел этого письма своего командира. История. de la Conquista, cap. 156.

[124] Там же, глава 156. — Также Овьедо, История. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 48, — и Мученик (De Orbe Novo, 5 декабря, cap. 8), который эпитетом *великодушный* регисвидетельствует о восхищении, которое возвышенный дух Гватемальозина вызывал при кастильском дворе.

[125] Церемония бракосочетания, которая отличала “законную жену” от наложницы, описана доном Тоаном Кано в его беседе с Овьедо. Согласно этому, получается, что единственными законными отпрысками, которых Монтесума оставил после своей смерти, были сын и дочь, та самая принцесса.— См. Приложение, № 11.

[126] Дальнейший рассказ о дочери Монтесумы см. в Книге VII, глава iii. из этой Истории.

[127] Это событие ежегодно отмечается — или, скорее, было при колониальном правительстве — торжественным шествием вокруг стен города. Оно состоялось 13 августа, в годовщину капитуляции, и состояло из главных кавалеристов и горожан верхом на лошадях, возглавляемых вице-королем и демонстрирующих почтенный штандарт Завоевателя. {*}

{*} [По этому случаю был поднят королевский штандарт, а не штандарт Кортеса. Празднование было отменено указом кортесов Кадиса в 1812 году. Alaman, Conquista de Méjico, trad. de Vega, том. ii. стр. 212, прим. —К.]

[128] Торибио, История. de los Ind., MS., Parte 3, cap. 7. Саагун, История. Нуэва-Испания, ср., либр. 12, загл. 42. Берналь Диас, историк. de la Conquista, глава 156. — “После капитуляции властителя Мексики, - говорит Кортес в своем письме императору, - война, по благословению Небес, была прекращена в среду, 13 августа 1521 года. Таким образом, с того дня, когда мы впервые сели перед городом, а это было 30 мая, до его окончательного занятия, прошло семьдесят пять дней”. (Отн. Тerc., ap. Lorenzana, стр. 300.) Нелегко сказать, какое событие произошло 30 мая, чтобы обозначить начало осады. Клавиджеро считает это оккупацией Кохоуакана Олидом. (Стor. del Messico, том. iii. p. 196.) Но я не знаю, на основании каких данных. Ни Берналь Диас, ни Эррера, ни Кортес, таким образом, не фиксируют дату. Действительно, Клавиджеро говорит, что Альварado и Олид покинули Тецкоко 20 мая, а Кортес говорит, что 10 мая. Возможно, Кортес датируется тем временем, когда Сандовал обосновался на северной дамбе и когда началось полное инвестирование капитала. Берналь Диас не раз упоминает, что осада длилась три месяца, считая, вероятно, с того времени, когда его собственная дивизия под командованием Альварado заняла позиции в Такубе.

[129] Это, по-видимому, не потревожило сон солдат, которые были настолько оглушены непрекращающимся шумом осады, что теперь, когда он прекратился, “мы почувствовали себя, - говорит Диас в своей домашней манере, - как люди, внезапно сбежавшие с колокольни, где мы были заперты несколько месяцев, под звон колоколов, звенящий у нас в ушах!” Хист. de la Conquista, ubi supra.

[130] Эррера (Hist. генерал, 3 декабря, библиотека. 2, глава. 7) и Торквемада (монарх. Инд., библиотека. 4, глава. 101) оценивают их в 30 000 человек. Икстлильшочитль говорит, что 60 000 воинов сложили оружие (Venida de los Españoles, стр. 49); а Овьедо увеличивает это число еще больше, до 70 000. (Хист. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 48.) — После потерь во время осады эти цифры поражают. {*}

{*} [И совершенно ненадежен, как и почти все оценки коренных жителей или воинов, сделанные Завоевателем.—М.]

[131] “Digo que en tres dias con sus noches iban todas tres calçadas llenas de Indios, é Indias, y muchachos, llenas de bote en bote, que nunca dexauan de salir, y tan flacos, y suzios, é amarillos, é hediondos, que era lástima de los ver.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 150.

[132] Кортес оценивает потери противника в трех нескольких атаках в 67 000 человек, что с учетом 50 000 человек, которые, по его мнению, погибли от голода и болезней, составило бы 117 000. (См. Тerc., ap. Lorenzana, стр. 298, и алиби.) Но это касается исключительно тех, кто ранее приступил к осуществлению энергичного плана операций по сносу города. Икстлильшочитль, который редко позволяет кому-либо превзойти его в цифрах, оценивает погибших в круглых цифрах в 240 000, представляя цвет ацтекской знати. (Venida de los Españoles, p. 51.) Берналь Диас замечает в более общем плане: “Я читал историю разрушения Иерусалима, но я сомневаюсь, что там было так же много смертей, как при этой осаде; ибо в городе было собрано огромное количество индейских воинов из всех провинций и городов, подвластных Мексике, большинство из которых погибло”. (Хист. de la Conquista, cap. 156.) “Я беседовал, ” говорит Овьедо, “ со многими идалго и другими людьми и слышал, как они говорили, что число погибших было неисчислимо — больше, чем в Иерусалиме, как описано Иосифом Флавием”. (Хист. de las Ind., ср., lib. 30, cap. 30.), Поскольку оценка еврейского историка составляет 1 100 000 (Древности евреев, англ. пер., книга vii. глава. xvii.), сравнение может поколебать самую сговорчивую веру. Будет безопаснее обойтись без арифметики, когда данные слишком расплывчаты и скользки, чтобы обеспечить точку опоры для достижения истины.

[133] Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, p. 51.

[134] Отн. Тerc., ap. Lorenzana, стр. 301.—Овьедо вдаётся в некоторые дополнительные подробности, касающиеся количества сокровищ, и особенно пятой имперской монеты, на которые у меня будет возможность сослаться позже. История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 31.

[135] Эррера, историк. генерал, 3 декабря, библиотека 2, глава 8.—Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 156.—Sahagun, Hist. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 42.—Овьедо, История. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 30.—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 51, 52.

[136] Никто так беспощадно не обрушивал этот позор на головы старых Завоевателей, как их собственные потомки, современные мексиканцы. Редактор Ixtlilxochitl, Бустаманте, завершает оживленную инвективу в адрес захватчиков рекомендацией установить памятник на том месте — ныне на сухой земле, — где был взят Куаутемозин, который, как намекает сама предлагаемая надпись, должен “посвятить вечному проклятию ненавистную память этих бандитов!” (Venida de los Españoles, стр. 52, примечание.) Можно было бы предположить, что в жилах возмущенного редактора и его соотечественников текла чистая ацтекская

кровь, не запятнанная ни каплей кастильской, или, по крайней мере, что их симпатии к побежденной расе заставили бы их стремиться восстановить их в их древних правах. Однако, несмотря на эти взрывы великодушного негодования, которыми изобилуют труды мексиканцев наших дней, мы не находим, чтобы Революция или какой-либо из ее многочисленных *произношений* привела к возвращению им хотя бы акра их древней территории.

[137] “¿Estoi yo en algun deleite, ó baño?” (Gomara, Crónica, cap. 145.) Буквальная версия не столь поэтична, как “клумба с цветами”, в которую обычно переводят это восклицание гватемальозина.

[138] Наиболее подробный отчет об этой позорной сделке дает Берналь Диас, один из тех, кого выбрали сопровождать сеньора Такубы на его виллу. (История. de la Conquista, cap. 157.) Он замечает это дело с негодованием, но отговаривает Кортеса от добровольного участия в нем.

[139] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 308. —Простое заявление Завоевателя сильно контрастирует с напыщенным повествованием Эрреры (Hist. general, декабрь 3, библиотека 3, глава 3), а также с отцом Каво, который, возможно, немного опирался на свое собственное воображение. “Cortés en una canoa ricamente entapizada, llevó á el Rey Vehichilze, y á los nobles de Michoacan á México. Este es uno de los palacios de Mochtezoma (les decia); allí está el gran templo de Huitzilopuctli; estas ruinas son del grande edificio de Quauhtemoc, aquellos de la gran plaza del mercado. Conmovido Vehichilze de este espectáculo, se le saltaron las lágrimas.” Los tres Siglos de México (México, 1836), tom. i. p. 13.

[140] “Que todos los que tienen alguna ciencia, y experiencia en la Navegacion de las Indias, han tenido por muy cierto, que descubriendo por estas Partes la Mar del Sur, se habian de hallar muchas Islas ricas de Oro, y Perlas, y Piedras preciosas, y Especería, y se habian de descubrir y hallar otros muchos secretos y cosas admirables.” Rel. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 302, 303.

[141] “Y crea Vuestra Magestad, que cada dia se irá ennobleciendo en tal manera, que como antes fué Principal, y Señora de todas estas Provincias, que lo será tambien de aquí adelante.” Rel. Тerc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 307.

[142] Ante, том iv., стр. 70.

[143] Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека. 4, глава. 8.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека. 33, глава. 32. Камарго, История. de Tlascala, MS.—Gomara, Crónica, cap. 162.—“En la cual (la edificacion de la ciudad) los primeros años andaba mas gente que en la edificacion del templo de Jerusalem, porque era tanta la gente que andaba en las obras, que apenas podia hombre romper por algunas calles y calzadas, aunque son muy anchas.” (Toribio, Hist. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 1.) Икстлильшочитль заполняет любой пробел, который может оставить воображение, заполняя его цифрой 400 000, как количество туземцев, занятых в этой работе Кортесом! Venida de los Españoles, p. 60.

[144] “Sirviéron al Emperador con muchas piedras, i entre ellas con una esmeralda fina, como la palma, pero quadrada, i que se remataba en punta como pirámide.” (Гомара, Крона, глава 146.) Мученик подтверждает рассказ об этом чудесном изумруде, который, по его словам, “был доложен королю и совету, что он почти такой же широкий, как ладонь, и который, по мнению тех, кто его видел, нельзя было приобрести ни за какие деньги”. De Orbe Novo, 8 декабря, глава. 4. {*}

{*} [Аламан, однако, отрицает, что этот камень был изумрудом или что какие-либо настоящие изумруды были найдены завоевателями в Мексике, несмотря на частое упоминание о них в сообщениях современников. “В нашей республике нет изумрудов, - говорит он, - и камни, ошибочно принятые за них во время Завоевания, были нефритом или серпентином”. В качестве доказательства невежества в этом вопросе, распространенного в Европе в прежние времена, он приводит знаменитый экземпляр *Сакро Катино* в Генуе, который веками считался бесценным изумрудом, но теперь оказался подделкой. (Disertaciones históricas, tom. i. p. 161.) Несомненно, что в настоящее время изумруды не встречаются ни в одной части Северной Америки. И все же Завоеватели, по-видимому, были более разборчивыми, чем их представляет сеньор Аламан. Они отличали *чалчивитль*, предположительно нефрит, от изумруда и отвергали как не имеющие ценности другие зеленые камни, ценимые туземцами. Случай с *Сакро Катино* неприменим, поскольку не утверждается, что мексиканцы владели искусством имитации драгоценных камней с помощью пасты. Следовательно, тот факт, что изумруды, отправленные и вывезенные в Европу Кортесом, были там признаны подлинными, дает предположительное доказательство в их пользу, которое было общепризнано современными авторами по этому вопросу как достаточное.—К.]

[145] [Кортес воспользовался той же возможностью, с помощью которой был отправлен королевский пятый, чтобы отправить дорогие или необычные подарки многочисленным частным лицам и церквям в Испании. Этим фактом я обязан доброте мистера Джорджа Самнера, который, находясь в Испании, посетил архив Симанкаса, откуда он почерпнул для меня некоторые интересные сведения за тот период, которым я занимаюсь. В папке, подписанной *Панелесом де Кортесом*, он наткнулся на список без даты, но, очевидно, относящийся к 1522 году, золота, перьев и украшений, отправленных Кортесом различным лицам и учреждениям в

Испании. “Политика Кортеса и его дальновидность, ” справедливо замечает мистер Самнер, “ хорошо демонстрируются этим. Ни одна церковь, ни одно сколько-нибудь известное святилище во всей Испании не были забыты. Санта-Мария-дель-Антигуа в Севилье - богатое пожертвование золотом и перьями; Санта-Мария-дель-Пилар в Сарагосе - то же самое; еще одно в Сан-Яго-де-Компостелла; и еще одно в севильскую Картуху, в которой тогда покоились кости Колумба. На каждом важном месте есть плюмажи и золото. Затем не забыты епископы и люди власти; ибо им также посланы богатые подарки. В то время, когда не было газет, трубивших о чьей-либо славе, есть ли более надежный способ добиться известности, чем этот? Есть ли в Испании более надежный способ обрести ту безопасность, в которой так нуждался Кортес?”]

[146] Питер Мартир, Новая Орбита, 8 декабря, загл. 4. Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 169.

[147] Документ также наделял аналогичными полномочиями в отношении расследования обращения Нарваэса с лицензиатом Айллоном. Весь документ цитируется в свидетельских показаниях, составленных нотариусом Алонсо де Вергарой, в которых излагаются судебные разбирательства Тапии и муниципалитета Вилья-Рика, датированные Семпоаллой 24 декабря 1521 года. Рукопись является частью коллекции дона Варгаса Понсе в архиве Академии истории в Мадриде.

[148] Родственник де Вергара, ср.—Отв. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 309-314.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 158. — *Регидоры* Мексики и других мест протестовали против того, чтобы Кортес покинул Долину ради встречи с Тапиа, на том основании, что его присутствие было необходимо, чтобы внушить туземцам благоговейный страх. (СР., Койоакан, 12 декабря 1521 г.) Генерал согласился с силой возражения, которое, не исключено, было сделано по его собственному предложению.

[149] “Como ya (loado nuestro Señor) estaba toda la Provincia muy pacífica, y segura.” Rel. Quarta de Cortés, ap. Lorenzana, p. 367.

[150] Собрание рукописей Муньоса содержит доверенность, данную Кортесом своему отцу, уполномочивающую его вести все переговоры с императором и частными лицами, вести все судебные процессы от его имени, выплачивать и получать деньги и т.д.

[151] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 158.

[152] Сайас, "Анналы Арагона" (Сарагоса, 1666), главы 63, 78.—Достаточным подтверждением респектабельности этого суда является то, что мы находим в нем имя доктора Галиндеса де Карбахалья, выдающегося кастильского юриста, посевшего на службе у Фердинанда и Изабеллы, доверием которых он пользовался в высшей степени.

[153] Сайас, "Анналы Арагона", глава 78.—Эррера, История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 4, глава. 3.—Probanza en la Villa Segura, MS.—Declaraciones de Puertocarrero y de Montejó, MS.

[154] [“É porque soy certificado de lo mucho que vos en ese descubrimiento é conquista y en tornar á ganar la dicha ciudad é provincias habeis fecho é trabajado, de que me he tenido é tengo por muy servido, é tengo la voluntad que es razon para vos favorecer y hacer la merced que vuestros servicios y trabajos merecen.”— Все письмо вставлено Аламаном в его "Исторических исследованиях", том i. приложение 2, стр. 144 и далее.]

[155] Nombramiento de Governador y Capitan General y Justicia Mayor de Nueva-España, MS.—Also Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 168.

[156] Характер Фонсеки был прорисован той же рукой, которая прорисовала характер Колумба. ("Жизнь и путешествия Колумба" Ирвинга, Приложение, № 32.) Бок о бок они войдут в историю потомства на прекрасной странице "Историка", хотя характеры этих двух людей были начертаны ручками, столь же непохожими друг на друга, как золотое и железное перо, которым, по словам Паоло Джовио, он пользовался в своих сочинениях.

[157] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 158.

[158] [По словам сеньора Аламана, собор был посвящен не святому Франциску, а Успению Пресвятой Богородицы. Conquista de Méjico (trad. de Vega), том. ii. стр. 254.]

[159] Эррера, Hist. общие положения, декабрь 3, библиотека 4, глава 8.

[160] Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том i, стр. 271.—Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 58.

[161] Эррера, Hist. общие положения, ubi выше.

[162] Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 72.

[163] От имени одного джентльмена хуомо, ар. Рамузио, том. iii. fol. 309.

[164] [Аламан утверждает, что в Тлателолко не было собора, а был францисканский монастырь, посвященный святому Иакову, который существует до сих пор. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том. ii. стр. 255.]

[165] От имени джентиль хуомо, ap. Ramusio, ubi supra.

[166] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 177.

[167] Отв. Кварта де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 376, примечание.

[168] Описание этого уникального предприятия см. *ante*, том ii. стр. 227.

[169] “Кортес, считая только индейское население, говорит *трейнта мил векинос*. (Rel. Quarta, ap. Lorenzana, стр. 375.) Гомара, говоря о Мексике несколько лет спустя, оценивает количество испанских домовладельцев так, как указано в тексте. Crónica, cap. 162.

[170] “Торибио, Hist. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 7.— И все же это едва ли более сильный язык, чем у Анонимного Завоевателя: “Потому что все в порядке, и ди си прекрасная площадь, и страда, время для другого чтения, сиано аль мондо”. Rel. d'un gentil' huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 309.

[171] “Y tengo por cierto, que aquel Pueblo ha de ser, despues de esta Ciudad, el mejor que obiere en esta Nueva España.” (Rel. Quarta, ap. Lorenzana, p. 382.) Архиепископ путает этот город с современным Веракрусом. Но описание порта генералом опровергает это предположение и подтверждает нашу уверенность в заявлении Клавиджера о том, что нынешний город был основан графом де Монтерей во времена, упомянутые в тексте. См. *ante*, том ii, стр. 47, примечание.

[172] Муниципальные порядки, Теночтитлан, Марцо, 1524 г., ср. {*}—Постановления, изданные Кортесом для правительства страны во время его вице-королевства, все еще хранятся в Мексике; и копия, находящаяся в моем распоряжении, была передана мне из этой столицы. Они дают достаточно доказательств мудрого и проницательного духа, который охватывал каждый объект, достойный внимания просвещенного правителя; и я процитирую в оригинале особые положения, упомянутые в тексте:

“Предмет. Por que mas se manifieste la voluntad que los pobladores de estas partes tienen de residir y permanecer en ellas, mando que todas las personas que tuvieren Indios, que fueren casados en Castilla ó en otras partes, que traigan sus mugeres dentro de un año y medio primero siguientes de como estas ordenanzas fueren pregonadas, so pena de perder los Indios, y todo lo con ellos adquirido é grangeado; y por que muchas personas podrian poner por achaque aunque tuviesen aparejo de decir que no tienen dineros para enviar por ellas, por hende las tales personas que tuvieran esta necesidad parescan ante el R^o. P^e. Fray Juan de Tecto y ante Alonso de Estrada, tesorero de su Magestad, á les informar de su necesidad, para que ellos la comuniquen á mí, y su necesidad se remedie; y si algunas personas hay que casados y no tienen sus mugeres en esta tierra, y quisieran traerlas, sepan que trayéndolas serán ayudadas así mismo para las traer, dando fianzas.

“Предмет. Por quanto en esta tierra hay muchas personas que tienen Indios de encomienda y no son casados, por hende por que conviene así para *la salud de sus conciencias de los tales* por estar en buen estado, como por la poblacion é noblecimiento de sus tierras, mando que las tales personas se casen, traigan y tengan sus mugeres en esta tierra dentro de un año y medio, despues que fueren pregonadas estas dichas Ordenanzas, é que no haciendo lo por el mismo caso sean privados y pierdan los tales Indios que así tienen.”

{*} [The exact date is given at the close of the document—“fecha en esta dicha ciudad [de Temixtitan] á veinte dias del mes de marzo de mil y quinientos é veinte y cuatro años.” Сэр Артур Хелпс говорит, что копия, отправленная Кортесом императору в октябре того же года, “была утеряна, но приказы явно связаны с темой *энкомьенды*”. Оригинал, похоже, тоже исчез. Но древняя копия этих, а также последующих постановлений и инструкций аналогичного характера хранится в архиве герцога Терранова-и-Монтелеоне в госпитале Иисуса в Мексике, и вся серия была опубликована еще в 1844 году сеньором Аламаном в его “Исторических исследованиях”, том i, стр. 105-143. Таким образом, содержание не является предметом умозаключений. Они не относятся главным образом или непосредственно к *энкомьендам*, поскольку эта система уже была создана и стала, говоря языком Аламана, “основой всей организации страны”. “Орденанзы”, хотя они случайно модифицируют систему, состоят по большей части из правил, подсказанных общим состоянием и обстоятельствами новой колонии. Они обеспечивают военное снаряжение и инспекцию поселенцев на предмет их готовности к службе; для их постоянного проживания в стране, что является условием их владения *репартименто*; для обращения туземцев, их защиты от грабежа и угнетения и образования детей их вождей; для выращивания импортных растений и зерна, а также разведения крупного рогатого скота, овец и свиней; для облегчения торговли путем создания рынков, регулирования цен и т.д.; И для организации муниципалитетов, устанавливающих их полномочия и функции. формы администрирования. Некоторые из этих положений все еще действуют, в то время как другие, хотя и устарели, указывают на происхождение определенных существующих обычаев. Взятые вместе, они содержат, по мнению Аламана, основу всех более поздних институтов страны, — “el fundamento de todas nuestras instituciones”.—К.]

[173] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 160.

[174] Ante, том i, стр. 310.

[175] От астмы, по словам Берналя Диаса (Hist. de la Conquista, глава 160); но ее смерть, по-видимому, была слишком внезапной, чтобы приписать ее этой болезни. Я вернусь к этой теме позже.

[176] Отн. Терц., А. П. Лоренцана, стр. 319, 320.

[177] Эррера, Hist. общие положения, декабрь 3, библиотека 5, глава 1.

[178] Эррера, Hist. общие сведения, 4 декабря, библиотека 6, глава. 5. Орденанзас, ср. —Постановления предписывают службу индейцев, часы, в которые они могут быть наняты, их питание, компенсацию и тому подобное. Они требуют, чтобы *encomendero* предоставил им подходящие средства религиозного обучения и места отправления культа. Но что толку от хороших законов, которые по самой своей природе предполагают терпимость к великим злоупотреблениям?

[179] Все население Новой Испании в 1810 году, по оценкам дон Фернандо Наварро-и-Норьегги, составляло около 6 000 000 человек, из которых более половины были чистокровными индейцами. У автора были наилучшие средства для достижения правильного результата. См. Гумбольдт, "Очерки политики", том i. стр. 318, 319, примечание.

[180] Рел. Кварта, ап. Лоренцана, стр. 391-394.— Правительство удовлетворило петицию завоевателей, которая далее запретила "адвокатам и сведущим в законе людям появляться в стране на том основании, что опыт показал, что они наверняка своими злонамеренными действиями нарушат покой общества". (Эррера, Hist. general, 3 декабря, lib. 5, cap. 2.) Эти законодательные акты являются всего лишь безразличной данью уважения характеру двух профессий в Кастилии.

[181] Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 1. Камарго, История. де Тласкала, MS. [Мои взгляды на характер испанских миссионеров находят одобрение у сеньора Аламана, который тепло восхваляет дух самопожертвования и неутомимое рвение, которое они проявляли в распространении Евангелия среди местных жителей: "Эль-старший Прескотт, де лос миссионерос, хусто апресио в вопросе о добродетелях мересьерона, и сын элогиоса, который рекомендует, Куанто в вопросе о религиозных взглядах пареса деберьяна, хасерле контрарио привет. En efecto, solo la iglesia católica ha producido misioneros inflamados de un verdadero celo religioso, que los ha hecho sacrificar su vida por la propagacion de la religion y en beneficio de la humanidad." Conquista de Méjico (trad. де Bera), том ii, стр. 255. Г-н Галлатин также в своих "Заметках о полудивилизованных нациях Америки" отдает искреннюю дань уважения трудам римско-католических миссионеров в Новом Свете: "Монахи-доминиканцы, будучи инквизиторами и безжалостными преследователями в Испании, стали в Америке защитниками индейцев.... Похвала должна быть обращена ко всем католическим священникам, будь то францисканцы или иезуиты, монахи или викарии. Все они с самого начала были, всегда были и продолжают быть защитниками и друзьями индийской расы". Труды Американского этнологического общества, i. 213.]

[182] "Cuyo hecho del rotísimo y humilde recebimiento fué uno de los heroicos hechos que este Capitan hizo, porque fué documento para que con mayor fervor los naturales desta tierra viniesen á la conversion de nuestra fee." (Камарго, История. де Тлашкала, CP. —см. также Берналь Диас, История. de la Conquista, cap. 171.) Архиепископ Лоренцана ничем не уступает тлашкальскому историку в своем восхищении религиозным рвением великого *конкистадора*, которое, как он уверяет нас, "полностью подавляет его, поскольку в нем гораздо больше от апостольского миссионера, чем от солдата!" Lorenzana, p. 393, nota.

[183] Торибио, Привет. de los Indios, MS., Часть 3, глава 1. —Отец Саагун, который таким образом служил лучше, чем кто-либо другой из его ордена, просто и кратко описывает быстрый процесс сноса. "Мы брали детей касиков, - говорит он, - в наши школы, где учили их читать, писать и петь. Детей более бедных туземцев собрали во дворе и там наставляли в христианской вере. После нашего учения один или два брата отвели учеников в соседний *теокалли*, и, поработав над ним несколько дней, они сравнивали его с землей. Таким образом, они за короткое время разрушили все ацтекские храмы, большие и малые, *так что от них не осталось и следа*". (История. Новой Испании, том. iii. стр. 77.) Этот отрывок помогает объяснить, почему в Мексике до сих пор сохранилось так мало архитектурных реликвий индейской эпохи.

[184] "De manera que á mi juicio y verdaderamente serán bautizados en este tiempo que digo, que serán quinze años, mas de nueve millones de ánimas de Indios." Торибио, Привет. de los Indios, MS., Parte 2, cap. 3.

[185] Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том i, стр. 43.—Гумбольдт, "Очерки политики", том iii, стр. 115, 145. —Защита дон Лукаса Аламана (Мексика, 1828), стр. 59.

[186] "Páraque cada Navío traiga cierta cantidad de Plantas, y que no pueda salir sin ellas, porque será mucha causa para la Poblacion, y perpetuacion de ella." Rel. Quarta de Cortés, ap. Lorenzana, p. 397. {*}

{*} [Первая пшеница была получена из трех зерен, найденных в мешке с рисом. Была получена и другая пшеница, но вся она была более или менее повреждена путешествием. См. Тапия, Реляция.—М.]

[187] “Item, que cualquier vecino que tubiere Indios de repartimiento sea obligado á poner en ellos en cada un año con cada cien Indios de los que tuvieran de repartimiento mil sarmientos aunque sean de la planta de su tierra, escogiendo la mejor que pudiesse hallar.” Ordenanzas municipales, año de 1524, MS.

[188] Ordenanzas municipales, año de 1524, MS.

[189] [“Никакой общественный интерес не проявился бы к частным начинаниям Кортеса, если бы единственной их целью было увеличение его собственного состояния. Но на самом деле они были зародышами того, что сейчас является наиболее важными составляющими национального богатства; и они доказывают величие тех взглядов, которые во времена Завоевания давали импульс всему, что обещало способствовать процветанию страны”. Alaman, Disertaciones históricas, tom. ii. p. 63.]

[190] “Tengo de ser causa, que Vuestra Cesarea Magestad sea en estas partes Señor de mas Reynos, y Señoríos que los que hasta hoy en nuestra Nacion se tiene noticia.” Rel. Quarta de Cortés, ap. Lorenzana, p. 374.

[191] “Как бы я ни уважал Эрнандо Кортеса, “ восклицает Овьедо, - как величайшего полководца и наиболее опытного в военных вопросах из всех, кого мы знали, я думаю, такое мнение показывает, что он не был великим космографом”. (История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 41.) Овьедо дождался до того, чтобы увидеть его ошибочность.

[192] Мученик, Сочинение Epist., ep. 811.

[193] Рел. Кварто, ап. Лоренцана, стр. 385.

[194] Иллюзия дома в какой-то мере поддерживалась ослепительной демонстрацией золота и драгоценностей, которые время от времени передавались из рук в руки, придавая им причудливые и часто фантастические формы. Одним из предметов, отправленных Кортесом домой, было боевое оружие из золота и серебра очень тонкой работы, один только металл которого стоил 25 000 *песо де oro*. Овьедо, который видел ее во дворце, с восхищением отзывается об этой великолепной игрушке. История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 41.

[195] Среди них можно особо упомянуть Письма Альварадо и Диего де Годоя, расшифрованные Овьедо в его Истории. de las Ind., MS. (библиотека 33, главы 42-44), и переведен Рамузио для его богатого собрания, Viaggi, том iii.

[196] Смотрите, среди прочего, его приказы своему родственнику Франсиско Кортесу - “Гражданская и военная инструкция по проведению экспедиции на Коста-де-Колима”. Документ датирован 1524 годом и является частью собрания рукописей Муньоса.

[197] Рел. Кварта, ап. Лоренцана, стр. 371. — “Что ж, мы можем удивляться, - восклицает его архиепископский редактор, - что Кортес и его солдаты могли за такое короткое время захватить и подчинить страны, многие из которых настолько труднодоступны, что даже в наши дни мы с трудом можем проникнуть в них!” Ibid., nota.

[198] Карта Кинта-де-Кортес, CP.

[199] Карта де Альборнос, МИСС, Мексика, 15 декабря 1525 г. —Карта Кинта де Кортес, МИСС. — Власти не совсем согласны с цифрами, которые, вероятно, менялись с каждым шагом их марша по плоскогорью.

[200] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 175.

[201] Среди них был капитан Диас, который, однако, с большой неохотой покинул уютную ферму, которую он занимал в провинции Коацакуалько, чтобы сопровождать экспедицию. “Но Кортес приказал, и мы не посмели сказать ”нет“”, - говорит ветеран. Там же, глава 174.

[202] Это знаменитое Письмо, которое никогда не публиковалось, обычно обозначается как *Carta Quinta*, или “Пятое письмо” Кортеса. Оно почти такое же длинное, как самое длинное из печатных писем “Завоевателя”, написано в той же ясной, простой, деловой манере и так же полно интереса, как и любое из предыдущих. В нем приводится подробный отчет об экспедиции в Гондурас вместе с событиями, произошедшими в следующем году. На нем нет даты, но, вероятно, оно было написано в том же году в Мексике. Оригинал рукописи находится в Императорской библиотеке в Вене, которая, поскольку германский скипетр в то время держала та же рука, что и кастильский, содержит много документов, ценных для иллюстрации истории Испании. {*}

{*} [Едва ли возможно, чтобы на длинном и важном документе в официальной форме не было даты, и поэтому мы можем подозревать, что венская рукопись, если она не была использована, не является оригиналом. Копия в Королевской библиотеке Мадрида, предположительно сделанная “с оригинала” Алонсо Диасом, заканчивается следующим образом: “De la cibdad de Temixtitlan, desta Nueva España á tres del mes de setiembre del nascimiento de nuestro Señor é Salvador Jesu-Cristo de 1526”. Эта дата подтверждается отрывком из письма, которое будет процитировано в примечаниях к следующей главе с датой 11 сентября, но оригиналов которого на самом деле два, причем дубликат датирован 11 сентября. 3. It gives a summary, for the emperor’s own perusal, of the matters narrated at length in the *Carta Quinta*, which it thus describes: “Así mesmo envio agora á V. M. con lo presente una relacion

bien larga y particular de todo lo que me subcedió en el camino que hice á las Hibueras, y al cabo della hago saber á V. M. muy por extenso lo que ha pasado y se ha hecho en esta Nueva España despues que yo parté de la isla de Cuba para ella.” См . кол . de Doc. inéd. para la Historia de España, tom. i.—K.]

[203] “Es tierra mui baja y de muchas sienegas, tanto que en tiempo de invierno no se puede andar, ni se sirve sino en canoas, y con pasarla yo en tiempo de seca, desde la entrada hasta la salida de ella, que puede aver veinte leguas, se hiziéron mas de cinquenta puentes, que sin se hazer fuera imposible pasar.” Carta Quinta de Cortés, MS.

[204] Я изучил некоторые из самых древних карт страны, составленных испанскими, французскими и голландскими космографами, чтобы определить маршрут Кортеса. Бесценная коллекция этих карт, составленная ученым немцем Эбелингом, хранится в библиотеке Гарвардского университета. Я могу обнаружить на них только четыре или пять мест, указанных генералом. Это места, упомянутые в тексте, и, хотя их немного, они могут служить для обозначения общего направления марша армии.

[205] “Donde se ponian los pies en el suelo açia arriba la claridad del cielo no se veia, tanta era la espesura y alteza de los árboles, que aunque se subian en algunos, no podian descubrir un tiro de piedra.” Carta Quinta de Cortés, MS.

[206] “Porque lleva mas que mil bigas, que la menor es casi tan gorda como un cuerpo de un hombre, y de nueve y diez brazas en largo.” Carta Quinta de Cortés, MS.

[207] “Pasada toda la gente y cavallos de la otra parte del alcon dimos luego en una gran çienega, que durava bien tres tiros de ballesta, la cosa mas espantosa que jamas las gentes viéron, donde todos los cavallos desencillados se sumiéron hasta las orejas sin parecerse otra cosa, y querer forçear á salir, sumianse mas, de manera que allí perdímos toda la esperanza de poder escapar cavallos ningunos, pero todavía comenzámos á trabajar y componerles haçes de yerba y ramas grandes de bajo, sobre que se sostuviesen y no se sumiesen, remediávanse algo, y andando trabajando y yendo y viniendo de la una parte á la otra, abrióse por medio de un calejon de agua y çieno, que los cavallos comenzáron algo á nadar, y con esto plugo á nuestro Señor que saliéron todos sin peligro ninguno.” Carta Quinta de Cortés, MS.

[208] Карта Кинта-де-Кортес, CP.

[209] История. de la Conquista, cap. 177.

[210] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra.

[211] По словам Диаса, и Куатемозин, и принц Такубы приняли религию своих завоевателей и были исповеданы монахом-францисканцем перед казнью. Далее тот же авторитет заверяет нас, что “они были, для индийцев, очень хорошими христианами и верили хорошо и истинно”. (Там же, лок. cit.) Вспоминаются последние часы Кауполикана, обращенного в христианство теми же людьми, которые привязали его к столбу. Посмотрите на сцену, нарисованную ужасающей рукой мастера, в “Араукане”, песнь 34.

[212] Прекрасная жена Куатемозина, принцесса Текуичпо, дочь Монтесумы, прожила достаточно долго после его смерти, чтобы отдать свою руку четырем кастильцам, все благородного происхождения. (См. ante, том iii, стр. 155, примечание 36.) Ее описывают как такую же хорошо обученную католической вере, как и любую другую женщину в Кастилии, как самую грациозную и обаятельную в своем поведении, и как внесшую большой вклад своим примером и уважением, с которым она внушала ацтекам, в спокойствие завоеванной страны. Стоит упомянуть, что этот приятный портрет написан рукой ее мужа, дона Тоана Кано. См. Приложение, № 11.

[213] Индийские хронисты считают предполагаемый заговор Гватемалозина выдумкой Кортеса. Сам осведомитель, когда впоследствии был подвергнут пыткам касиком Тецкоко, заявил, что он не сообщал ничего подобного испанскому командиру. Икстлильшочитль ручается за правдивость этой истории. (Venida de los Españoles, pp. 83-93.) Но кто поручится за Икстлильшочитля?

[214] “Y fué esta muerte que les diéron muy injustamente dada, y pareció mal á todos los que ibamos aquella jornada.” Hist. de la Conquista, cap. 177.

[215] “Guatemozin, Señor que fué de esta Ciudad de Temixtitan, á quien yo despues que la gané he tenido siempre preso, teniéndole por hombre bullicioso, y le llevé conmigo.” Карта Кинта, МИСС

[216] “Y le hacian aquella mesma reverencia, i ceremonias, que á Moteçuma, i creo que por eso le llevaba siempre consigo por la Ciudad á Caballo si cavalgaba, i sino á pie como él iba.” Crónica, cap. 170.

[217] “I Cortés debiera guardarlo vivo, como Oro en paño, que era el triumpho, i gloria de sus Victorias.” Crónica, cap. 170.

[218] История. de la Conquista, ubi supra.

[219] Там же, глава 178.

[220] Диас, который присутствовал при этом, подтверждает правдивость этого рассказа самым торжественным заклинанием: “Да будет так, как оно есть, се ло мой сертификат и се ло закон, аминь”. Хист. de la Conquista, cap. 37.

[221] [Аламан, изучив муниципальные архивы Мексики, обнаружил, что Хуан де Харамильо был командиром одной из бригадин при осаде Мексики. Впоследствии он занимал должность королевского знаменосца города и несколько раз избирался представлять его в ассамблеях городов Новой Испании. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том. ii. стр. 269.]

[222] [Испанское правительство продемонстрировало свое понимание услуг Марины, предоставив несколько поместий как в городе, так и за его пределами. Дом, в котором она обычно жила в Мексике, находился на улице Мединас, как она сейчас называется, которая тогда носила фамилию ее мужа Харамильо. У нее был увеселительный дом в Чаполтепеке, а в Куйоакане - сад, принадлежавший Монтесуме. Она жила, наслаждаясь богатством и большим уважением со стороны своих соотечественников; и, поскольку мы видим упоминания о ее внуке при ее жизни, мы можем предположить, что она достигла почтенной старости. Conquista de Méjico (trad. de Vega), tom. ii. p. 269.—Alaman, Disertaciones históricas, tom. ii. p. 293.]

[223] Жизнь в Мексике, лет. 8. Честный автор не претендует на то, что был удостоен зрелища призрака.

[224] Вильягутьерре говорит, что истак, именем которых назывались жители этих островов, не уничтожали своих идолов, пока там оставались испанцы. (Historia de la Conquista de la Provincia de el Itza (Madrid, 1701), pp. 49, 50.) Историк ошибается, поскольку Кортес прямо утверждает, что изображения были разбиты и сожжены в его присутствии. Carta Quinta, CP.

[225] Факт зафиксирован Вильягутьерре, Конкиста-де-эль-Ица, стр. 100-102, и Кохуллодо, История. де Юкатан, библиотека 1, глава 16.

[226] “Y querer dezir la aspereza y fragosidad de este Puerto y sierras, ni quien lo dixese lo sabia significar, ni quien lo oyese podria entender, sino que sepa V. M. que en ocho leguas que duró hasta este puerto estuvimos en las andar doze dias, digo los postreros en llegar al cabo de él, en que murió sesenta y ocho cavallos despeñados y desxaretados, y todos los demas viniéron heridos y tan lastimados que no pensámos aprovecharnos de ninguno.” Carta Quinta de Cortés, MS.

[227] “Если бы у какого-нибудь несчастного закружилась голова во время этого перехода, - говорит Кортес, - он неизбежно упал бы в пропасть и погиб. Было более двадцати таких ужасных переходов”. Carta Quinta, МИСС

[228] “Espantáronse en gran manera, y como supiéron que era Cortés q̃ tan nombrado era en todas estas partes de las Indias, y en Castilla, no sabiã que se hazer de placer.” Хист. de la Conquista, cap. 179.

[229] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 179 и далее.—Эррера, История. генеральный, 3 декабря, библиотека 8, главы 3, 4.—Генеральная Хартия Кортеса, МИСС

[230] Карта Кинта де Кортес, МИСС—Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 185.—Relacion del Tesorero Strada, MS., México, 1526.

[231] Карта Кинта-де-Кортес, CP.

[232] История. de la Conquista, cap. 184, et seq.—Carta Quinta de Cortés, MS.

[233] Карта Кинта де Кортес, МИСС—Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 189, 190.—Carta de Cortés al Emperador, MS., México, Sept. 11, 1526.

[234] Карта де Оканья, CP., 31 августа 1526 г. —Карта Кинта де Кортес, CP.

[235] “То, что перенес Кортес, — говорит доктор Робертсон, - во время этого похода на расстояние, по словам Гомары, 3000 миль” (расстояние, должно быть, сильно преувеличено), — “от голода, враждебности туземцев, климата и лишений всех видов, не имеет аналогов в истории, но то, что происходит в приключениях других первооткрывателей и завоевателей Нового Света. Кортес служил на этой ужасной службе более двух лет; и, хотя она не была отмечена какими-либо блестящими событиями, он проявил в ходе нее большее личное мужество, большую силу духа, больше настойчивости и терпения, чем в любой другой период или сцену своей жизни”. (История. Америки, примечание 96.) Замечания историка справедливы; как может показать отрывок, который я позаимствовал из “экстраординарных записей Завоевателя”. Те, кто желает увидеть что-то из этого повествования, изложенного по-своему, найдут несколько страниц в переводе в Приложении № 14.

[236] “Y esto yo lo oí dezir á los del Real Consejo de Indias, estando presente el señor Obispo Fray Bartolomé de las Casas, que se descuidó mucho Cortés en ello, y se lo tuviéron á floxedad.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 190.

[237] Мемориал Луиса Карденаса, г-жа Карта Диего де Оканья, Г—жа Эррера, Hist. общие положения, 3 декабря, библиотека 8, главы 14, 15.

[238] Карта Императора, CP., Толедо, 4 ноября 1525г.

[239] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 192.—Carta de Cortés al Emperador, MS., México, Set. 11, 1526.

[240] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 194.—Carta de Cortés al Emperador, MS., Set. 11, 1526.

[241] Эррера, Hist. общие положения, декабрь 4, библиотека 2, глава 1; и библиотека 3, глава 8.

[242] “Todas estas entradas están ahora para partir casi á una, plega á Dios de los guiar como él se sirva, que yo aunque V. M. mas me mande desfavoreçer no tengo de dejar de servir, que no es posible que por tiempo V. M. no conosca mis servicios, y ya que esto no sea, yo me satisfago con hazer lo que debo, y con saber que á todo el mundo tengo satisfecho, y les son notorios mis servicios, y lealdad, con que los hago, y no quiero otro mayorazgo sino este.” Carta Quinta, MS.

[243] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 194.—Carta de Ocaña, MS., Agosto 31, 1526.

[244] Папа Римский, происходивший из веселой семьи Медичи, Климент VII, и кардиналы, по словам Диаса, были в большом восторге от подвигов индейских жонглеров; и его Святейшество, который, можно добавить, получил в то же время от Кортеса значительное пожертвование золотом и драгоценностями, публично засвидетельствовал молитвами и торжественными процессиями свое глубокое понимание услуг, оказанных христианству завоевателями Мексики, и щедро отплатил им буллами, дарующими полное отпущение их грехов. Хист. de la Conquista, cap. 195.

[245] “Y en fin venia como gran Señor.” История, 4 декабря, библиотека 3, глава 8.

[246] Эррера, Hist. общие сведения, 4 декабря, библиотека 4, глава. 1.—Cavo, Los tres Siglos de México, tom. i. p. 78.

[247] Pizarro y Orellana, Varones ilustres, p. 121.

[248] Смотрите завершение книги Роджерса "Путешествие Колумба".

[249] Берналь Диас говорит, что Сандовалю было двадцать два года, когда он впервые приехал в Новую Испанию в 1519 году.—История. de la Conquista, cap. 205.

[250] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 195.

[251] “Vino de las Indias despues de la conquista de Mexico, con tanto acompañamiento y magestad, que mas parecia de Príncipe, ó señor poderosísimo, que de Capitan y vasallo de algun Rey ó Emperador.” Lanuza, Historias ecclesiásticas y seculares de Aragon (Zaragoza, 1622), lib. 3, cap. 14.

[252] Гомара, Крона, глава 183.—Эррера, История. генерал, 4 декабря, библиотека 4, глава. 1.—Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 195.

[253] Титуло де Маркес, МИСС, Барселона, 6 июля 1529 года.

[254] Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 30, примечание.— По словам Ланузы, император предложил ему орден Святого Яго, но отказался от него, потому что к нему не была прикреплена *энкомьенда*. (История. де Арагон, том. i. библиотека. 3, глава. 14.) Но Каро де Торрес в своей "Истории военных орденов Кастилии" перечисляет Кортеса среди членов компостельского братства. История. de las Órdenes militares (Madrid, 1629), fol. 103, et seq.

[255] Merced de Tierras inmediatas á Mexico, MS., Barcelona, 23 de Julio, 1529.—Merced de los Vasallos, MS., Barcelona, 6 de Julio, 1529

[256] “É nos habemos recibido y tenemos de vos por bien servido en ello, y acatando los grandes provechos que de vuestros servicios han redundado, así para el servicio de Nuestro Señor y aumento de su santa fè católica, y en las dichas tierras que estaban sin conocimiento ni fè se han plantado, como el acrecentamiento que dello ha redundado á nuestra corona real destos reynos, y los trabajos que en ello habeis pasado, y la fidelidad y obediencia con que siempre nos habeis servido como bueno é fiel servidor y vasallo nuestro, de que somos ciertos y confiados.” Merced de los Vasallos, MS.

[257] “Благосклонный прием, который я испытал по возвращении от вашего Величества, - говорит Кортес, - ваши добрые выражения и великодушное обращение заставляют меня не только забыть все мои труды и страдания, но даже сожалеть о том, что я не был призван вынести больше на вашей службе”. (Carta de Cortés al Lic. Nuñez, MS., 1535.) Этот мемориал, адресованный его агенту в Кастилии, был разработан для императора.

[258] Título de Capitan General de la Nueva-España y Costa del Sur, MS., Barcelona, 6 de Julio, 1529.

[259] Asiento y Capitulacion que hizo con el Emperador Don H. Cortés, MS., Madrid, 27 de Oct., 1529.

[260] “Que, segun se dezia, excedia en las hazañas á Alexandro Magno, y en las riquezas á Crasso.” (Lanuza, Hist. de Aragon, biblioteca 3, глава. 14.) Арендная плата маркиза Долины, по словам Л. Маринео Сикуро, жившего в то время при дворе, составляла около 60 000 дукатов в год. Cosas memorables de España (Alcalá de Henares, 1539), fol. 24.

[261] Донья Хуана происходила из дома Арельяно и королевского рода Наварры. Ее отец был не очень богатым дворянином. Л. Маринео Сикуро, “Памятные козыри”, т. 24, 25.

[262] Один из этих драгоценных камней был столь же ценным, как бирюза Шейлока. По словам Гомары, некоторые генуэзские купцы в Севилье предложили Кортесу за него 40 000 дукатов. Тот же автор дает более подробный отчет о драгоценностях, который может заинтересовать некоторых читателей. Это показывает изобретательность художника, который без использования стали мог так красиво резать такой твердый материал. Один изумруд был в форме розы; второй - в форме рога; третий - в виде рыбы с золотыми глазами; четвертый был похож на маленький колокольчик с тонкой жемчужиной вместо язычка, а по ободку была надпись на испанском: *Благословен тот, кто создал тебя*. Пятой, самой ценной, была маленькая чашечка на золотой ножке с четырьмя маленькими цепочками из того же металла, прикрепленными к крупной жемчужине в виде пуговицы. Край кубка был золотым, на котором была выгравирована латинская фраза: *Inter natos mulierum non surrexit major*. Gomara, Crónica, cap. 184.

[263] Карта Кортеса аль-Имперадора, CP., Тецкоко, 10 октября 1530г.

[264] Смерть доньи Каталины произошла так кстати для растущего благосостояния Кортесов, что это обвинение в убийстве, совершенном ее мужем, получило большее признание the vulgar, чем другие обвинения, выдвинутые против него. Кортес, по какой бы то ни было причине, возможно, из убеждения, что обвинение было слишком чудовищным, чтобы ему поверили, так и не снизошел до того, чтобы доказать свою невиновность. Но, в дополнение к упомянутым в тексте аргументам для дискредитации обвинений в целом, мы должны учитывать, что это конкретное обвинение привлекло так мало внимания в Кастилии, где у него было множество врагов, что по возвращении туда семь лет спустя он без труда заключил союз с одним из самых благородных домов королевства; что ни один писатель того времени (за исключением Бернала Диаса, который рассматривает это как низкую клевету), даже Лас Касас, суровый обвинитель завоевателей, не намекает на подозрение в его вине; и что, наконец, ни один писатель того времени (за исключением Бернала Диаса, который рассматривает это как низкую клевету). какие бы намеки на это ни делались в иске, возбужденном через несколько лет после ее смерти родственниками Доньи Каталины о взыскании имущества с Кортеса, якобы полученного ею в результате брака с ним, — иске, возбужденном с ожесточением и затянувшимся на несколько лет. Я не видел документов, связанных с этим иском, которые все еще хранятся в архивах дома Кортесов, но этот факт был доведен до меня уважаемым мексиканцем, который тщательно их изучил, и я не могу не считать убедительным тот факт, что семья, по крайней мере, Доньи Каталины, не придавала значения обвинению. И все же в Мексике, где память о старых испанцах в наши дни не в особом почете, этому придается такое значение, что это стало предметом тщательной дискуссии в общественных периодических изданиях этого города.

[265] Этот замечательный документ, составляющий часть ценной коллекции Дона Варгаса Понсе, не датирован. Несомненно, оно было подготовлено в 1529 году, во время визита Кортеса в Кастилию. К нему прилагается следующее заглавие:

“Pesquisa secreta.

“Relacion de los cargos que resultan de la pesquisa secreta contra Don Hernando Cortés, de los quales no se le dió copia ni traslado á la parte del dicho Don Hernando, así por ser los dichos cargos de la calidad que son, como por estar la persona del dicho Don Hernando ausente como está. Los quales yo Gregorio de Saldaña, escribano de S. M. y escribano de la dicha Residencia, saqué de la dicha pesquisa secreta por mandado de los Señores, Presidente y Oidores de la Audiencia y Chancillería Real que por mandado de S. M. en esta Nueva España reside. Los quales dichos Señores, Presidente y Oidores, envían á S. M. para que los mande ver, y vistos mande proveer lo que á su servicio convenga.” MS.

[266] CP., Торделагуна, 22 де Марцо, 1530.

[267] Основная жалоба заключалась в том, что рабы, многие из которых временно содержались своими хозяевами, согласно старому ацтекскому обычаю, были учтены при переписи. Жалоба является частью каталога жалоб, изложенных Кортесом в мемориале императору. Это четкий и деловой документ. Carta de Cortés á Nuñez, MS.

[268] Там же, CP.

[269] [“Dominando una vista muy extensa sobre el valle hácia el Sur, lo que al Norte y Oriente se termina con la magestuosa cordillera que separa el valle de Cuernavaca del de Méjico.” Alaman, Disertaciones históricas, tom. ii. p. 35.]

[270] Дворец превратился в руины, и это место теперь примечательно только своей природной красотой и историческими ассоциациями. “Это была столица, ” говорит мадам де Кальдерон, “ народа Тлауика, и после завоевания Кортес построил здесь великолепный дворец, церковь и монастырь для францисканцев, полагая, что заложил фундамент великого города.... Это, однако, место неважное, хотя и столь облюбованное природой; а дворец Завоевателя представляет собой полуразрушенную казарму, хотя и весьма живописный объект, стоящий на холме, за которым начинается большой белый вулкан ”. Жизнь в Мексике, том II. let. 31. [Прекрасная церковь Сан-Франциско, ныне приходская церковь, была построена Кортесом и украшена драгоценностями и священными сосудами его женой, что, по словам Аламана, свидетельствует о хорошем вкусе и набожности *маркиза* и *маркизины*,—поскольку, поскольку они были первыми и на тот момент единственными лицами, носившими этот титул в Мексике, они носили титул и всегда подписывались сами. Disertaciones históricas, tom. ii. p. 35.]

[271] Эти сведения о сельскохозяйственной экономике Кортеса я частично почерпнул из очень убедительного аргумента, подготовленного в январе 1828 года доном Лукасом Аламаном для Мексиканской палаты депутатов в защиту территориальных прав, которыми в наши дни обладает потомок Завоевателя, герцог Монтелеоне.

[272] Наваррете, Собрание Вяжей и потомков (Мадрид, 1837), том v., Вяжи аль Малуко.

[273] Instruccion que dió el Marques del Valle á Juan de Avellaneda, etc., MS.

[274] Provision sobre los Descubrimientos del Sur, MS., Setiembre, 1534.

[275] Река Уасакуалько предоставляла отличные возможности для транспортировки через перешеек из Вера-Крус материалов для строительства судов в Тихом океане. Humboldt, Essai politique, tom. iv. p. 50.

[276] Инструкция Маркеса дель Валье, MS.—Наиболее подробный и достоверный отчет о круизе Уллоа можно найти в Ramusio. (Том iii. стр. 340-354.) Написано одним из офицеров эскадрильи. Мои возможности не позволяют мне приводить подробности путешествий, совершенных Кортесом, которые, хотя и были небезынтересны, не привели к необратимым последствиям. {*} Хорошее краткое описание своих экспедиций в Персидский залив дал Наваррете во Введении к его книге "Связь времен войны за Голетас Сутил и Мексикана" (Мадрид, 1802), стр. vi.-xxvi.; а английский читатель найдет краткий отчет о них в ценных мемуарах Гринхоу "На северо-западном побережье Северной Америки" (Вашингтон, 1840), стр. 22-27.

{*} [Неугомонный и решительный дух, с которым Кортес преследовал свои в основном безрезультатные проекты открытий, иллюстрируется письмом в Совет Индии от 20 сентября 1538 года, в котором он умолял этот орган помочь его агентам в приобретении для него лоцманов. По его словам, в настоящее время у него есть девять судов, очень хороших и хорошо оснащенных, и он ждет только лоцманов, поскольку тщетно пытался получить несколько из Панамы и Леона. Хотя он еще не добился плодов, которых ожидал от своих экспедиций, он уповает на Бога, что отныне им сопутствует удача. Кол. de Doc. inéd. relativos al Descubrimiento, Conquista y Colonizacion de las Posesiones españolas en América y Oceanía, tom. iii.—К.]

[277] Мемориал Короля Маркеса дель Валье, мисс, 25 июня 1540 года.

[278] Сборник описаний преступлений, MS.

[279] Смотрите карту, подготовленную лоцманом Доминго дель Кастильо в 1541 году, ap. Lorenzana, стр. 328.

[280] В коллекции Варгаса Понсе есть петиция Кортеса, в которой излагаются его жалобы и требование провести расследование поведения вице-короля. Дата не указана. *Peticion contra Don Antonio de Mendoza Virrey, pidiendo residencia contra él*, MS.

[281] Берналь Диас, *Hist. de la Conquista*, cap. 200.

[282] Гомара, Крона, глава 237.

[283] Сандовал, *Hist. de Карлос Против*, библиотека. 12, глава. 25.—Феррерас (традиция. д'Эрмильи), *История. д'Эспань*, том. ix. стр. 231.

[284] Вольтер рассказывает нам, что однажды Кортес, не сумев добиться аудиенции у императора, протолкался сквозь толпу, окружавшую королевскую карету, и поднялся по ступенькам; и когда Карл спросил, “кто был этот человек”, он ответил: “Тот, кто дал вам больше королевств, чем у вас раньше было городов”. (*Essai sur les Mœurs*, chap. 147.) Для этого самого невероятного анекдота я не нашел никаких подтверждений. Это, однако, очень хорошо послужило для того, чтобы указать на мораль — главное для фернейского философа.

[285] Письмо, датированное 3 февраля 1544 года, Вальядолид, можно найти полностью, в оригинале, в Приложении № 15.

[286] “Пункт. Porque acerca de los esclavos naturales de la dicha Nueva España, así de guerra como de rescate, ha habido y hay muchas dudas y opiniones sobre si se han podido tener con buena conciencia ó no, y hasta ahora no está determinado: Mando que todo aquello que generalmente se averiguare, que en este caso se debe hacer para descargo de las conciencias en lo que toca á estos esclavos de la dicha Nueva España, que se haya y cumpla en todos los que yo tengo, é encargo y mando á D. Martin mi hijo subcesor, y á los que despues dél subcedieren en mi Estado, que para averiguar esto hagan todas las diligencias que combengan al descargo de mi conciencia y suyas.” *Testamento de Hernán Cortés*, MS.

[287] Это аргумент, опровергнутый Лас Касасом в его тщательно разработанном Меморандуме, адресованном правительству в 1542 году, о наилучшем методе прекращения уничтожения аборигенов.

[288] Этот интересный документ находится в Королевском архиве Севильи, и его копия является частью ценной коллекции дона Варгаса Понсе.

[289] [Мой друг мистер Пикар снабдил меня копией надписи, которую можно увидеть или могла увидеть несколько лет назад на доме, в котором скончался Кортес. “Здесь скончался второго сентября 1544 года, жертва горя и несчастий, знаменитый Эрнан Кортес, слава нашей страны и завоеватель мексиканской империи”. Странно, что автор надписи допустил ошибку более чем на три года в дате смерти героя.]

[290] Зуньига, “*Анналы Севильи*”, стр. 504.—Гомара, Крона, глава 237.— В своем последнем письме императору, датированном февралем 1544 года, он говорит о себе как о “шестидесятилетнем”. Но он, вероятно, не имел в виду быть точным с точностью до года. Заявление Гомары о том, что он родился в 1485 году (*Crónica*, глава 1), подтверждается Диасом, который рассказывает нам, что Кортес говорил, что когда он впервые приехал в Мексику в 1519 году, ему было тридцать четыре года. (*Hist. de la Conquista*, cap. 205.) Это совпадало бы с возрастом, указанным в тексте.

[291] Уведомление об архиве Санта-Эклесии Севильи, MS.

[292] Полные подробности церемонии, описанные в тексте, можно найти в Приложении № 16, переведенном на английский язык с копии оригинального документа, находящегося в архиве Больницы Иисуса в Мексике.

[293] [Бюст Кортеса и герб из позолоченной бронзы были тайно сняты с его памятника и отправлены его потомку, герцогу Монтелеоне, в Палермо. Останки Завоевателя вскоре после этого были отправлены в том же направлении, по словам доктора Мора, цитируемого Аламаном, который не противоречит этому: “Это гаврийское осквернение сенизаса эро, грех предварительного расследования персон депрекупадаса, вопрос о том, кто заслужил честь в отечестве, чтобы получить достойное представление и безрефлексивную процедуру, логарифмическое объяснение того, что происходит в Италии в ближайшее время ”. семья”. *Исторические исследования*, том ii, стр. 61.]

[294] *Политические очерки*, том ii, стр. 60.

[295] [По словам Аламана, они придерживались довольно экстравагантной идеи, что, как потомки нации-завоевателя, они являются наследниками прав побежденных и обязаны отомстить за причиненные им обиды. *Conquista de Méjico* (trad. de Vega), том. ii. стр. 309.]

[296] Дон Мартин Кортес, второй маркиз Долины, был обвинен, как и его отец, в попытке установить независимый суверенитет в Новой Испании. Его родные братья, дон Мартин и Дон Луис, были обвинены по тому же обвинению, что и он сам, и

первый, как я уже отмечал в другом месте, вследствие этого был подвергнут пыткам. Несколько других его друзей, обвиненных в подстрекательстве к его изменническим замыслам, были казнены. Маркиз был вынужден переехать со своей семьей в Испанию, где проводилось расследование; а его большие поместья в Мексике были арестованы до окончания процесса, на семилетний период, с 1567 по 1574 год, когда он был признан невиновным. Но его имуществу был нанесен непоправимый ущерб из-за неумелого управления королевских чиновников во время срока секвестра.

[297] [Незаконнорожденными детьми были дон Мартин Кортес, дон Луис Кортес, Донья Каталина Писарро (дочь Доньи Леонор Писарро), а также две другие дочери, Леонор и Мария, рожденные от двух индианок благородного происхождения. Alaman, *Disertaciones históricas*, tom. ii. p. 48.]

[298] [Сеньор Аламан, ссылаясь на этот отрывок, говорит: “Ошибочно предполагать, что наследники Кортесов и Гонсалво де Кордова когда-либо были соединены браком. Факт, по-видимому, заключается в том, что титул герцога Террановы носили потомки обоих; но Терранова, присвоенный Великому Капитану, находился в Калабрии, в то время как место, откуда потомки Кортеса получили этот титул, находилось на Сицилии. *Conquista de Méjico* (trad. de Bera), том. ii. стр. 308.]

[299] “Yo me ofresco á descubrir por aquí toda la espeçería, y otras Islas si huviere cerca de Moluco, ó Melaca, y la China, y aun de dar tal órden que V. M. no aiga la espeçería por via de rescate, como la ha el Rey de Portugal, sino que la tenga por cosa propria, y los naturales de aquellas Islas le reconoscan y sirvan como á su Rey y señor natural, porque yo me ofresco con el dicho additamento de embiar á ellas tal armada, *ó ir yo con mi persona por manera que la sojuse y pueble.*” Carta Quinta de Cortés, MS.

[300] Сравнение с Ганнибалом более обосновано, чем, вероятно, представлял себе старый солдат. Описание карфагенского воина Ливием прекрасно применимо к Кортесу — возможно, лучше, чем описание вымышленного персонажа, процитированного несколькими строками ниже по тексту. “Plurimum audaciæ ad pericula capessenda, plurimum consilii inter ipsa pericula erat: nullo labore aut corpus fatigari, aut animus vinci poterat. Caloris ac frigoris patientia par: cibi potionisque desiderio naturali, non voluptate, modus finitus: vigiliarum somnique nec die, nec nocte discriminata tempora. Id, quod gerendis rebus superesset, quieti datum; ea neque molli strato, neque silentio arcessita. Multi sæpe militari sagulo opertum, humi jacentem, inter custodias stationesque militum, conspexerunt. Vestitus nihil inter æquales excellens; arma atque equi conspiciebantur. Equitum peditumque idem long primus erat; princeps in priliolum ibat; ultimus conserto priliolo excedebat.” (История, библиотека, xxi, раздел 5.) Читатель, размышляющий о судьбе Гватемалозина, возможно, подумает, что в следующем предложении отрывка следовало бы включить “*perfidia plus quàm Punica*”.

[301] Тестаменто де Эрнан Кортес, г-жа

[302] Гумбольдт, “Очерки политики”, том ii. стр. 267.

[303] Кабо рассказывает экстраординарный анекдот об этом фанатизме (будем ли мы называть это политикой?) Кортеса. “В Мексике,” говорит историк, - обычно сообщается, что после Завоевания он повелел, чтобы по воскресеньям и праздникам все присутствующие, под страхом определенного количества нашивок, посещали толкование Священного Писания. Однажды генерал сам был виновен в упущении и, выслушав предостережение священника, с назидательным смирением подчинился его наказанию, к невыразимому изумлению индейцев”. Хист. de los tres Siglos, tom. i. p. 151.

[304]

“Al Rey infinitas tierras,

Y á Dios infinitas almas,”

- говорит Лопе де Вега, отмечая этим двуступишем двойную славу Кортеса. Именно в таком свете рассматривал Завоевание каждый набожный испанец шестнадцатого века.

[305] *Ante*, том i, стр. 325.

[306] Со Гомара: “Он одевался скорее опрятно, чем богато, и всегда был скрупулезно опрятен”. *Crónica*, глава 238.

[307] “Fué mui gran comedor, i templado en el beber, teniendo abundancia. Sufria mucho la hambre con necesidad.” *Ibid*, ubi supra.

[308] По словам Гомары, он ежегодно жертвовал тысячу дукатов на свои обычные благотворительные цели. “Grandísimo limosnero; daba cada un año mil ducados de limosna ordinaria.” *Crónica*, cap. 238.

[309] История. de la Conquista, cap. 203.

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)

FAC-SIMILE OF THE SIGNATURE OF CORTÉS.

The above signature (Hernando Cortés) together with the 'rubric' or flourish which forms an indispensable appendage to a Spanish name was the Conqueror's signature before he was made (Marquess of the Valley of Oaxaca). It is not easy to meet with it, as after that time he always subscribed himself by his TITLE.

For Prescott's History of the Conquest of Mexico.

[Назад](#)

[Назад](#)